

О. Абрамова, Г. Бородулина, Т. Колоскова

МЕЖДУ ПРАВДОЙ И ИСТИНОЙ

(Об истории спекуляций вокруг родословия В.И. Ленина)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

О.Абрамова, Г.Бородулина, Т.Колоскова

МЕЖДУ ПРАВДОЙ И ИСТИНОЙ

(Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина)

Москва 1998

Печатается по решению Ученого совета ГИМ

О.Абрамова, Г.Бородулина, Т.Колоскова. Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В.И.Ленина) — М., 1998. — 192 с., илл.

Частная жизнь Ленина вызывала и продолжает вызывать жгучее любопытство. Сознательное же или невольное умолчание достоверных данных о ней порождает вымыслы или похожую на правду ложь.

Книга дает богатый фактический материал о том, как образовывались пустоты в вопросе о происхождении вождя, каковы были механизмы запутывания проблемы.

Читатель найдет здесь самые полные на сегодняшний день сведения о всех ветвях генеалогического древа В.И.Ульянова.

Впервые в книге представлен весь комплекс ранее засекреченных документов, касающихся еврейских предков Ленина. Исследуется достоверность версии о калмыцких предках, даны подробные сведения о немецкой и шведской ветвях генеалогического древа.

Работу об истории изучения родословной В.И.Ленина авторы рассматривают как попытку преодоления агиографии Ленина.

О.Абрамова: глава IV

Г.Бородулина: главы I, III, Библиография

Т.Колоскова: Введение, главы II, V

Авторский коллектив выражает благодарность за помощь в создании книги заместителю заведующего отделом РЦХИДНИ Е.Е.Кирилловой.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателю работа — это не исследование, в строгом смысле слова, генеалогии В.И.Ульянова (Ленина). История изучения его родословия — скорее повод для размышления о том, почему ставшее возможным с начала 90-х годов прояснение многих запутанных сторон биографии В.И.Ленина не приблизило наше посткоммунистическое общество к пониманию подлинного места этой личности в мировой истории.

Авторы работы, сотрудники бывшего Центрального музея В.И.Ленина, многие годы пропагандировали жизнь и деятельность Владимира Ильича в соответствии с традицией, сложившейся еще при его жизни. Так, в 1920 году, обосновывая необходимость создания Музея В.И.Ленина, его старый соратник М.С.Ольминский писал: "У т. Ленина нет и не было иной жизни, кроме жизни в партии и для партии"¹. По существу тот же подход к жизнеописанию Ленина отстаивал и В.Маяковский, когда, откликаясь на смерть вождя, утверждал: "Коротка и до последних мгновений нам известна жизнь Ульянова. Но долгую жизнь товарища Ленина надо писать и описывать заново"². Преимущественное описание деятельности Вождя, оставлявшее за кадром многие подробности частной жизни В.И.Ульянова, оставалось долгое время правилом как для советской ленинианы в целом, так и для экспозиций музеев В.И.Ленина.

Однако история, как и природа, не терпит пустот и белых пятен. Родословие и частная жизнь Ленина вызывали и продолжают вызывать жгучее любопытство. Сознательное же или невольное умолчание достоверных данных о ней порождает вымыслы или похожую на правду ложь.

Для того чтобы объяснить, как образовывались пустоты в вопросе о происхождении вождя, каковы были механизмы запутывания проблемы, мы обратились к истории изучения родословной В.И.Ленина. Представленные в первой главе результаты этого исследования, мы надеемся, помогут понять, почему так долго официальная лениниана замалчивала нерусских предков Владимира Ильича.

Разумеется, нас также интересовало, кто же были в действительности эти нерусские предки. До сих пор российский читатель не имеет ясного представления о немецкой и шведской ветвях рода Ленина. Вышедшая в 1997 году книга М.Г.Штейна «Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима»³ значительно восполняет пробелы в данном вопросе. Однако пока не переведены на русский язык работы немецких историков Георга фон Рауха и Адальберта Брауэра о немецких предках Владимира Ильича. Русскоязычному читателю остается недоступным исследование о шведской ветви родословной Ленина, проведенное Кристиной Бакман и изданное в Швеции в 1995 году⁴. До сих пор дискутируется вопрос о еврейских корнях Ленина. Это объясняется тем, что документы, изъятые в разное время из архивов, хранятся разрозненно в Российской Федерации. Нам удалось познакомиться со всем комплексом этих документов, свести воедино и сопоставить содержащуюся в них информацию. Результаты этой работы представлены в главе, посвященной деду Ленина по материнской линии. Глава о немецких и шведских предках — комментированный перевод работ немецких историков.

Восстановление истории изучения родословной В.И.Ульянова мы считаем попыткой преодоления агиографии Ленина⁵. В советскую эпоху авторы более 1500 литературных произведений стремились рассказать «правду» о вожде. Однако и сегодня, в конце XX столетия, между попытками (часто включенными в политический контекст современной истории) «правдиво» описать жизнь Ленина и истиной останется непознанная реальная историческая личность — Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

¹ Записка М.С. Ольминского о создании Музея В.И.Ленина // Известия ЦК КПСС. 1990. №5. С.78.

² Маяковский В. Владимир Ильич Ленин. М., 1969. С.9.

³ Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб., ВИРД, 1997.

⁴ Бакман. К. Новое о шведских предках В.И.Ленина // Новая и новейшая история. 1997. №3. С.160–166.

⁵ Мы используем этот термин в его втором значении — как напыщенное, неправдоподобное жизнеописание (Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989. С.15).

ГЛАВА I

"НЕТ ЛЖИ БЕЗЖАЛОСТНЕЙ, ЧЕМ УМОЛЧАНИЕ"

РОЖДЕНИЕ МИФОВ

Родословные выдающихся в истории человечества личностей всегда вызывали особый общественный интерес. В полной мере это относится и к семье В.И.Ульянова (Ленина) — руководителя коммунистической партии и главы Советского правительства.

Сразу после революции появляются первые биографии Ленина, их цель — ответить на вопрос, волнующий рабочих и крестьян: "Кто он — Ленин?".

Уже в биографиях, изданных в 1918—1920 годах, намечаются контуры мифологии о жизни и деятельности Вождя, а после его смерти товарищи по партии приступили к масштабному формированию государственного культа Ленина.

Член коллегии Петроградского Истпарта¹ Г.Шидловский, в 1921 году проанализировав три наиболее распространенные в то время биографические книги о Ленине, пришел к выводу, что после их прочтения "не только партийный агитатор, но и рядовой читатель невольно задастся вопросом:

— А на самом деле, кто же по происхождению был тов. Ленин?"².

Например, в книге Г.Зиновьева говорилось: "...отец тов. Ленина, родом *крестьянин*, работал на Волге директором народных училищ"³. В книге А.Митрофанова: "...его отец *дворянин* по происхождению, далекий от крестьянства"⁴. В.Невский сообщал, что "отец Ленина сам происходил от *бедных и незнатных* родителей из г.Астрахани"⁵.

Шидловский призвал "рассеять творимый при жизни тов. Ленина миф о нем, о его происхождении и напомнить авторам и издателям:

Ленин — жив, и его надо порасспросить о нем самом, прежде чем писать"⁶.

О возможном ответе Ленина позволяет судить анкета всероссийской переписи членов партии 1922 года. На вопрос об отце ("Основная профессия или занятие, должность, чин") он ответил: "Директор народных училищ", о деде с отцовской стороны последовало — "не знаю"⁷.

Старшая сестра Владимира Ильича А.И.Ульянова-Елизарова в отзыве на статью написала, что «...данные, сообщаемые т.Невским, всего ближе к истине. Илья Николаевич родился в Астрахани от "бедных и незнатных" родителей. Но мы можем поставить точку над і и сказать: по происхождению он был мещанином г.Астрахани... Числясь на государственной службе, он получал в свое время чины и ордена. Последний орден Владимира дал ему потомственное дворянство, т.е., в том, что Владимир Ильич дворянин, есть тоже доля правды, но дворянин не по происхождению, а по выслуге отца»⁸.

Первые биографы 1918—1920-х годов ничего не сообщали о матери Ленина, Марии Александровне Ульяновой.

В 1923 году журнал Татбюро Истпарта "Пути революции" опубликовал статью А.Табейко "Из прошлого товар. Ленина (по воспоминаниям крестьян)" и примечания к ней А.И.Ульяновой-Елизаровой. Из этих материалов следовало, что отец Марии Александровны, врач Александр Дмитриевич Бланк, умер в 70-х годах XIX века, оставив в наследство пяти дочерям свое имение Кокушкино. Анна Ильинична назвала имена проживавших там "более-менее оседло" двух сестер матери — Любви Александровны Ардашевой-Пономаревой и Анны Александровны Веретенниковой⁹.

После смерти Ленина Центральный Комитет партии поручил его старшей сестре "исследование истории семьи Ульяновых". А.И.Ульянова-Елизарова возглавила созданный в Истпарте Ленинский отдел¹⁰. Работа по выяснению родословной была начата с направления запросов в архивы Ленинграда и Казани с просьбой выявить документы об отце Ленина, Илье Николаевиче Ульянове, и деде по материнской линии — Александре Дмитриевиче Бланке¹¹.

Полученные в конце лета 1924 года копии документов из архивов Медико-хирургической академии свидетельствовали о еврейских корнях деда по линии матери и его переходе в православную веру. По формулярным (послужным) спискам удалось проследить служебный путь А.Д.Бланка, давший ему право на потомственное дворянство. Получение дворянского звания подтвердили и копии документов Дворянского депутатского собрания Казанской губернии, где поселилась семья Бланков после выхода Александра Дмитриевича в отставку. Из Казани же были получены документы об И.Н.Ульянове¹².

Во время поездки в Ленинград осенью 1924 года Анна Ильинична ознакомилась с подлинниками обнаруженных документов, из которых следовало, что ее дед, Александр Бланк, принял святое крещение в 1820 году в Санкт-Петербурге; до 1818 года он был записан за мещанским еврейским обществом города Старокопстантинова Волынской губернии под именем Израиль. Факт, по ее словам, "...был признан тогда, при открытии этих документов, неудобным для разглашения. В институте было постановлено не публиковать и вообще держать этот факт в секрете"¹³.

К середине 20-х годов относится и находка архивиста Ю.Г.Оксмана¹⁴, о которой он рассказал в 1970 году итальянскому историку Франко Вентури в присутствии своего ученика В.В.Пугачева. По свидетельству Пугачева, Оксман «...по заданию В.И.Невского (в то время директора Ленинской библиотеки) ...искал в архивах материалы по родословной В.И.Ленина. (В.И.Невский был назначен директором Ленинской библиотеки в 1924 году.—авт.) Оксман нашел прошение одной из еврейских общин в Минской губернии начала XIX века об освобождении от подати одного из мальчиков, так как он являлся незаконным сыном крупного минского чиновника, а потому община платить за него не должна.

Мальчик был Бланк. По словам Оксмана, Невский повез его к Л.Б.Каменеву. Потом они поехали втроем к Н.И.Бухарину. Каменев сказал: "Я всегда так думал". На что Бухарин ответил: "Что Вы думаете — неважно. А вот что будем делать?" С Юлиана Григорьевича взяли честное слово, что он никому об этом не расскажет"¹⁵.

Важной вехой в историографии родословной вождя стала публикация сборника "Материалы к биографии В.И.Ленина", составленного А.Я.Аросевым, занимавшим до октября 1924 года пост ответственного хранителя документального фонда Института Ленина. В переписке с М.И.Ульяновой Аросев отмечал, что общепринятые каноны биографии как жизнеописания обстоятельств личной жизни неприменимы к Ленину и "...писать полную биографию Ленина значило бы излагать историю классовой революционной борьбы в России. Существует однако колоссальная потребность у масс — познакомиться с самой личностью Владимира Ильича" и, в частности, с его происхождением¹⁶.

Большая часть материалов сборника посвящена отцу Ленина. На основании выявленной в астраханском архиве метрической записи сообщалось, что Илья Николаевич Ульянов "родился от мещанина Астраханской губернии Николая Васильевича Ульянова и мещанки Анны Алексеевой"; пересказанный послужной список И.Н.Ульянова объяснял, каким образом представитель податного состояния дважды за свою жизнь изменил свой социальный статус¹⁷.

О матери Ленина в сборнике сказано немного: отец — штаб-лекарь Александр Дмитриевич Бланк, сын мещанина Старокопстантиновского уезда Волынской губернии. (Интересно, что правнучатая племянница Марии Александровны Ульяновой по линии ее сестры Л.А.Ардашевой, Т.П.Жакова-Басова, посвятившая большую часть жизни составлению хроники семьи Бланк, ознакомившись со сборником А.Аросева, записала, что на основе семейных преданий она не может подтвердить верность того, что А.Д.Бланк родился в г.Ставрополье Волынской губернии. В семье бытовало мнение, что он был круглый сирота, потерявший родителей в раннем детстве, и был воспитан в небогатой мещанской семье.) Поименно назывались его дети, а также сообщалось, что мать Марии Александровны умерла вскоре после рождения последнего ребенка и сведений о ней никаких не имеется. (Впервые о немецком происхождении матери Марии Александровны Ульяновой было сообщено в книге В.Алексеева и А.Швера "Семья Улья-

новых в Симбирске. 1869—1887", изданной в Ленинграде в 1925 году под редакцией А.И.Ульяновой-Елизаровой.)

Вот вывод из избыточного ошибками рассказа Аросева о служебной карьере А.Д.Бланка: "На основании этих данных о матери Владимира Ильича мы видим, что и ее происхождение, так же как и происхождение отца Владимира Ильича, было вовсе не дворянское. Дворянство было приобретено дедом Владимира Ильича по матери, во-первых, благодаря образованию, которое он получил, а во-вторых, своему личному труду. Совершенно так же дворянство было получено, как мы видим, и отцом Владимира Ильича"¹⁸.

В публикации Аросева, прошедшей цензуру в Институте Ленина, не только не упоминалось о еврейском происхождении А.Д.Бланка, но также был изъят факт, обнародованный автором во время публичного выступления в Доме печати в годовщину смерти В.И.Ленина. Тогда Аросев сообщил, что Александр Бланк, приехавший в 1820 году поступать в Петербург в Медико-хирургическую академию, нашел себе в столице покровителей в лице графа Апраксина и сенаторши Барановой, неизвестно почему заинтересовавшихся сыном бедных мещан из Волынской губернии¹⁹.

С середины 20-х годов умолчание фактов, полуправда, акцент на простонародном происхождении Владимира Ильича становятся нормой. Это объяснялось, видимо, стремлением приблизить официальную версию биографии к народной легенде о вожде. Еще при жизни Ленина российское крестьянство выделяло его из коммунистов, видя в нем народного защитника, борца за крестьянскую свободу и крестьянскую собственность. Не случайно, наверное, Аросев, выступая в Доме печати, высказал предположение о возможном происхождении рода Ульяновых от сподвижника Е.Пугачева — Ильи Ульянова²⁰. После смерти Ленина народная легенда о нем, сложившаяся к середине 20-х годов, укреплялась в атмосфере тревожных предчувствий новых социальных потрясений. "Небо пусто, защитника нет", — звучало в стихотворении, написанном к годовщине смерти Владимира Ильича²¹.

В легенде об Ильиче народный вождь противопоставлялся его последователям. Вместе с преклонением перед личными качествами Ленина определенную роль здесь играло сознание того, что

"он — свой, симбирский, русский, православный"²². Мотивы антисемитизма в культе Ленина открыто звучали в связи с внутрипартийной борьбой против Троцкого, Зиновьева, Каменева, их усиливали экономические и социально-политические трудности этих лет. В информационных справках ОГПУ за 1926 год отмечалось: даже среди коммунистов высказывается мнение, что «тактика соввласти была правильна во время жизни т.Ленина, а после его смерти жида все прибрали к своим рукам и крутят нашим братом, как хотят... Довольно показательным является и разговор рабочих МОГЭСа: "Ленин был свой, русский человек, кто же будет теперь?"»²³

Ростом антисемитизма была обеспокоена Анна Ильинична Ульянова-Елизарова. В 1932 году она писала в письме Сталину: "Исследование о происхождении деда показало, что он происходил из бедной еврейской семьи, был, как говорится в документе о его крещении, сыном житомирского мещанина — Мошки Бланка".

Убеждая Сталина в том, что со стороны ЦК правильно было бы оповестить партию об этом факте тотчас, как он стал известен, Анна Ильинична приводила главный аргумент: "антисемитизм у нас проявляется опять сильнее даже среди коммунистов" (это подтвердило социологическое обследование, проведенное в 1929 году). Она считала, что "вряд ли правильно скрывать от масс этот факт, который вследствие уважения, которым пользуется среди них Владимир Ильич, может сослужить большую службу в борьбе с антисемитизмом, а повредить ничему не может"²⁴. В ответ на письмо Сталин через Марию Ильиничну Ульянову передал распоряжение: "молчать... абсолютно"²⁵.

В 1929 году Институт Ленина принимает решение "установить незыблемым правило, чтобы никакие работы по биографии Ленина не могли выходить без ведома и согласия Института..."²⁶. В 1930 году были изъяты подлинники выявленных в 20-е годы в архивах документов о происхождении А.Д.Бланка²⁷.

Запрет на обнародование информации о происхождении А.Д.Бланка, изъятие документов прервали процесс научного исследования родословной В.И.Ленина, хотя найденные материалы

поставили множество вопросов. В частности: было ли что-либо общее между незаконнорожденным сыном высокопоставленного минского чиновника и Израилем Бланком, выросшим в семье М.И.Бланка, и как эта версия происхождения Александра Бланка согласуется с бытовавшей в семье легендой о том, что он был круглым сиротой, воспитывавшимся в бедной мещанской семье? Как бедный еврейский мальчик покинул черту оседлости и нашел в Петербурге покровительство высоких царских чиновников? Наконец, каким образом в России середины XIX века крещеный еврей получил потомственное дворянство? Вмешательство политики в исследовательский процесс оставило вопросы без ответов.

МАРИЭТТА ШАГИНЯН: "ПАЛОМНИЧЕСТВО" К ИСТОКАМ

В середине 30-х годов примером "правильного изложения" биографии вождя считалась книга П.М.Керженцева "Жизнь Ленина", впервые изданная Партиздатом в 1934 году. О родителях Владимира Ильича в ней сообщалось немного: "Отец, Илья Николаевич Ульянов, был инспектором народных училищ. Он вышел из бедной мещанской семьи, обучался на медные гроши. Это был человек закаленный, очень способный. Он отдал всю свою жизнь делу народного просвещения. Мать Ленина была дочерью врача. Она хорошо знала иностранные языки, музыку, много читала. Была внимательна и чутка к людям и отличалась большой волей"²⁸.

Задачу "оживить" сухую схему поставила себе Мариэтта Шагинян. Поводом к этому послужил официальный заказ: написать для детей и юношества книжку-путеводитель по Центральному музею Ленина. Знакомясь в 1936 году с экспозицией музея, писательница обнаружила, что история жизни Ленина раскрывалась преимущественно как история партии. О семье, детстве и юности рассказывала лишь "горсточка экспонатов"²⁹. По мнению Шагинян, семья Ульяновых была конкретным воплощением положительных общечеловеческих черт — правдивости, нравственной чистоты и доброты, семейной дружбы и уважения — всего того, что можно взять за образец для подражания. Это и побудило Шагинян

создать "большой эпос об истоках того нравственного мира, той духовной атмосферы, в которой зародилось и развилось учение Ленина"³⁰.

В начале своего "паломничества" к истокам биографии вождя Мариэтта Сергеевна получила напутствие от Марии Ильиничны Ульяновой. В письме от 22 сентября 1936 года та предупреждала писательницу беречься разного рода воспоминателей, «которые выдают себя за друзей Владимира Ильича, а вместе с ними "нянь", которых появилось несметное количество, наших двоюродных сестер, которые были далеки от нас до революции, потому что боялись сношения с нами, а теперь пишут многочисленные воспоминания, которые кроме вреда ничего принести не могут, потому что рисуют В.И. в ложном свете». Примером не критического отношения к мемуарным источникам Мария Ильинична назвала книгу И.С.Зильберштейна, упомянув, что книга эта по ее и Анны Ильиничны настоянию была "вовремя задержана" Институтом Ленина³¹.

Речь шла о книге Зильберштейна "Молодой Ленин в жизни и за работой. По воспоминаниям современников и документам эпохи", печатавшейся Государственным издательством в 1929 году. Тираж ее по указанной причине так и не дошел до читателя.

Составленная по принципу монтажа документального и мемуарного биографического материала, книга вряд ли давала повод обвинять автора в недобросовестном отношении к историческим источникам. Илья Самойлович извлек из архивов целый ряд новых документов, в том числе впервые опубликовал сведения формулярного списка штаб-лекаря А.Д.Бланка за 1843 год из архива Медицинского департамента Министерства внутренних дел. Документ давал представление об этапах карьеры доктора Бланка, дослужившегося до чина надворного советника с правом на потомственное дворянство³².

Причина фактического запрещения работы Зильберштейна кроется, скорее всего, в отличии его исследовательского подхода к изучению жизни Ленина от утверждавшихся тогда принципов построения официальной биографии. В соответствии с ними научная биография прежде всего должна была дать всестороннюю характе-

ристику Ленина "как вождя и теоретика пролетариата эпохи империализма и пролетарской революции". Семья, среда, в которой он воспитывался, окружение рассматривались в качестве предпосылок к настоящей биографии Вождя, немыслимой без жизни в партии и для партии³³.

В предисловии к книге Зильберштейна Ф.Раскольников отмечал главный, по его мнению, недостаток автора: "...слишком сузил свою задачу, сведя материал к непосредственной биографии Ленина в узком смысле этого слова. Вместо широкого общественного фона, он ограничился рамками семейного окружения"³⁴. Критик А.Эйхенгольц полагал, что неудачное применение Зильберштейном "монтажного метода" коренилось во внепартийном подходе автора к источникам: используемый им метод мог быть инструментом исследования лишь в руках "опытного и основательно знакомого как с учением Ленина, так и с историей партии коммуниста, знающего, что именно брать у того или иного автора, чтобы мозаика могла дать правильное изображение"³⁵.

Предыдущий опыт заставил Шагинян быть особенно осторожной в подборе материала. Собрав и прочитав все, что было написано о детстве Владимира Ильича, она убедилась в том, что незнание некоторых моментов его биографии было настолько крепким, что даже старшая сестра, Анна Ильинична Ульянова-Елизарова, лучше других помнившая семейные обстоятельства, допускала неточности, которые за ней повторяли и другие³⁶.

В поисках достоверных сведений об исторических корнях семьи Ульяновых Мариэтта Сергеевна столкнулась с целым рядом трудностей. Во-первых, Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) хранил ленинские документы "за семью печатями"³⁷. "Совершенно не начато,— отмечала писательница,— исследование петербургских архивов, могущих дать сведения о семье Бланк, не разобраны архивы в Астрахани"³⁸. И наконец, "нужно было уметь безжалостно отсекаать за недостоверностью даже очень яркие, очень соблазнительные материалы, если они не получили одобрения младших Ульяновых"³⁹.

Первый этап работы над романом был завершен очерком "Предки Ленина"⁴⁰, напечатанным в ноябрьском номере журнала

"Новый мир" за 1937 год. Здесь впервые автор написала о калмыцких предках Ленина по отцовской линии. В отдельной главе мы подробно остановимся на том, как возникла эта версия и насколько она подтверждена документами. Здесь же только отметим, что после выхода в свет в 1938 году романа "Билет по истории" версия о калмыцких корнях рода Ульяновых пошла гулять по свету.

В том же романе писательница сообщала новые сведения и о родных матери Ленина, Марии Александровны, почерпнутые из семейных преданий и воспоминаний дочерей А.Д.Бланка. Так, Шагинян впервые называет А.Д.Бланка украинцем, основываясь на сведениях о его происхождении с Украины и воспоминаниях старшей дочери, А.А.Веретенниковой, в которых есть слова: "...отец мой, малоросс по происхождению"⁴¹. На основании тех же воспоминаний построен рассказ о семье бабушки Ленина по материнской линии — Анны Ивановны Грошопф, дочери немца Иоганна Готлиба Грошопфа и шведки Анны Карловны Эстедт⁴².

Роман "Билет по истории" вышел в свет с одобрения родных Ленина. Как вспоминала сама Шагинян, замечания Н.К.Крупской «касались отдельных стилистических промахов, главным образом экзотики терминов, где я писала об "азиатской крови" Ильи Николаевича, но я воспринимала их не только как указания по отдельному поводу. Мне стало ясно, насколько "биологическое" в биографиях членов семьи Ленина второстепенно по своему значению по сравнению с социологическим. После письма-рецензии Н.К.Крупской я постаралась именно в этом духе переработать первый вариант романа, с одной стороны, доведя стилистически его речь до наивозможно простой формы и убрав литературную экзотику, с другой — дав на первом плане место историко-социологическому фактору»⁴³.

Первые отклики на работы М.С.Шагинян в целом были положительными. Прочитав очерк "Предки Ленина", М.И.Калинин в беседе с редактором "Нового мира" В.Полянским сказал: "Наконец биографию В.И.Ленина пишут не казенным языком"⁴⁴. В журнале "Литературное обозрение" за 1938 год видный деятель международного рабочего движения Феликс Кон, близко знавший В.И.Ленина и знакомый с семьей Ульяновых, приветствовал ре-

шение Мариэтты Шагинян "дать художественный образ жизни и быта семьи, в которой родился и вырос Владимир Ильич"⁴⁵. 2 апреля 1938 года в "Литературной газете" была напечатана приветственная телеграмма в связи с юбилеем Шагинян, подписанная членами правления Союза писателей СССР, где говорилось: "Ваше пятидесятилетие совпадает с годом ответственной творческой работы Вашей над книгой о детстве Ленина. От души желаем успеха Вам и Вашей книге"⁴⁶. В мае 1938 года появилось сообщение, что драматург В.Швейцер начал работать над сценарием художественного фильма по мотивам романа Шагинян⁴⁷.

Официальная реакция на роман последовала только через полгода после первой публикации; к тому времени произведение успело выйти и отдельным изданием⁴⁸.

В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа 1938 года роман получил резко негативную оценку: "...книжка Шагинян, претендующая на то, чтобы дать биографический документальный роман о жизни семьи Ульяновых, а также о детстве и юности Ленина, является политически вредным, идеологически враждебным произведением." В адрес Н.К.Крупской, рецензировавшей роман, было записано: "Считать поведение Крупской тем более недопустимым и бестактным, что т.Крупская сделала все это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), за спиной ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепринятое дело составления произведений о Ленине в частное и семейное дело и выступая в роли монополиста и толкователя общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда никаких прав не давал"⁴⁹. Руководство партии четко определило свое монопольное право на трактовку жизни и деятельности вождя.

О том, почему роман получил подобную оценку, отчасти можно судить по высказываниям, прозвучавшим на заседании "шестерки" президиума Союза писателей СССР. После разъяснения мнения ЦК члены "шестерки" говорили в своих выступлениях о том, что Шагинян не показала семью и родителей Ленина в исторической обстановке того времени, дала изображение обычной мешанской семьи 80-х годов. В выступлениях А.А.Фадеева прозвучала мысль, что Шагинян "...начинает вдруг копать всю родословную Ленина,

и это делается так, что приобретает ненужный характер"⁵⁰. В постановлении, принятом 9 августа 1938 года на заседании президиума Союза писателей, отмечалось: «...применяя псевдонаучные методы исследования так называемой "родословной" Ленина, М.С.Шагинян дает искаженное представление о национальном лице Ленина, величайшего пролетарского революционера, гения человечества, выдвинутого русским народом и являющегося его национальной гордостью»⁵¹.

Писатели проговорились о том, о чем умолчало постановление ЦК партии. 3 сентября состоялось новое заседание президиума Союза писателей. Оно отменило прежнее решение, а в новом повторило оценку постановления Политбюро без каких-либо упоминаний "национального лица" Ленина⁵².

Сама Шагинян в 1965 году писала, что ее книга "Семья Ульяновых" была изъята на 22 года из-за упоминания о калмыцком происхождении в роде отца, и этим воспользовались фашистские немецкие газеты в 1937 году⁵³. Исследователь творчества писательницы Р.С.Гольдина уточняла: «Как только были опубликованы "Наброски к биографии", "Предки Ленина со стороны отца", фашистская газета "Ангриф" перепечатала на своих страницах этот очерк. Кричали о том, что М.Шагинян со всеми подробностями установила нерусское происхождение со стороны матери, полукалмыцкое со стороны отца. Мракобесы решили "сыграть" на этих сведениях... и работа была прервана»⁵⁴.

Подобная реакция на роман была, видимо, воспринята как покушение на генеалогию партии, и показательный разнос, устроенный автору, должен был послужить предупреждением всем желающим продолжать исследования в этой области.

ДИСКУССИИ В ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Роман Шагинян "Билет по истории", получивший неодобрение высоких инстанций в СССР, тем не менее дал толчок исследованиям генеалогии Ленина за рубежом. Так, немецкий историк Георг фон Раух, многие годы изучавший немецкие архивы и просле-

дивший родословную Анны Ивановны Грошопф (бабушки Ленина по материнской линии) до XIV века, указывал на роман Шагинян как на первоисточник, побудивший его к изучению немецких корней Ленина⁵⁵. То же, видимо, можно сказать и о специалистах, отследивших предков Владимира Ильича в Швеции до первой трети XVIII века⁵⁶.

Однако для большинства зарубежных авторов, особенно эмигрантов из России, тема родословной Ленина естественно вплета-лась в контекст критики большевизма и советской власти.

Семитское происхождение вождя революции как причина тра-гедии России — эта тема стала расхожей в националистически настроенных кругах русской эмиграции сразу после Октября. Не случайно Герберт Уэллс после посещения России в 1920 году пи-сал: "Некоторые из самых видных большевиков, с которыми я встречался, были вовсе не евреи, а светловолосые северяне. У Ле-нина, любимого вождя всего живого и сильного в сегодняшней России, татарский тип лица, и он, безусловно, не еврей"⁵⁷.

"Восточный облик" Ленина в неменьшей степени эксплуатиро-вался в иностранной литературе: эксцессы русской революции ав-торы пытались объяснить происхождением ее лидера — "человека из Симбирска с азиатской внешностью и азиатской душой, пол-ной коварства"⁵⁸.

Многие зарубежные биографы Ленина увязывали особенности его политической философии и практической деятельности с на-циональными корнями.

На протяжении десятилетий обсуждение то оживлялось, то за-тихало, но неизменно шло параллельно политическим и идеологи-ческим процессам в советском обществе и государстве. Так, всплеск антисемитизма в начале 50-х годов, вызванный "делом врачей", послужил толчком к возобновлению горячей полемики в эмигрантских кругах вокруг родословной Ленина. Ее целью было разоблачение мифа советской пропаганды, рисующей Ленина сто-процентным великороссом⁵⁹.

Начало дискуссии положила статья Н.В.Валентинова (Воль-ского) "Ленин в Симбирске", напечатанная в "Новом журнале" в 1954 году. Обобщая известные за рубежом сведения о родословной

Ленина, автор писал: «Бабушка Ленина по линии матери была несомненно немка... Более противоречивы сведения, где эта бабушка-немка родилась: одни указывают Петербург, среду зажиточных коммерсантов, другие, что нам кажется ошибочным, немецкие поселения в Саратовской губернии на Волге. Но кто был отцом матери Ленина, его дедом? На это отвечают — Александр Дмитриевич Бланк, родившийся в 1802 году, умерший в 1873. Какова национальность Бланка? На этот счет существует странное, упорное и непонятное молчание. Ни в одном из мемуаров Ульяновых, ни в одной биографии Ленина нет на то ответа. Крупская в статье, помещенной в 1938 г. в "Большевике", о детстве и ранней юности Ленина бросила следующую фразу: "Мать Марии Александровны была немка, а отец был родом с Украины"».

Заметив, что фраза Крупской была интерпретирована некоторыми зарубежными авторами в том смысле, что Бланк был украинцем, Валентинов возражал: «"Родом с Украины" не значит еще — "украинец". Бланк не украинская фамилия. Есть сведения (они будто бы хранятся в архивах Института Маркса—Энгельса—Ленина в Москве), что он родился на Волини, т.е. в пределах Украины, но был евреем. Фамилия Бланк у евреев довольно часто встречается. Но если А.Д.Бланк был евреем, то несомненно крещеным (православным, протестантом). Говорить с уверенностью об еврейском происхождении Бланка — все-таки нельзя»⁶⁰.

Категорически возражая против выведения психологического портрета или политических взглядов Ленина из его "раскосых глаз и скул монгола", унаследованных от отца, Н.В.Валентинов справедливо указывал, что "русских людей с обликом Ильи Николаевича Ульянова и сына его Владимира Ильича можно во множестве найти по всей восточной, приволжской и заволжской части России"⁶¹.

В дискуссии, продолжавшейся до начала 60-х годов, центральное место заняли попытки прояснить вопрос о происхождении А.Д.Бланка.

В 1957 году в нью-йоркском еженедельнике "Новое русское слово" появилась публикация П.А.Берлина, в которой он без ссылки на источник сообщил, что дед Ленина Александр Давидо-

вич Бланк был крещеным евреем из Одессы, фельдшером по профессии. Как выяснилось позже, автором этой версии был Давид Шуб, выпустивший в 1948 году биографию Ленина⁶².

Сам Д.Шуб опирался на свидетельство известного историка русского еврейства Саула Моисеевича Гинзбурга⁶³. Тот рассказал ему в 30-х годах, что «после большевистского переворота он долгое время работал в архиве Святейшего Синода в Петрограде, изучая там, главным образом, материалы о так называемых еврейских "кантонистах" и о взрослых евреях, добровольно принявших православие».

«В одной из таких папок,— писал Д.Шуб,— были документы и о еврейском фельдшере из Одессы по имени Александр Бланк, принявшем православие. Внимание Гинзбурга особенно привлекло обилие доносов Бланка Синоду на евреев вообще и на служителей еврейской религии в частности. Гинзбург собирался снять копии со всех этих документов из папки Александра Бланка, чтобы потом использовать для своей работы о евреях-выкрестах в России. Кто такой Александр Бланк, он не имел понятия. Но вот из Москвы вдруг приехала специальная комиссия, которая изъяла дело Бланка и увезла все эти документы в Москву. Архивариус Синода, довольно известный русский историк (С.М. мне тогда назвал его имя, но я его забыл), рассказал ему, под большим секретом, что увезенная в Москву папка — это документы о "деде Ильича" (Ленина)»⁶⁴.

Построенная, как видим, на шатком основании слухов и домыслов версия была подхвачена черносотенными кругами как подтверждение тезиса: беды России, попавшей в руки Ленина, в жилах которого течет еврейская кровь, идут именно из этого вражеского источника⁶⁵.

Упорное молчание официальных советских институтов, уполномоченных заниматься научной биографией Ленина, только способствовало распространению разного рода спекуляций вокруг его имени.

В 1960 году была опубликована статья Н.В.Валентинова "О предках Ленина и его биографиях". В качестве первоисточника автор использовал роман-хронику М.С.Шагинян "Семья Ульяно-

Ленина, автор писал: «Бабушка Ленина по линии матери была несомненно немка... Более противоречивы сведения, где эта бабушка-немка родилась: одни указывают Петербург, среду зажиточных коммерсантов, другие, что нам кажется ошибочным, немецкие поселения в Саратовской губернии на Волге. Но кто был отцом матери Ленина, его дедом? На это отвечают — Александр Дмитриевич Бланк, родившийся в 1802 году, умерший в 1873. Какова национальность Бланка? На этот счет существует странное, упорное и непонятное молчание. Ни в одном из мемуаров Ульяновых, ни в одной биографии Ленина нет на то ответа. Крупская в статье, помещенной в 1938 г. в "Большевике", о детстве и ранней юности Ленина бросила следующую фразу: "Мать Марии Александровны была немка, а отец был родом с Украины"».

Заметив, что фраза Крупской была интерпретирована некоторыми зарубежными авторами в том смысле, что Бланк был украинцем, Валентинов возражал: «"Родом с Украины" не значит еще — "украинец". Бланк не украинская фамилия. Есть сведения (они будто бы хранятся в архивах Института Маркса—Энгельса—Ленина в Москве), что он родился на Волыни, т.е. в пределах Украины, но был евреем. Фамилия Бланк у евреев довольно часто встречается. Но если А.Д.Бланк был евреем, то несомненно крещеным (православным, протестантом). Говорить с уверенностью об еврейском происхождении Бланка — все-таки нельзя»⁶⁰.

Категорически возражая против выведения психологического портрета или политических взглядов Ленина из его "раскосых глаз и скул монгола", унаследованных от отца, Н.В.Валентинов справедливо указывал, что "русских людей с обликом Ильи Николаевича Ульянова и сына его Владимира Ильича можно во множестве найти по всей восточной, приволжской и заволжской части России"⁶¹.

В дискуссии, продолжавшейся до начала 60-х годов, центральное место заняли попытки прояснить вопрос о происхождении А.Д.Бланка.

В 1957 году в нью-йоркском еженедельнике "Новое русское слово" появилась публикация П.А.Берлина, в которой он без ссылки на источник сообщил, что дед Ленина Александр Давидо-

вич Бланк был крещеным евреем из Одессы, фельдшером по профессии. Как выяснилось позже, автором этой версии был Давид Шуб, выпустивший в 1948 году биографию Ленина⁶².

Сам Д.Шуб опирался на свидетельство известного историка русского еврейства Саула Моисеевича Гинзбурга⁶³. Тот рассказал ему в 30-х годах, что «после большевистского переворота он долгое время работал в архиве Святейшего Синода в Петрограде, изучая там, главным образом, материалы о так называемых еврейских "кантонистах" и о взрослых евреях, добровольно принявших православие».

«В одной из таких папок,— писал Д.Шуб,— были документы и о еврейском фельдшере из Одессы по имени Александр Бланк, принявшем православие. Внимание Гинзбурга особенно привлекло обилие доносов Бланка Синоду на евреев вообще и на служителей еврейской религии в частности. Гинзбург собирался снять копии со всех этих документов из папки Александра Бланка, чтобы потом использовать для своей работы о евреях-выкрестах в России. Кто такой Александр Бланк, он не имел понятия. Но вот из Москвы вдруг приехала специальная комиссия, которая изыала дело Бланка и увезла все эти документы в Москву. Архивариус Синода, довольно известный русский историк (С.М. мне тогда назвал его имя, но я его забыл), рассказал ему, под большим секретом, что увезенная в Москву папка — это документы о "деде Ильича" (Ленина)»⁶⁴.

Построенная, как видим, на шатком основании слухов и домыслов версия была подхвачена черносотенными крутами как подтверждение тезиса: беды России, попавшей в руки Ленина, в жилах которого течет еврейская кровь, идут именно из этого вражеского источника⁶⁵.

Упорное молчание официальных советских институтов, уполномоченных заниматься научной биографией Ленина, только способствовало распространению разного рода спекуляций вокруг его имени.

В 1960 году была опубликована статья Н.В.Валентинова "О предках Ленина и его биографиях". В качестве первоисточника автор использовал роман-хронику М.С.Шагинян "Семья Ульяно-

вых", вышедший в 1957 году в журнальном варианте, а в следующем году — отдельной книгой. В новом варианте романа Мариэтта Сергеевна особое внимание уделила семье бабушки Ленина по линии матери, Анны Грошопф, с "ее традицией больших, оригинальных характеров и тонкой петербургской культуры"⁶⁶.

Национальность А.Д.Бланка на этот раз не упоминалась, по сравнению с романом 1938 года писательница добавила лишь, что в начале своей службы в Петербурге он семь лет был полицейским врачом, а также привела новые сведения о его службе в Перми и Златоусте⁶⁷.

Эти данные использовал в своей статье Валентинов. Касаясь национальности А.Бланка, он писал: "Где он родился, откуда он — не знаю, но уверен... — Бланк не еврей. Трудно допустить, что в начале 19-го столетия при Николае I еврей мог быть в Петербурге семь лет полицейским врачом. Уже совсем нужно отвергнуть мысль, что еврей, даже крещеный, мог в то же время стать владельцем крепостных душ. Мало согласуется с его еврейством женитьба на немке Анне Ивановне Грошопф...", происходившей из состоятельной и по тому времени очень культурной семьи⁶⁸.

Сторонники версии еврейского происхождения А.Д.Бланка, опровергая доводы Валентинова, выдвинули целый ряд контраргументов.

Во-первых, утверждали они, Бланк — фамилия еврейская. В еврейских энциклопедиях упоминается множество Бланков, живших в разное время в России.

Во-вторых, переход в христианство (хотя бы в лютеранство) зачеркивал еврейство и давал все права службы. В качестве примера приводились вице-канцлер барон Шафиров при Петре Великом, а при Николае I — Ф.Гильфердинг (отец славянофила А.Ф.Гильфердинга), бывший тайным советником и занимавший крупный пост в министерстве торговли, и другие.

В-третьих, еврей-выкрест легко мог выслужить дворянство (при Николае I чин VIII класса уже давал потомственное дворянство, позднее эту норму повысили). Доктор Бланк прослужил 23 года (до 1847), наверное, дослужился до статского советника (чин V класса). (Доктор А.Д.Бланк действительно прослужил 23 года, но

вышел на пенсию в 1847 году в чине надворного советника (VII класс).—*авт.*) Ничто не мешало ему приобрести имение с крепостными в Казанской губернии, где никто не знал его одесских родных, и записаться в III часть родословной книги казанского дворянства. Для этого надо было лишь представить послужной список, а в нем указывались дата рождения, сословие и вероисповедание, но не упоминались ни национальность, ни имена родителей.

И, наконец, почему немка из состоятельной семьи не могла выйти замуж за православного врача, бывшего еврея, хорошо обеспеченного⁶⁹?

Эти доводы подвергла сомнению Анна Бургина, русский историк, специалист по политическим партиям в России, работавшая в США в Стэнфордском университете. В письме "К вопросу о происхождении деда Ленина", напечатанном в газете "Новое русское слово" 9 апреля 1961 года, она привела имена нескольких русских Бланков, которые определенно не были евреями. В заключение она писала: "Кто знает, сколько русских Бланков жили в России и живут сейчас? Не мог ли А.Д.Бланк, дед Ленина, происходить от одного из русских Бланков? Неужели он должен быть тем фельдшером из Одессы, крещеным евреем, Александром Давидовичем Бланком, чье имя случайно обнаружено в Архивах Синода?"⁷⁰

Задолго до рассматриваемой дискуссии русскими Бланками интересовался и живший в США правнук А.Д.Бланка (по линии его дочери Екатерины Залежской) — Н.В.Первушин⁷¹. Он нашел, что первым человеком в России, известным под этой фамилией, был Василий Бланк, прибывший сюда из Германии в XVII веке: лейтенант-полковник от кавалерии, он служил в 1663 году в Тобольске, куда был послан отражать атаки башкир и татар.

В царствование Петра I Яков Бланк работал молотовым мастером на Олонецких заводах, на Севере России. Его сын Иван был архитектором в Санкт-Петербурге, внук, Яков Иванович Бланк, также стал известным архитектором (1728—1793), проектировал многие церкви и частные дома в Москве, реконструировал монастырь под Новым Иерусалимом. Сын Якова Ивановича — Борис (1764—1826), поэт, переводчик и журналист, друг поэта Вяземского.

Его кузен Петр Бланк — землевладелец Тамбовской губернии, известный сторонник крепостного права, выступавший против реформ Александра II, был высмеян А.И.Герценом в его "Колоколе".

В 1800-х годах в России было немало и других Бланков православного вероисповедания. Их прародители вышли из Германии и осели в российских губерниях, по приглашению Екатерины II они поступали на государственную службу и селились на Украине и востоке России⁷².

Просматривая еврейские энциклопедии, Н.В.Первушин обнаружил и много Бланков-евреев, проживавших в России. Однако доводы в пользу предположения Гинзбурга, что дед Ленина и был тем самым фельдшером из Одессы, сведения о котором хранились в Синоде, не убедили его.

В разгар дискуссии Первушин направил письмо М.С.Шагинян с просьбой сообщить ему источники, из которых она черпала сведения о его прадеде. «Судя по тому, что вы пишете, дед Ленина не мог быть тем крещеным евреем фельдшером и доносчиком, дело которого якобы раскопал в Синоде С.М.Гинзбург. Однако он ссылается на какого-то историка-архивариуса этого архива, который сообщил ему будто бы, что по требованию Кремля из синодского архива было изъято дело "деда Ильича". Другой историк русского еврейства Шуб сообщил, что будто бы Рыков рассказал кому-то, что Сов.Правительство пыталось раскопать прошлое предков Ленина, но "наткнулись на такую грязь, что рукой махнули". Может быть, все это — враки или недоразумения, вероятно так»⁷³.

Нужно признать — в системе доказательств сторонников версии еврейского происхождения деда Ленина было действительно много слабых звеньев. Во-первых, отчество фельдшера из Одессы Давидович, а не Дмитриевич. Во-вторых, если Бланков еврейского происхождения в России было много, почему же безоговорочно дедом Ленина признали фельдшера из Одессы, крещеного еврея, писавшего доносы на своих бывших единоверцев? Ведь не мог Давид Шуб, который, по его же словам, еще в 30-е годы тщательно изучил все напечатанное о Ленине в России и за границей, устно и письменно опросил многих лиц, лично знавших Ленина и его семью, не знать циркулировавший в эмигрантских кругах слух,

будто в Институте Ленина хранятся документы о том, что А.Д.Бланк происходил из мещанской еврейской семьи Волынской губернии⁷⁴.

Почему же видные эксперты истории евреев в России породнили вождя мирового коммунизма с предком, заслуживавшим, с точки зрения ортодоксальных евреев, только презрения? Вероятно, именно эта версия, как лыко в строку, укладывалась в положение: "...все крупные большевики еврейского происхождения отреклись совершенно от религии, культуры, традиций и преданий своего народа, стыдились его обычаев, многие из них порвали с родительской семьей. Представлять их в качестве руководителей еврейско-марксистского заговора, опрокинувшего величайшую в мире империю, по меньшей мере легковесно"⁷⁵. Не случайно, так эмоционально настаивая на своей версии, они делали вывод, что еврейское происхождение Ленина "ничего не доказывает" и "Ленин русский интеллигент, типичный продукт имперского обрусения", "вырос в семье, чувствовавшей себя вполне русской" и "родоначальниками ленинского большевизма были, главным образом, русские: Ишутин, Зайчневский, Ткачев, Нечаев и отчасти Бакунин и Чернышевский"⁷⁶.

Подводя итоги дискуссии 50-х — начала 60-х годов по вопросу о предках Ленина среди эмигрантских исследователей, Луис Фишер, автор книги "Жизнь Ленина", писал: "Из всего этого можно вывести только одно заключение: достоверных сведений о национальном происхождении д-ра Бланка никогда не оглашали. Соответствующие документы, несомненно, имелись в раздутых русских архивах, но большевики сочли нужным, чтобы они не увидели света. Это только подкрепляет подозрение, что в них есть что скрывать"⁷⁷.

ПРАВДА ПОД ОХРАНОЙ ЦК И ИМЛ

Постановление ЦК КПСС "О порядке издания произведений о В.И.Ленине", принятое 11 октября 1956 года, реабилитировало роман М.С.Шагинян "Билет по истории" и предоставило право

издательствам самостоятельно решать вопросы о публикации научных работ и художественных произведений о В.И.Ленине, а также предложило Главлиту СССР совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) рассмотреть вопрос о возвращении в открытые фонды библиотек произведений о В.И.Ленине, ранее "неправильно" изъятых из обращения. Эти меры, на первый взгляд, означали отказ ЦК КПСС от монополии на интерпретацию биографии Ленина. Однако постановление оставляло охранительские функции за Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, без ведома которого не могли выпускаться ни воспоминания о Ленине, ни его научные биографии⁷⁸.

Как говорилось выше, в новой редакции романа М.С.Шагинян, вышедшего в 1958 году отдельной книгой под названием "Семья Ульяновых", автор значительно доработала главу о семье Марии Александровны. Промолчав о происхождении А.Д.Бланка и месте его рождения, Мариэтта Сергеевна внесла массу уточнений и дополнений в рассказ о его служебной карьере. Особенно подробно она описала деятельность Александра Дмитриевича в качестве медицинского инспектора госпиталей Златоуста, создав образ незаурядного человека, подвижника своего дела. В основу повествования легли новые документы, разысканные уральскими исследователями в архивах Перми и Златоуста⁷⁹.

В конце 50-х годов архивные поиски документов о семье Ульяновых были инициированы началом работы Института марксизма-ленинизма над новой биографией В.И.Ленина. В марте 1958 года ИМЛ обратился в Главное архивное управление с просьбой "дать указание о выявлении документов семьи Ульяновых" в государственных архивах восемнадцати городов, в том числе Ленинграда, Горького, Казани⁸⁰.

Важным событием в ходе изучения родословной стали находки в архивах Ленинграда, сделанные в конце 1964 года членом совета содействия Государственному музею истории Ленинграда А.Г.Петровым. Александр Григорьевич, кадровый военный, пенсионер, получив от музея задание установить адрес дома, в котором родилась М.А.Ульянова, начал поиск биографических данных о ее отце А.Д.Бланке в архивах Ленинграда и области. 28 ноября 1964 года,

после работы в Центральном Государственном историческом архиве СССР, он записал в дневнике: "Наконец, дело о прощении студентов Д. и А.Бланков о поступлении в Медико-хирургическую академию в С.-Петербурге в 1820 г. Национальность — евреи, вероисповедание — православное. Крещение в С.-Петербурге на Выборгской Стороне в церкви Самсония. Сегодня буду видеть дело о поступлении на должность полицейского врача (ГИАЛО). (Государственный исторический архив Ленинградской области.— *авт.*) Таким образом — 1820 г. — прошение, 1825 г. — дело о назначении врачом, 1840 г. — формулярный список, 1842 г. — формулярный список, 1847 г. — формулярный список — материал для биографии основательный. Оказалось, что с 1833 по 1838 г. он был на службе в Морском ведомстве. Это значит надо в Морской архив идти"⁸¹.

Видимо, уже в декабре Александр Григорьевич поделился новостями с М.С.Шагинян, которая отнеслась к ним настороженно. В письме от 7 января 1965 года к другому ленинградскому исследователю, М.Г.Штейну, проводившему самостоятельный поиск, Мариэтта Сергеевна писала: «К сожалению, не могу написать ничего утвердительного о родословной отца Марии Александровны. В воспоминаниях ее сестры Анны и ее дочери Анны Ильиничны сказано только одно: А.Д.Бланк был "малоросс". Ни о каких родственниках со стороны А.Д-ча нигде в воспоминаниях я ничего не нашла. Есть сведения, что в Ленинграде ведутся розыски, я уже 5 месяцев живу по болезни в Крыму и не могу ничего ни узнать, ни проверить»⁸². В письме к самому А.Г.Петрову, написанному в то же время, Шагинян спрашивала: "...где гарантия, что это не какой-нибудь другой Бланк? Бланки были и немцы". Получив письмо, 13 января 1965 года Петров записал в дневнике: «Все документы, мной выявленные, документы одного и того же лица, в делах 1837, 1833, 1820 гг. есть автографы. В "Российском медицинском списке" за гг. 1825 до 1838 г. нет другого Александра Бланка. М.С.Шагинян надо самой прочесть документы»⁸³.

С 19 по 21 января Мариэтта Сергеевна и Александр Григорьевич вместе изучали в архивах Ленинграда и области найденные Петровым документы. Они были сфотографированы, и Шагинян

повезла фотокопии в Москву с намерением показать их в Институте марксизма-ленинизма⁸⁴.

Одновременно с поисками в Ленинграде А.Г.Петров в конце декабря 1964 года направляет запрос о Дмитрие и Александре Бланках в Житомирский областной государственный архив. Чуть позже запрос об А.Д.Бланке в Житомир направляет и М.Г.Штейн.

Оба исследователя почти одновременно узнают, что в Житомирском областном государственном архиве выявлено дело по обвинению староконстантиновского мещанина М.И.Бланка в поджоге города в 1809 году. Директор архива сообщал: "Из этого дела видно, что у Мойши Ицковича Бланка в 1809 г. был малолетний сын Абель, а по данным за 1826 г., у него был и сын Дмитрий — лекарь". Об Израиле — Александре сведения не сообщались⁸⁵. Этот факт требовал объяснения, однако дальнейший поиск был прерван вмешательством высоких инстанций.

Еще перед встречей с Шагинян Петров записал в дневнике: «Нам (т.е. ей и мне) могут "заштопать рот" с дедом. Страшно»⁸⁶. В действительности его опасения подтвердились очень скоро. Точно не известно, когда М.С.Шагинян доложила о находках в ленинградских архивах в Институт марксизма-ленинизма. О реакции директора института П.Н.Поспелова она рассказала позже Корнею Чуковскому, который 27 декабря 1967 года записал в своем дневнике: «Со своим открытием Шагинян поспешила к Поспелову. Тот пришел в ужас. "Я не смею доложить это в ЦК". Шагинян же запретили печатать об этом»⁸⁷.

4 марта 1965 года в ИМЛ вскрывается дело с документами секретного хранения о родословной Ленина, содержащее материалы, изъятые из архивов еще в начале 1930 года. Их просматривают П.Н.Поспелов со своим заместителем А.А.Соловьевым⁸⁸. 7 марта А.Г.Петров записывает в дневнике, что ему сообщили об изъятии из дел документов об А.Д.Бланке как в Центральном Государственном историческом архиве, так и в Государственном историческом архиве Ленинградской области для отправки их в Москву в ИМЛ. "А что дальше? Поживем и увидим"⁸⁹.

8 марта в Ленинград направляется начальник отдела комплектования, экспертизы и учета архивных фондов Главного архивного

управления при Совете Министров СССР Т.Г.Коленкина. После ознакомления с делами она выделяет круг документов, подлежащих изъятию из государственных архивов, и докладывает обо всех лицах, имевших доступ к этим документам. "Считаю необходимым сообщить,— писала она в докладной записке на имя начальника Главархива СССР,— что повышенный интерес к документам об А.Д.Бланке архивами был бы обнаружен значительно раньше, если бы исследователи получали разрешение для работы над архивными фондами у руководства архивов. Между тем за последние годы работой читальных залов, как правило, руководят начальники отделов использования государственных архивов, которые не всегда знакомятся с указаниями ГАУ по вопросам использования документальных материалов и поэтому нарушают их"⁹⁰.

В апреле 1965 года с тем же заданием в Житомир направляется В.В.Цаплин, заместитель Т.Г.Коленкиной. С разрешения секретаря обкома по идеологической работе и секретаря облисполкома им было проведено дополнительное выявление материалов о Бланках в Госархиве Житомирской области⁹¹.

Оба эксперта выдали рекомендацию: сосредоточить в Главном архивном управлении при Совете Министров СССР все выявленные документы; провести их изъятие без оставления в делах копий.

В мае 1965 года ГАУ закрыло для исследователей материалы по этой теме, а в отношении сотрудников государственных архивов, допустивших нарушение установленных правил использования документальных материалов, были приняты дисциплинарные меры взыскания. Среди "нарушителей" оказались заведующая отделом ЦГИА СССР В.М.Меламедова, директор Госархива Житомирской области В.Д.Шмин, старший научный сотрудник этого архива Е.Е.Шехтман⁹².

А.Г.Петрову пришлось объясняться с "компетентными органами", почему он занимался изучением биографии А.Д.Бланка⁹³. М.Г.Штейн, чтобы обезопасить себя, направил 24 марта 1965 года в Центральный партийный архив письмо, где подробно перечислил архивные дела, содержащие новые сведения об А.Д.Бланке, а также уточненные данные о домах в Ленинграде, где могла ро-

даться М.А.Ульянова. В заключение Штейн просил взять "на учет эти сведения, которые могут оказать помощь Институту марксизма-ленинизма в изучении вопроса о жизни и деятельности А.Д.Бланка и о детских и юношеских годах М.А.Ульяновой"⁹⁴.

М.С.Шагинян намеревалась включить новые данные в готовящийся к переизданию в 1966 году роман "Семья Ульяновых", однако в марте этого года в письме к М.Г.Штейну она сообщала: «Мне запретили упомянуть в новом издании о новых данных, открытых в генеалогии матери Ленина, а я запретила печатать "Семью Ульяновых" без этих данных... Больше я ничего не могла сделать, и мне тошно от такого непонятного для меня запрета. Это не только отвратительно, но и политически глупо». Еще раньше Мариэтта Сергеевна, объясняя свою позицию, писала Штейну: «Я смотрю на понятие национальность абсолютно, как Вы, т.е. не придаю ни малейшего значения, кроме фактического и исторического. Но напоминаю Вам, что моя книга "Семья Ульяновых" была изъята на 22 года (а я за нее порядком пострадала) из-за того, что открыла калмыцкое происхождение в роде отца»⁹⁵. Когда же роман в 1969 году переиздавался в очередной раз, Шагинян удалось включить в текст упоминание о происхождении А.Д.Бланка из "местечка Староконстантинова Волынской губернии"⁹⁶.

С 1937 года Шагинян не занималась родом И.Н.Ульянова. Новые данные о предках Ленина по отцовской линии, в том числе о происхождении Н.В.Ульянова из крепостных крестьян Нижегородской губернии, появились во второй половине 60-х годов благодаря усилиям астраханских и горьковских исследователей⁹⁷.

Новые данные о предках Ленина с отцовской стороны, публиковавшиеся в 1966–1969 годах в периодической печати, были включены в четвертое издание биографии Владимира Ильича, подготовленное коллективом сотрудников ИМЛ под руководством П.Н.Поспелова и вышедшее в свет в 1970 году. Об отце же Марии Александровны сообщалось, что он был образованный, талантливый врач, пионер в области физиотерапии. "Бланк происходил из мещан. Он рано овдовел и остался с 6-ю малыми детьми. Судьба бросала его в разные углы России: то в Смоленскую глушь, то в Олонецкую губернию, то на Урал. Человек прямой, самостоятель-

ных суждений, он не ладил с властями. Выйдя в отставку, А.Д.Бланк обосновался со своим многочисленным семейством под Казанью, в деревне Кокушкино (ныне село Ленино), где жил до самой смерти"⁹⁸.

Скупые сведения официальной биографии подогревали любопытство исследователей. Однако недоступность документов способствовала тиражированию неточностей, а иногда и откровенных нелепостей вокруг биографии А.Д.Бланка. Так, в вышедшей в 1964 году повести в документах и мемуарах "Молодой Ленин" ее автор А.И.Иванский, опираясь на материалы А.С.Аросева 1925 года, сообщал даты жизни Бланка: 1802—1873 годы⁹⁹. Следуя за ним, пермский краевед В.Алексеева в статье "Врач А.Д.Бланк" писала: "Незадолго перед смертью (1873) дед ласкал... своего младшего внука Володю Ульянова..."¹⁰⁰. Но этого не могло быть, так как дед Владимира Ильича умер 17 июля 1870 года. В метрической книге церкви села Черемышева (к ее приходу относилась и деревня Кокушкино) за 1870 год содержится запись: "Месяц и день смерти: июлий 17. Погребение 18. Звание, имя, отчество и фамилия умершего: прихода села Черемышева, деревня Кокушкина, надворный советник Александр Дмитриевич Бланк 71 года. От чего умер: от преклонных лет"¹⁰¹.

Этот и другие примеры ошибок и неточностей привела в своей статье 1973 года Т.П.Жакова-Басова, ратуя за достоверное освещение истории семьи Ульяновых¹⁰². Сама Татьяна Павловна, правнучка А.Д.Бланка по линии его дочери Любви Ардашевой, многие годы отдала изучению истории семейства Бланков. Совместно с другой правнучкой Л.А.Ардашевой — К.А.Ардашевой-Желиговской они составили "Семейную хронику деда В.И.Ленина", посвятив ее 50-летию образования СССР. В 1972 году они передали ее в ИМЛ. Так и не опубликованная рукопись хранится сегодня в Российском Центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ)¹⁰³.

Жакова-Басова вела обширную переписку со многими исследователями истории семьи Ульяновых. Любопытна ее переписка с краеведом из Куйбышева Всеволодом Николаевичем Арнольдом, чей двоюродный дед учился у И.Н.Ульянова в нижегородской

гимназии¹⁰⁴. Чтобы понять, какое смятение умов царило среди исследователей генеалогии Ленина в 70-х годах, приведем некоторые фрагменты этой переписки.

В декабре 1970 года Арнольд сообщил Жаковой-Басовой о письме писательницы Е.А.Вечтомовой, работавшей в то время над повестью о Марии Александровне Ульяновой¹⁰⁵. Она писала: *В Пермь есть какой-то запрет на упоминание фамилии Бланка. Официально все разрешается. Но редакторы трепещут. Что за чепуха!*

6 марта 1971 года. Арнольд — Жаковой-Басовой: *...Вот Соколова из Перми предполагает, что А.Д.Бланк был тоже крещеным евреем, но тогда ему не дали бы дворянства. Будто бы за границей этим и спекулируют. В Ленине, мол, текла еврейская кровь! Будто бы об этом писала Шагинян, но ей запретили печатать. Поэтому интересно найти формулярный список Бланка... В Самаре было много крещеных евреев..., никто из них не удостоен дворянского достоинства, хотя, например, Тейтель получал чины и ордена. Один из Тейтелей — Израиль, "в священном крещении Сергей", женился на русской Филиппович, дети были русскими, православными и получили дворянство. Можно предположить, что отец А.Д.Бланка был крещеным евреем, женатым на русской. Тогда все будет понятно.*

18 января 1972 года. Арнольд — Жаковой-Басовой: *...Выяснили ли Вы в ИМЛ вопрос о запрещении популяризовать А.Д.Бланка? Соколова из Перми мне сообщила, что ИМЛ не разрешил печатать книгу челябинского проф. Соколова, основанную на документах Златоустовского архива, а затем не разрешил печатать и брошюру свердловского автора. В чем дело? Что такого сделал дед Ленина, что на него такие гонения? Неужели то, что он 7 лет служил участковым врачом в полиции? Ничего не понимаю!*

7 января 1976 года. Жакова-Басова — Арнольду: *...В институте м.-л. (ИМЛ. — авт.) мне говорили, что о Бланке много болтают несуразного, и, в частности, о его еврейском происхождении. Слышали ли Вы от Трофимова такую версию, будто бы у Ал.Дм. был брат, оба были детьми банкира еврея в Варшаве и, чтобы А.Д.Бланку можно было бы поступить в академию в Петербурге, этот банкир дал крупную взятку какому-то высокопоставленному лицу, чуть ли не князю какому-то, чтобы он был крестным отцом при крещении и*

таким образом дед Ленина был принят в академию. Абсурд! У меня есть книга: "История медико-хирургической академии за 100 лет", в которой указано, что евреи в Академию принимались, хотя и ограничено.

19 октября 1976 года. Жакова-Басова — Арнольд: Рада была получить от Вас письмо, в котором Вы осветили ряд своеобразных фактов. Рассказ о происхождении Бланка кажется мне какой-то сказочной легендой. Между прочим, об этом же рассказывал мне Ж.А.Трофимов¹⁰⁶ года два назад, во время приезда в Казань. Но как это не вяжется с маминым рассказом, со слов бабушки Л.А.Пономаревой-Ардашевой, что дед Ленина остался сиротой в раннем детстве и был воспитан в какой-то небогатой еврейской семье. Вспоминается еще, что как будто он был еврейским мальчиком. Но это не точно. Не может быть, чтобы дочери не знали, кто был их отец. Но когда мама сказала об этом Анне Ильиничне Елизаровой при личном разговоре в Москве в 1923 году, то та категорически отвергла эту версию и прибавила: "...не распространяй, Дуня, про нашего деда такую ересь".

22 ноября 1977 года. Арнольд — Жаковой-Басовой: ...Получил ответ от Клавдии Федоровны (Богдановой) на мой запрос, можно ли упоминать деда В.И.Ленина А.Д.Бланка в статьях. Вот что она мне ответила: "Получила Ваше письмо. Оно написано в состоянии справедливого возмущения. Я тут же по приходе на работу поделилась с тт. Ахапкиным и Аникеевым. И от их имени и от себя сообщаю, что никаких запретов на упоминания А.Д.Бланка не было и нет. (См.биографию Ленина и соответствующие тома биохроники Ленина, изданные Ин-том М.-Л. при ЦК КПСС). Другое дело, когда к нам (еще в бытность т.Лаврова) поступали на рецензии путанные рукописи с излишними копаниями и намеками вокруг этого имени (ведь даже место рождения Бланка до сих пор точно неизвестно: то Житомир, то Ставрополь, то даже Ярославль) — вот тогда Ростислав Александрович заворачивал такие рукописи, и было сказано, что нечего далеко копать дедов и бабушек, а чтобы совсем не упоминать Бланка, об этом не было и речи. Ссылайтесь на издания ИМЛ... Не волнуйтесь! — Бланк может упоминаться". Вот такой ответ. В нем поражает то, что ИМЛ, занимающийся биографией В.И.Ленина, до

сих пор не мог установить место рождения А.Д.Бланка. Зачем ему, если он родился в Ставрополе или Ярославле, ехать в Житомир и учиться здесь в поветовом училище? Пока нет никаких оснований не верить М.Шагинян, что А.Д.Бланк был родом из местечка Староконстантинова Волынской губернии ("Семья Ульяновых")¹⁰⁷.

Вряд ли можно обвинить рядовых сотрудников ИМЛ в непрофессионализме. Документы секретного хранения, спрятанные в Центральном партийном архиве с 1930 года, и для них были недоступны. Даже материалы зарубежных историков, проследивших генеалогию Ленина по немецкой и шведской линиям, которые поступили в ЦПА в 60—70-е годы, запрещено было выдавать в читальный зал¹⁰⁸. Что касается изъятых из архивов в 1965 году документов, то до 1972 года они хранились в ГАУ при Совете Министров СССР в опечатанном виде, для использования никому не выдавались, и копии с них не снимались. В 1972 году документы были переданы в 6-й сектор Общего отдела ЦК КПСС (ныне Архив Президента Российской Федерации)¹⁰⁹. Последний раз при Советской власти особая папка № 3 вскрывалась 22 июня 1986 года по указанию заведующего Общим отделом ЦК КПСС А.И.Лукьянова. 23 июля 1986 года документы были возвращены со справкой Лукьянова об ознакомлении с ними М.С.Горбачева и резолюцией: "Без указания заведующего Общим отделом ЦК КПСС не вскрывать"¹¹⁰.

Охранные барьеры, выставленные высшими инстанциями перед исследователями родословной Ленина, не смогли воспрепятствовать нежелательному распространению информации. В 1977 году, через 12 лет после архивных изъятий середины 60-х годов, в тех же фондах Медико-хирургической академии известный специалист по архивной эвристике Г.М.Дейч нашел и скопировал несколько документов с данными о происхождении А.Д.Бланка. Кроме того, дневник А.Г.Петрова был передан в Государственный музей истории Ленинграда, в фонд воспоминаний. Записи отражали поиск автором материалов о докторе Бланке. Содержание документов о предках Ленина хорошо знали исследователь М.Г.Штейн, архивист В.В.Цаплин и многие другие. Наконец, М.С.Шагинян до конца жизни хранила фотокопии документов,

найденных в архивах Ленинграда в конце 1964 года. После ее смерти они были изъяты и переданы в Институт марксизма-ленинизма Комитетом Государственной безопасности в 1986 году¹¹¹. Еще осенью 1964 года в одном из писем Штейну Мариэтта Сергеевна писала: «...не я "открыла", а, как я указала всюду, Александр Григорьевич Петров, известивший меня о найденных им в архивах документах. Моя тут заслуга заключалась в том, что я проверила, *получила фото и сумела сохранить эти фото для будущих историков*. Кроме всего прочего приняла на себя удар за это... Но я надеюсь — люди поймут, какую подлую и глупую позицию по отношению к исторической истине они заняли, не соответствующую ни коммунизму, ни вообще научной ясности»¹¹².

ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Начало 90-х годов стало поворотным в историографии родо-словной В.И.Ленина. В результате общественно-политических изменений в конце 80-х годов были сняты запреты на любую информацию по данному вопросу. Широкой общественности были предъявлены документы, найденные исследователями как в 20–30-е, так и в 60–70-е годы.

Серию публикаций открыла статья научного сотрудника Музея В.И.Ленина в Ульяновске Е.Томуль "За строкой архивных документов", посвященная предкам Владимира Ильича по материнской линии. К сведениям, содержащимся в книгах сестер Ульяновых, Н.К.Крупской, М.С.Шагинян, автор добавила информацию, почерпнутую из ранее закрытых воспоминаний Анны Веретенниковой, а также исследований немецких и шведских ученых.

Томуль сообщала, что мать Марии Александровны Ульяновой, урожденная Анна Грошопф, имела немецкие и шведские корни. Немецкие предки Грошопфов, происходившие из Любека и Мекленбурга, еще в XIV веке были владельцами и арендаторами мельниц. В последующие столетия в семье появились церковные и светские служащие, купцы, деятели культуры. Отец же Марии Александровны, рано осиротевший, был малороссом по нацио-

нальности, мещанином по происхождению, православным по вероисповеданию. После окончания Медико-хирургической академии Александр Бланк был переведен из податного сословия в купеческое звание, а к концу службы получил потомственное дворянство¹¹³.

Утверждение Томуль, что дед Ленина по материнской линии — малоросс, было опровергнуто публикациями документов, свидетельствующих о еврейском происхождении А.Д.Бланка. Это публикация М.Г.Штейна и И.И.Ивановой в альманахе "Из глубины времен"¹¹⁴, а также опубликованные в журнале "Отечественные архивы" черновики писем А.И.Ульяновой-Елизаровой к Сталину, очерк В.В.Цаплина "О жизни семьи Бланков в городах Старо-Константинове и Житомире", материалы об истории изъятия в 1965 году документов об А.Д.Бланке из архивов Ленинграда и Житомира¹¹⁵. Сведения о еврейских предках Ленина содержались также в опубликованной в 1993 году в журнале "Кубань" работе Г.М.Дейча, впервые увидевшей свет в 1991 году в США¹¹⁶.

В середине 90-х годов появились интересные публикации М.Г.Штейна о немецких родственниках Владимира Ильича. Автор широко использовал данные немецких историков Г. фон Рауха и А.Брауэра, дополнив их сведениями из послужного списка отца Анны Грошопф Иогана Готлиба, а также ее брата, Карла Ивановича Грошопфа, и другими архивными материалами¹¹⁷.

В 1995 году издательством Ассоциации генеалогов-любителей опубликована работа В.А.Могильникова "Предки В.И.Ульянова-Ленина", и в ней — впервые составленная по правилам русской генеалогической науки поколенная роспись рода Ульяниных (Ульяновых)¹¹⁸.

Как видим, в 90-е годы произошел скачок в изучении родословия Ленина. Однако вопрос о происхождении Владимира Ильича вновь перестал быть проблемой историографической — по мере включения в контекст политической кампании "развенчания" Ленина как личности.

Эта кампания стартовала в конце 80-х годов под видом дефетишизации образа Ленина, который за годы советской власти стал олицетворением социалистического идеала. В ходе кампании про-

изошло смещение критериев — от оценки Ленина как профессионального политика, действовавшего в конкретной ситуации, к оценке общенравственной. В конце 70-х годов в результате мощного пропагандистского давления часть общества качнулась от восприятия Ленина как национального и интернационального героя к представлению о нем как о "величайшем разрушителе и национальном предателе России".

Формированию подобного представления способствовала и своеобразная интерпретация генеалогии Ленина. Ее авторы пытались доказать, что первопричиной политических идей и практики вождя пролетарской революции была его нелюбовь к России и ко всему "истинно русскому". По их мнению, истоки "антирусскости" Ленина крылись в его генеалогии. Наиболее ярким представителем этого направления в антиленинской кампании 90-х годов стал В.А.Солоухин.

Свою версию писатель наиболее полно изложил в книге "При свете дня"¹¹⁹. Взяв за основу работы М.Г.Штейна начала 90-х годов, безоговорочно приняв все изложенные в них факты, Солоухин тем не менее разошелся со Штейном в выводах. Так, Михаил Гиршевич утверждал: Ленин был "русский по культуре, русский по языку, русский по воспитанию, потомственный русский дворянин по происхождению..."¹²⁰. «В перечислении М.Штейном признаков "русскости", — отмечал Солоухин, — (по культуре, по языку, по воспитанию) не хватает маленького словечка — "по духу". Домашнее ли воспитание, гены ли виноваты тут, но словечка этого явно не хватает»¹²¹.

Для Солоухина очевидно и бесспорно, что ненавистниками России сделала своих сыновей мать, Мария Александровна. Она "натаскивала своих детей на революционную деятельность, на ненависть к Российской империи и — в дальнейшем — на уничтожение ее"¹²². Причина — гены матери, у которой не было ни грамма русской крови: "в том случае, если Анна Ивановна Грошопф была шведкой, в матери Ленина на 50 процентов еврейской и шведской крови. Если же Анна Ивановна была шведской еврейкой, то Мария Александровна, получается, чистокровная, стопроцентная еврейка". Свое "открытие" Солоухин подтвердить доку-

ментально не может, ему достаточно и того, что в родословной Анны Грошопф "мелькают ювелир, шляпник, юрист", которые могли быть как "шведские евреи, так и просто шведы"¹²³. Он убежден, что через мать "лютая ненависть" Владимира Ильича к церкви и православию передалась ему в генах деда, прошедшего "через унижительные процедуры отречения и неофитства"¹²⁴.

Может быть, писатель воздержался бы от столь сурового приговора, если бы прочитал письмо деда Марии Александровны, М.И.Бланка, на имя Николая I, найденное М.Г.Штейном в Российском Государственном историческом архиве и опубликованное в 1992 году в газете "Петербургский литератор". В этом письме девяностолетний старец, родители которого, по его словам, "были евреи, но никогда не ходили к Раввинам", а сам он "уже 40 лет, как отрекся от евреев", воспитав обоих сыновей в христианских училищах, предлагал своему государю обоснование необходимости принудительной христианизации евреев с надеждой дожить до того, чтобы "узреть Евреев освобожденными от предрассудков и заблуждений своих". Известно, что письмо Бланка попало в "Комитет для определения мер коренного преобразования Евреев в России". По этому письму, как утверждает Штейн, "комитет разработал и принял текст молитвы за Государя и Императорскую фамилию, которую верующие евреи обязаны были произносить по субботам"¹²⁵.

Кроме того, из очерка В.В.Цаплина "О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире" В.Солоухин мог бы узнать о более чем двадцатилетней тяжбе М.И.Бланка со старо-константиновским еврейским обществом.

В 1808 году Мойша Ицкович Бланк, обвиненный в поджоге города, вынужден был бежать из Староконстантинова со всем семейством, бросив там собственность и имущество. При этом Цаплин, встав на сторону кагала г.Староконстантинова, охарактеризовал Бланка как человека нечестного в ведении торговых дел, не умеющего и не желающего найти общий язык со своими соплеменниками¹²⁶. Однако сам Мойша Ицкович считал причиной гонения собственное религиозное инакомыслие¹²⁷.

Все эти факты могли бы писателя и не заинтересовать, поскольку не вписывались в построенную им схему.

Небрежность в отношении историографии вопроса, фальсификация фактов, непростительные даже в сочинении литератора, сознательно преследуют цель — скомпрометировать и развенчать историческую личность. Ту же, по существу, цель преследует и доктор философских и исторических наук Д.А.Волкогонов в книге "Ленин", содержащей специальный раздел о семейной генеалогии.

Попытку дать "собственное видение" генеалогии Ленина автор объясняет стремлением нарисовать живой портрет лидера русской революции, что, по его мнению, требовало преодоления схематизма, умолчаний и фальсификаций, свойственных официальной историографии советских вождей¹²⁸.

Однако в отличие от официальной ленинианы, где не было всей правды, но факты биографии излагались правильно, работа титулованного ученого изобилует фактическими ошибками. Рассказывая о предках Ленина по материнской линии, он искажает имя бабушки Ленина, называя ее вместо Анны Ивановны Анной Григорьевной, фальсифицирует эпизоды семейной жизни. Так, Волкогонов утверждает, что после выхода в отставку в 1847 году А.Бланк на денежное приданое своей жены получил имение Кокушкино, где они с Анной Ивановной ("Григорьевной") жили не отлучно и воспитывали пять дочерей.

Однако из документов, хранящихся в бывшем Центральном партийном архиве и впервые в полном объеме открытых именно для Волкогонова, следует, что приданое жены было прожито еще в Петербурге до смерти Анны Ивановны, скончавшейся от туберкулеза легких в 1838 году. Автор утверждает, что Анна Ивановна "так и не научилась сносно говорить по-русски", путая при этом ее с матерью — Анной Карловной, шведкой по национальности, и т.д.¹²⁹

Такая же неряшливость присутствует и в отношении автора к фактам историографии семейной генеалогии Ульяновых. Волкогонов сообщает, что "один из известных биографов Ленина Д.Н.Шуб (вместе с С.М.Гинзбург) провел специальное исследование национальных корней лидера русской революции и установил, что

А.Д.Бланк был сыном торговца-еврея из города Староконстантинова Волынской губернии Мойше Ицковича Бланка, женатого на шведке Анне Карловне Остедт¹³⁰. За информацией автор отсылает читателя к книге Шуба "Биография Ленина", вышедшей в Нью-Йорке в 1948 году. Ознакомившись с изданием, мы обнаружили, что в работе Шуба этих сведений нет. Более того, поженив деда Марии Александровны Ульяновой с отцовской стороны на бабушке — с материнской, Д.А.Волкогонов приписал Д.Шубу казус, компрометирующий исследователя.

Выше мы писали, что в 60-х годах в дискуссии на страницах эмигрантского "Нового журнала" Шуб горячо отстаивал версию о том, что А.Д.Бланк был крещеным евреем, фельдшером из Одессы. Как же Волкогонов не заметил этого "открытия", бывшего в центре дискуссии, содержанию которой он дает высокую оценку в своей работе?¹³¹

Складывается впечатление, что для автора книги о Ленине материалы из истории и историографии семейной генеалогии — лишь некое обрамление нелицеприятного для Владимира Ильича вывода: "Будучи по культуре, языку русским человеком, он никогда не относился к России, своему отечеству как высшей ценности... Для него революция, власть, партия были неизмеримо дороже России"¹³². В отличие от писателя В.А.Солоухина, прямо выводившего "нерусскость" Ленина из его генов, ученый Д.А.Волкогонов подводит читателя к такому же выводу через компиляцию и субъективное толкование фактов генеалогии. При этом автор неоднократно повторяет: "...при оценке судьбы и деяний Ленина было бы ошибочным придавать повышенное значение национальному элементу. В нем содержались лишь этнические потенции, которые реализовались в действительности под решающим влиянием социально-политических условий"¹³³.

В качестве доказательства своего тезиса Волкогонов приводит выдержки из писем А.И.Ульяновой-Елизаровой к И.В.Сталину начала 30-х годов, трактуя их как "почти антирусские заявления от имени вождя"¹³⁴. Известно, что в одном из писем Анна Ильинична предупреждала Сталина: умолчание документов о еврейских корнях в генеалогии Ленина обернется когда-нибудь против партии и

ее вождя. Работы Солоухина, Волкогонова и других авторов в 90-х годах полностью подтвердили это предвидение.

Ответом на явную тенденциозность в истолковании генеалогии семьи Ульяновых стало заявление о намеренно внедряемом в общественное сознание мифе о еврейском происхождении Ленина.

В 1993 году в газете "Поиск" появилось интервью старшего научного сотрудника Института российской истории РАН М.Е.Бычковой. Специалист по генеалогии в результате работы в Центральном архиве Республики Татарстан в Казани с документами фондов губернского Дворянского собрания пришла к выводу, что, вероятно, существовали два Александра Бланка, биографии которых были сознательно смешаны. Автор утверждала, что дед Ленина происходил из православного купеческого рода, начал службу в 1824 году и в 40-е годы дослужился до чина надворного советника, дававшего право на потомственное дворянство. Другой Александр Бланк был на 3—4 года старше, тоже учился медицине, но получить право на дворянство не мог, так как служил в "госпиталях и благотворительных организациях, а не на государственной службе..." М.Е.Бычкова считала выдачу одного лица за другое не просто ошибкой. "Скорее это был сознательно искаженный документ", о причинах появления которого она судить не могла¹³⁵.

Это мнение было взято в качестве аргумента автором статьи "Ленин и еврейский вопрос" в газете "Аль-Кодс" в 1994 году. В.Обухов утверждал, что сегодняшние противники Ленина спекулируют на его происхождении, используя вульгарные антисемитские выпады в его адрес, "обычно сдабриваемые изрядными порциями пещерного антикоммунизма, что находится за пределами и науки, и морали"¹³⁶.

Тезис о том, что версия еврейского происхождения А.Д.Бланка является мифом, приняла и отстаивает племянница В.И.Ленина — О.Д.Ульянова. Предпоследняя ее статья об истории семьи была опубликована в 1995 году. В ней Ольга Дмитриевна вновь дословно привела мнение М.Е.Бычковой¹³⁷.

Другой родственник Ульяновых по материнской линии, недавно скончавшийся в эмиграции Н.В.Первушин, также попытался опровергнуть версию о еврейском происхождении Бланка. В 1989

году в США вышла на английском языке его книга "Между Лениным и Горбачевым. Воспоминания родственника и критика Ленина". По его словам, книга написана "в надежде склонить советское руководство к разрешению исследований" об Александре Бланке или "рассекречиванию информации, необходимой для исследований". "Известный хирург, — пишет Николай Всеволодович, — новатор в практике русской медицины (гидротерапия), автор книг по медицине, доктор А.Бланк имел прекрасную репутацию, безотнositельно будущему забвению, которому была предана его жизнь. Так почему же ее замалчивают?" Так закончил Н.В.Первушин главу "Кем был Александр Бланк?"¹³⁸ Однако несмотря на снятие идеологических табу документы об А.Д.Бланке, находящиеся в Архиве Президента РФ, по сути дела недоступны и сегодня для исследователей. Отсутствие у специалистов полной документальной базы не только вновь воспроизводит вопрос о происхождении Ленина, но и делает возможным появление новых спекуляций на эту тему.

Из сказанного выше можно заключить: вся история изучения родословной Ленина — яркое доказательство того, что ограничение доступа к документам или их изъятие, принудительное забвение тех или иных фактов способно лишь породить мифы и фальсификации. То, что нам стало известно в ходе изучения историографии семейной генеалогии Ленина, лишний раз подтверждает истину: "Нет лжи безжалостней, чем умолчание..."

¹ Под названием "Истпарт" в историю вошла созданная в 1920 г. Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии.

² Шидловский Г. Ленин — миф // Книга и революция. 1921. №12. С.97.

³ Зиновьев Г. Н. Ленин — Владимир Ильич Ульянов (очерки жизни и деятельности). Петроград, 1918. С.9.

⁴ Митрофанов А. Вожь деревенской бедноты — В.И.Ульянов-Ленин (биографический очерк). М., 1918. С.4.

⁵ Невский В.И. В.И.Ульянов (Н.Ленин). М., 1920. С.3.

⁶ Шидловский Г. Указ.соч. С.97.

⁷ Лазьян. Личное дело члена РКП(б) Ленина. М., 1926. Прилож. 2.

⁸ Ульянова-Елизарова А.И. Ответ т.Шидловскому // Пролетарская революция. 1922. №3. С.334.

В этом же номере журнала была вновь напечатана статья Г.Шидловского под измененным названием — "Ленин — мифическое лицо (Как творятся мифы по книгам)".

⁹ *Табейко А.* Из прошлого товар. Ленина (по воспоминаниям крестьян). Примеч. А.И.Елизаровой // Пути революции: Исторический журнал Татбюро Истпарта (Казань). 1923. №3. С.42–49.

¹⁰ РЦХИДНИ. Ф.40. Оп.1. Д.10. Л.40 об.; Ф.70. Оп.1. Д.4. Л.10.

¹¹ РЦХИДНИ. Ф.13. Оп.1. Д.499. Л.3.

¹² РЦХИДНИ. Ф.13. Оп.1. Д.499. Л.3, 7–26 об. 32, 44–52; Ф.347. Оп.1. Д.16. Л.19, 63–64; Там же. Д.18. Л.140; Там же. Д.28. Л.152–153; Там же. Д.29. Л.3–5а; Ф.4. Оп.3. Д.54. Л.8–15 об.

Список отправленных из Казани документов см.: Записки Центрального архива Татарской ССР. 1925. № 1. С.34–37.

¹³ "Вы... распорядились молчать... абсолютно..." (неизвестные письма А.И.Елизаровой-Ульяновой И.В.Сталину и набросок статьи М.И.Ульяновой о выявленных документах по их родословной) /Публ. Е.Е.Кирилловой, В.Н. Шепелева// Отечественные архивы. 1992. №4. С.77–78.

¹⁴ Юлиан Григорьевич Оксман (1895–1970) окончил Петербургский университет. Во время учебы начал систематическое исследование петербургских архивов (главным образом цензурных ведомств). С 1914 г. — сотрудник петербургских архивов, с 1 июня 1917 г. — помощник начальника архива Министерства народного просвещения, через год — руководитель сектора цензуры и печати в Центральном архиве РСФСР, затем — начальник архива Министерства внутренних дел. В 1920с1923 гг. — особоуполномоченный Реввоенсовета по охране и разбору архивов на Украине.

¹⁵ *Пугачев В.В., Динес В.А.* Историки, избравшие путь Галилея. Саратов, 1995. С.40–41.

¹⁶ РЦХИДНИ. Ф.14. Оп.1. Д.91. Л.7.

¹⁷ *Аросев А.* Материалы к биографии В.И.Ленина. М., 1925. С.5–12.

¹⁸ Там же. С.13–15.

¹⁹ Из новых материалов к биографии В.И.Ленина. Выдержки из доклада Зам.Заведующего Института В.И.Ленина т.Аросева в Доме Печати // Московский пролетарий. 1925. №3. С.4–5.

²⁰ Там же. С.5.

Илья Иванович Ульянов (род. в 1744), яицкий казак. Вступил в ряды восставших в ноябре 1773 г., в конце того же месяца Е.И.Пугачев направил его с атаманом И.Н.Зарубиным на Воскресенский завод для налаживания производства артиллерийских снарядов и орудий; в начале декабря оба они были посланы под Уфу для руководства действовавшими там повстанческими отрядами. Ульянов,

получивший чин полковника, участвовал в боях под осажденной Уфой и в Закамье. После поражения в битве с карателями под Уфой 24 марта 1774 г. бежал, позже был схвачен. Содержался в заключении в Уфе, Казани, затем был доставлен в Москву на допрос в следственную комиссию. Был приговорен судом к пожизненной каторге, сослан в Балтийский порт, где скончался до 1797 г. (Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И.Пугачевым и его сподвижниками. М., 1995. С.94, 160, 171, 176, 193, 197).

Предполагаемое родство сподвижника Пугачева и вождя российской революции как нельзя лучше подтверждало идею А.Ароосева, высказанную в уже упомянутом письме к М.И.Ульяновой: "...в фигуре Владимира Ильича мы имеем завершение, сумму революционных усилий многих поколений революционеров, действовавших до него".

²¹ Дидрихиль Е. Красный призрак // Московский пролетарий. 1925. №3. С.4.

²² Сумский С. Легенда о Ленине // Социалистический вестник (Берлин). 1924. №4. С.2—3.

²³ Монархия погибла, а антисемитизм остался. Документы Информационного отдела ОГПУ 1920-х гг. // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Вып.1. С.345,351.

²⁴ "Вы... распорядились молчать ...абсолютно..." С.77—78.

²⁵ Там же. С.78. О переданном ей через сестру распоряжении Анна Ильинична упоминала во втором письме Сталину, написанном в 1934 г.

²⁶ РЦХИДНИ. Ф.14. Оп.1. Д.59. Л.57об.

Интересно, что вопрос о цензуре ставился Н.Бухариным на заседании Совета Института Ленина еще в 1925 г.: "Может быть, перекинуться словечком относительно цензуры ленинского института над изданиями, касающимися Владимира Ильича?" На что М.И.Калинин ответил: "Ну что же особенного, если немного плоховатые будут издания? Самые лучшие издания будут вытеснять плохие". (РЦХИДНИ. Ф.14. Оп.1. Д.59. Л.12, 42).

²⁷ В 1929 г. вместо отдела, возглавлявшегося А.И.Ульяновой-Елизаровой, в институте был создан Кабинет научной биографии Ленина. Основными его сотрудниками и руководителями всей работы по созданию биографии стали В.В.Адоратский, Г.А.Тихомирнов и А.И.Ломакин (РЦХИДНИ. Ф.347. Оп.1. Л.8).

26 ноября 1929 г. был утвержден "План работы по научной биографии Ленина" на 1929—1930 гг. Пункт 3 плана предписывал "начать собрание копий документов к научной биографии" в целом ряде архивов, в том числе и ленинградских (РЦХИДНИ. Ф.14. Оп.1. Д.59. Л.57). В ходе этой работы и были изъяты подлинники "крамольных" документов о происхождении А.Д.Бланка, найденные в 1924 г. (РЦХИДНИ. Переписка к д.52. Оп.1. Ф.11).

В январе 1930 г. из Центрального Архива РСФСР в Институт Маркса—Энгельса—Ленина (ИМЭЛ) поступили документы:

1. Дело МВД, отделение 1 Медицинского Департамента, №63 по описи 78 "По отношению разных лиц о назначении в их ведомства врачей и о выпуске из обоих отделений Императорской Академии лекарей" — на 133 л.

2. Дело МВД, отделение 1, стол 2, №№870 и 153 "Об определении медико-хирурга Бланка инспектором в Пермскую Врачебную Управу. Тут же и об увольнении его в отпуск и о дозволении ему вступить в законный брак" — на 43 л.

3. Дело МВД, отделение 1, №№2329 и 552 "Об увольнении инспектора Пермской врачебной Управы медика хирурга Бланка от сей должности" — на 11 л.

4. Дело МВД Медицинского Департамента №№8687 и 792 "По отношению С.-Петербургского военного генерал-губернатора об увольнении штатного лекаря Бланка из штата полиции" — на 5 л.

5. Дело Правительствующего Сената департамента Герольдии "О дворянстве рода Бланк" — на 27 л.

6. "Журнал исходящим бумагам (Департамента народного просвещения. — авт.) за подписанием Г. Министра на 1820 г., часть 2 май—август № 36848, кар. 54".

7. Книги исповедные за 1815, 1816, 1817, 1818, 1819 гг. и метрические за 1816—1819 гг. Сампсониевской церкви.

8. Книги исповедные и метрические за 1820—1822 гг. Сампсониевской церкви.

Все изъятые документы сразу же оказались в спецфонде создававшегося при институте Центрального партийного архива. Документы хранились в запечатанном пакете, который впервые был вскрыт лишь в 1965 г. (РПЦИДНИ. Дело фонда 11).

²⁸ Керженцев П. Жизнь Ленина. Партиздат ЦК ВКП(б). 1934. С.4.

С момента выхода в свет этой работы и до конца 50-х гг. не переиздавались даже книги сестер Ульяновых "Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов (1831—1886)" и "В.И. Ульянов (Н. Ленин). Краткий очерк жизни и деятельности". Исключение составила написанная Анной Ильиничной книга для детей "Детские и юношеские годы Ильича", переиздававшаяся в Москве и Ленинграде 19 раз.

²⁹ Шагинян М. Книга о детстве и юности Владимира Ильича // Книга и пролетарская революция. 1938. №5/6. С.230.

³⁰ Шагинян М. Как я работала над "Семьей Ульяновых" // Шагинян М. Лениниана: Семья Ульяновых. Тетралогия. Очерки и статьи. М., 1977. С.781,775.

³¹ Там же. С.790—791.

В ответ на предупреждение Марии Ильиничны Шагинян писала: «Но, мне кажется, Вы не учитываете огромной тяги людей, когда-то его видевших, создавать своего рода легенду о нем. Ведь любовь к Ильичу — самое сильное чувство, какое я сейчас знаю (сужу по себе!). Войдите и в мое положение. У меня ограниченные данные, я не гений, я почти не смею браться за такую тему. Но люблю всей своей жизнью и всем вниманием родного Ильича, чувствую, как невозмож-

ную вещь, отсутствие книги о нем для детей и молодежи, такой книги, чтоб давала охоту "жить по Ильичу", хотеть быть большевиком. Не понимаю, почему Ваши и Анны Ильинишны книги не переиздаются постоянно большими тиражами и их почти невозможно достать» (РЦХИДНИ. Ф.14. Оп.1. Д.112. Л.4-5).

³² Зильберштейн И.С. Молодой Ленин в жизни и за работой. По воспоминаниям современников и документам эпохи. Госиздат, 1929. С.40.

Экземпляр книги, который использовался нами при работе, хранится в Государственной общественно-политической библиотеке (бывшая библиотека Института марксизма-ленинизма). Главы из книги о симбирском и казанском периодах жизни Ленина публиковались в журнале "Москва" (1957. №7; 1958. №4).

³³ Адоратский В.В. К вопросу о научной биографии В.И.Ленина // Пролетарская революция. 1930. №1-3.

³⁴ Раскольников Ф. Предисловие // Зильберштейн И.С. Указ.соч. С.V-VI.

³⁵ Эйхенгольц А. Обзор основных материалов к биографии В.И.Ленина // Пролетарская революция. 1930. №1(96). С.157.

Еще одной причиной изъятия работы Зильберштейна, на наш взгляд, было использование автором сведений из книги А.Аросева 1925 г. о происхождении А.Д.Бланка из Староконстантиновского у. Волынской губ., дореволюционного района оседлости евреев (Зильберштейн И.С. Указ.соч. С.39-41).

³⁶ Шагинян М. Предки Ленина // Новый мир. 1937. №11. С.266.

³⁷ Гольдина Р.С. Ленинская тема в творчестве Мариэтты Шагинян. Ереван, 1969. С.55.

³⁸ Шагинян М. Книга о детстве... С.231.

³⁹ Шагинян М. Как я работала над "Семьей Ульяновых" // Шагинян М. Лениниана... С.776.

⁴⁰ Шагинян М. Книга о детстве... С.231.

⁴¹ РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.2. Л.50 об.

Рукопись воспоминаний матери Н.И.Веретенников в 1937 году передал в ИМЭЛ.

⁴² Шагинян М. Билет по истории // Красная новь. 1938. Кн.1. С.21-24.

⁴³ Шагинян М. Как я работала над "Семьей Ульяновых" // Шагинян М. Лениниана... С.792-793.

⁴⁴ Гольдина Р.С. Указ.соч. С.57.

⁴⁵ Кон Ф.Я. Билет по истории (роман М.Шагинян) // Литературное обозрение. 1938. №10. С.68.

⁴⁶ Литературная газета. 5 апреля 1938. С.1.

⁴⁷ Фильм о юности Ленина // Вечерняя Москва. 13 мая 1938. С.3.

⁴⁸ Шагинян М. Билет по истории. М., 1938.

⁴⁹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.1001. Л.14.

⁵⁰ "Изъятие... произвести без оставления... копий" (где хранились и куда переданы документы о предках Ленина) / Публ. Т.И.Бондаревой, Ю.Б.Живцова // Отечественные архивы. 1992. №4. С.69.

⁵¹ Там же. С.70.

⁵² Там же. С.71.

⁵³ *Иванова И.И., Штейн М.Г.* К родословной Ленина: История одной находки. Архивные материалы // Из глубины времен. Альманах (Санкт-Петербург). 1992. №1. С.36.

⁵⁴ *Гольдина Р.С.* Указ.соч. С.69.

⁵⁵ *Rauch G., von.* Lenins Lübecker Ahnen // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Bd.40. Lübeck, 1960.

Роман М.С.Шагинян оказал влияние и на работы другого немецкого историка — А.Брауэра, исследовавшего немецкие и шведские корни семьи Ульяновых:

Brauer A. Lenins Vorfahren im Lübecker und mecklenburgischen Raum und ihre Anverwandten // Genealogie. Hf.5.1970;

Brauer A. Lenins deutsche und schwedische Ahnen // Genealogisches Jahrbuch. Bd.12. Neustadt an der Aisch, 1972.

⁵⁶ *Виллерс У.* Ленин в Стокгольме. Стокгольм, 1970.

⁵⁷ *Уэдлс Г.* Россия во мгле. М., 1959. С.43.

⁵⁸ *Валентинов Н.* Ленин в Симбирске // Новый журнал (Нью-Йорк). 1954. №37. С.221.

⁵⁹ *Фишер Л.* Жизнь Ленина. М., 1997. Т.1. С.5.

Автор книги писал: "Националистическое содержание коммунизма требует того, чтобы Ленин изображался этнически чистым великороссом. Поэтому, тот факт, что у него были нерусские предки, остается скрытым ото всех, за исключением самых любопытных".

⁶⁰ *Валентинов Н.* Указ.соч. С.222.

Речь идет о статье Н.К.Крупской "Детство и ранняя юность Ильича", опубликованной в журнале "Большевик" (1938. №12).

⁶¹ *Валентинов Н.* Указ.соч. С.223.

⁶² *Shub D.* Lenin — a Biography. Doubleday and Co., New York. 1948.

Давид Шуб родился в 1887 г. в России, здесь же получил образование. В 1903 г. стал членом РСДРП, в 1903-1905 гг. жил в Западной Европе, в центрах русской эмиграции — Лондоне, Париже, Женеве, где встречался с Лениным и другими лидерами социал-демократии. В сентябре 1905 г. вернулся в Россию, принимал участие в революции, в 1906 г. арестован и сослан в Сибирь, откуда бежал через год. В 1908 г. окончательно эмигрировал из России, жил и работал в США.

⁶³ Шоул (Саул) Моисеевич Гинзбург (1866, Минск — 1946, Нью-Йорк) — публицист, историк литературы, издатель. С 1908 г. занимался изучением истории

культуры российского еврейства. Автор монографии "Евреи в Отечественной войне 1812 года" (1918), редактор сборника "Минувшее. Очерки по истории евреев в России" (1923), в 1915–1921 гг. — один из редакторов многотомной "Истории еврейского народа". В 1922–1928 гг. редактировал исторические сборники "Еврейская мысль" и "Еврейский вестник". В 1920-е гг. — профессор еврейской истории в Институте еврейских знаний в Петрограде. В конце 1930 г. эмигрировал в США, с 1933 г. сотрудничал в газете "Форвертс", в эмиграции опубликовал ряд исследований по истории евреев, национальной литературе и культуре, в том числе "Исторические произведения" (Т.1–3. 1937–1938), "Былой Петербург" (1944), "Евреи-выкrestы в царской России" (1946).

⁶⁴ Шуб Д. По поводу статьи Н.Валентинова и письма в редакцию "Историка" // Новый журнал. 1961. №63. С.288–290.

Доказывая еврейское происхождение Ленина по материнской линии, Гинзбург сделал еще одно предположение. По словам Шуба, прочитав воспоминания А.И.Ульяновой-Елизаровой и "другие материалы о семье Ленина, которые он раньше не знал", Гинзбург заявил, "...что по всей вероятности и жена Бланка, т.е. бабушка Ленина, тоже была еврейкой и говорила она вовсе не по-немецки, а на идише". (Шуб Д. Указ.соч. С.289).

⁶⁵ Валентинов Н. О предках Ленина и его биографиях // Новый журнал. 1960. №61. С.222.

У черносотенцев этот тезис был в свое время заимствован фашистской пропагандой. На проходившей в Государственном музее изобразительных искусств им.Пушкина в Москве 4 марта — 30 июня 1996 г. выставке "Берлин — Москва. 1900–1950" посетители могли познакомиться с одним из ее образцов — листовкой НСДАП 1931 г. "Могилишки России" (III/766. Каталог выставки). На листовке была напечатана антисемитская карикатура на Ленина, руководителей ВКП(б) и Коминтерна, а в тексте утверждалось, что Ульянов — фамилия русского отчима Ленина, еврейкой была и Н.К.Крупская.

Версию приемного сына "легализовал" у нас в стране С.Жариков, автор статьи "Кто Вы, Ульянов-Ленин?". Ссылаясь на документы из библиотеки некоего Григория Бостунича (Шварца), эмигранта, штандартенфюрера СС, автор статьи сообщи: "В конце 70-х или начале 80-х годов XIX века в Сибирь через Симбирск шла партия каторжан. В числе их находился некто Хаим Гольдман, а с ним его сын, маленький и слабенький мальчик. Последний, не вынеся тягот этапного хождения, в Симбирске на улице свалился. Ребенка подобрала сердобольная жена тогдашнего предводителя дворянства Ильи Ульянова, окрестила Владимиром и, несмотря на то, что имела собственного ребенка, не без протеста мужа усыновила. Отсюда и получился "русский дворянин" Владимир Ильич Ульянов..." (Жариков С. Кто Вы, Ульянов-Ленин? // Хозяин (Москва). 27 ноября 1991).

⁶⁶ Шагинян М. Семья Ульяновых. М., 1958. С.28.

Роман был реабилитирован специальным постановлением ЦК КПСС от 11 октября 1956 г. "О порядке издания произведений о В.И.Ленине" (Справочник партийного работника. М., 1957. Вып.1. С.364). Отдельному изданию новой версии романа предшествовала его публикация в журнале "Нева" (1957. №8).

⁶⁷ Шагинян М. Семья Ульяновых... С.24-25.

⁶⁸ Валентинов Н. О предках Ленина... С.222.

⁶⁹ Историк. О предках Ленина. Письмо в редакцию // Новый журнал. 1961. №63. С.286-287; Шуб Д. Указ.соч. С.288-291.

⁷⁰ Цит. по кн.: *Pervushin N. Between Lenin and Gorbachev. Memoirs of Lenin's Relative and Critic.* New York. 1989. P.142.

⁷¹ Николай Всеволодович Первушин (1899-1993) — правнук А.Д.Бланка по линии Е.А.Залежской. Родился в Казани, там же получил среднее и высшее образование. Вскоре после окончания университета арестован за критику советской власти, тем не менее позже получил разрешение на поездку в Германию для научной работы. Решив не возвращаться в СССР, жил и работал сначала в Германии, затем во Франции. В 1946 г. переехал в США; 16 лет работал переводчиком и преподавателем русского языка в ООН, преподавал литературоведение в университетах Оттавы и Монреаля. Один из создателей и руководителей Русской школы при Норвичском университете в штате Вермонт (Канада). Автор работ по экономике, литературе и истории.

⁷² *Pervushin N. Op.cit.* P.141-142.

⁷³ Письмо из архива Н.В.Первушина, переданного в 1996 г. в ГИМ (Музей В.И.Ленина).

⁷⁴ Об этих слухах еще в 1954 г. писал Н.Валентинов в статье "Ленин в Симбирске" (см. примеч.58).

Отстаивая на страницах "Нового журнала" версию о еврейском происхождении А.Д.Бланка, Шуб тем не менее не упоминал об этом ни в одном из изданий своей книги (второе издание — 1966 г., его репринтное переиздание — 1971 г.).

⁷⁵ Гаврилов Ю. Трагедия ухода от Родины // Огонек. 1991. №5. С.23.

⁷⁶ Историк. О предках Ленина... С.287; Шуб Д. Указ.соч. С.291.

⁷⁷ Фишер Л. Жизнь Ленина. С.9.

⁷⁸ О порядке издания произведений о В.И.Ленине. Постановление ЦК КПСС от 11 октября 1956 г. // Справочник партийного работника. М., 1957. Вып.1. С.364.

⁷⁹ Сведения новых документов публиковались в статьях М.Я.Галкиной: А.Д.Бланк — передовой врач дореволюционного Урала // Советское здравоохранение. 1957. №5; Дед В.И.Ленина — врач А.Д.Бланк на Урале // Прикамье. Альманах (Пермь). 1958, №24;

Следует также сказать, что еще в конце 30-х гг. были опубликованы сведения из последнего списка А.Д.Бланка 1847 г. и данные "Бархатной книги" дворянских родов Казанской губернии, дававшие достаточно полное представление о его служебной карьере и происхождении дворянского рода Бланков (*Власов В.* Документы об А.Д.Бланке // *Красная Татария (Казань).* 15 июля 1939. С.4). При этом автор статьи подчеркивал, что Александр Дмитриевич "являлся представителем трудовой интеллигенции, дворянство получил как дослужившийся до определенного в то время чина, прослуживши известное количество лет на государственной службе; помещиком не был..."

⁸⁰ РЦХИДНИ. Дело фонда 11. Папка №8. Л.61.

⁸¹ *Иванова И.И., Штейн М.Г.* Указ.соч. С.44.

⁸² Там же. С.35.

⁸³ Там же. С.46.

⁸⁴ Там же. С.48.

⁸⁵ Там же. С.40—41, 48—49.

⁸⁶ Там же. С.47.

⁸⁷ *Чуковский К.* Дневник 1930—1969 гг. М., 1995. С.399.

⁸⁸ РЦХИДНИ. Справка о вскрытии документов секретного хранения. Переписка к д.52, оп.1, ф.11.

⁸⁹ *Иванова И.И., Штейн М.Г.* Указ.соч. С.49.

⁹⁰ "Изъятие... произвести без оставления... копий"... С.67.

В записке Коленкиной указывалось, что с подлежащими изъятию документами были ознакомлены А.Г.Петров, М.Г.Штейн, М.С.Шагинян, заместитель главного редактора журнала "Звезда" И.В.Жур; с формулярными списками А.Д.Бланка работали Д.З.Бурман и Т.П.Жакова-Басова.

⁹¹ Там же. С.68; РГАЭ. Ф.777. Оп.1. Д.45. Л.132—135.

⁹² "Изъятие... произвести без оставления... копий"... С.56—66.

⁹³ *Иванова И.И., Штейн М.Г.* Указ.соч. С.49.

⁹⁴ РЦХИДНИ. Переписка к д.51, оп.1, ф.11.

Перечисляя выявленные им документы, Штейн указал документы "...о переходе А.Д.Бланка из еврейского закона в греко-российскую религию".

⁹⁵ *Иванова И.И., Штейн М.Г.* Указ.соч. С.37—38, 36.

⁹⁶ *Шагинян М.* Семья Ульяновых. М., 1969. С.25.

⁹⁷ *Шнайдиштейн Е.В.* Астрахань — родина Ульяновых // *Волга (Астрахань).* 22 апреля 1966; *Она же.* Ульяновы в Астрахани // *Блокнот агитатора (Астрахань).* 1967. №9—10.

Елфимов Г. Находки в Астраханском архиве // *Кировская правда.* 31 мая 1968;

Богданов И. Нижегородской губернии крестьянин // *Журналист.* 1969. №6.

⁹⁸ Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 4-е. М., 1970. С.3—4.

⁹⁹ *Иванский А.И.* Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах. М., 1964. С.725.

¹⁰⁰ *Алексеева В.* Врач А.Д.Бланк // Звезда (Пермь). 7 февраля 1969.

¹⁰¹ РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.35. Л.4.

¹⁰² *Жакова-Басова Т.П.* За достоверное освещение истории семьи Ульяновых // Вопросы истории. 1973. №10. С.201–202.

¹⁰³ РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.5. Д.61.

¹⁰⁴ Всеволод Николаевич Арнольд активно занимался краеведческой работой, более полувека посвятил исследованию самарского периода жизни и деятельности В.И.Ленина, членов семьи Ульяновых, занимался изучением истории пребывания в Самаре в 1860-х гг. М.А.Бланк и ее сестер А.А.Веретенниковой и С.А.Лавровой. Автор книги "Семья Ульяновых в Самаре. Поиски и находки" (Куйбышев, 1983).

¹⁰⁵ Е.Вечтомова — автор книги "Повесть о матери" (М., 1970).

¹⁰⁶ Жорес Александрович Трофимов — исследователь, автор целого ряда книг о В.И.Ленине и семье Ульяновых, в том числе: "Мать Ильича. Документальный очерк" (М., 1985), "Отец Ильича. Документальные очерки" (Саратов, 1981), "Ульяновы: Поиски, находки, исследования" (Саратов, 1988), "Илья Николаевич Ульянов" (М., 1988; в соавторстве с Ж.Миндубаевым), «Волконоговский Ленин (критический анализ книги Д.Волконогова "Ленин")» (Ульяновск, 1995).

¹⁰⁷ Переписка В.Н.Арнольда и Т.П.Жаковой-Басовой любезно предоставлена ее дочерью — И.М.Басовой.

Лавров Р.А. — до ноября 1970 г. зам.заведующего ЦПА (Центрального партийного архива);

Аникеев В.В. в 70-е гг. зам. заведующего ЦПА.

Ахапкин Ю.Л. — зав. секцией документов В.И.Ленина, с 1976 г. — зам. заведующего ЦПА;

Богданова К.Ф. — старший научный сотрудник секции документов В.И.Ленина в ЦПА.

¹⁰⁸ РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.43.

¹⁰⁹ "Изъятие... произвести без оставления... копий"... С.66, 74.

¹¹⁰ Архив Президента РФ. Особая папка №3.

¹¹¹ РЦХИДНИ. Дело фонда 11. Папка №2. Л.37.

¹¹² *Иванова И.И., Штейн М.Г.* Указ.соч. С.38–39.

¹¹³ *Томуль Е.* За строкой архивных документов // Истоки: Вестник Ульяновского филиала Центрального музея В.И.Ленина. 1990. №1. С.2.

¹¹⁴ *Иванова И.И., Штейн М.Г.* Указ. соч.

¹¹⁵ "Вы... распорядились молчать... абсолютно"... 1992. №4. С.77–80; *Цаплин В.В.* О жизни семьи Бланков в городах Старокопеевском и Житомире // Отечественные архивы. 1992. №2; "Изъятие...произвести без оставления...копий"... 1992. №4.

¹¹⁶ Дейч Г.М. Родословная Ленина // Кубань. 1993. №5/6; Он же. Еврейские предки Ленина: Неизвестные документы о Бланках. Нью-Йорк, 1991.

¹¹⁷ Штейн М.Г. О немецких родственниках В.И.Ульянова (Ленина) // Из глубины времен. Альманах (СПб.). 1994. №3.

¹¹⁸ Могильников В.А. Предки В.И.Ульянова-Ленина. Пермь, 1995.

¹¹⁹ Солоухин В. При свете дня. М., 1992. С.28–49.

¹²⁰ Штейн М.Г. Генеалогия рода Ульяновых // Литератор (Ленинград). 1990. №38; Он же. Род вождя // Слово. 1991. №2. С.82.

¹²¹ Солоухин В. Указ.соч. С.35.

¹²² Там же. С.39.

¹²³ Там же. С.30–31.

¹²⁴ Там же. С.48–49.

¹²⁵ "Крестный отец" Бланк. Неизвестное письмо прадеда Ленина на высочайшее имя / Публ. М.Г.Штейна // Петербургский литератор. 1992. №5. С.1,8.

¹²⁶ Цаплин В.В. Указ.соч. С.40.

¹²⁷ Архив Президента Российской Федерации. Особая папка №3. Л.39 изъятото из Государственного архива Житомирской области дела об убытках, понесенных М.И.Бланком в результате пожара в г.Старокопстантинове (Ф.16, Волинский главный суд. Оп.1. Д.158 за 1826–1827 гг.).

¹²⁸ Волкогонов Д. Ленин. М., 1994. Кн.1. С.48–49.

¹²⁹ Там же. С.45.

¹³⁰ Там же. С.44.

¹³¹ Там же. С.48.

¹³² Там же. С.52.

¹³³ Там же. С.52–53.

¹³⁴ Там же. С.50–51.

¹³⁵ Бычкова М.Е. История страны — это история семей, ее населяющих // Поиск. 1993. № 37. С.16.

¹³⁶ Обухов В. Ленин и еврейский вопрос // Аль-Кодс (Москва). 1994. №11. С.11, 13.

¹³⁷ Ульянова О.Д. О родословной Владимира Ильича Ленина // Гласность. 1995. №20(196). С.3.

¹³⁸ Pervushin N. Op.cit. P.149.

ГЛАВА II

КТО ВЫ, ДОКТОР БЛАНК?

Как видно из предыдущей главы, история рода Владимира Ильича Ульянова до сих пор полна домыслов, умозрительных построений и просто откровенных фальсификаций. Особенно много их вокруг биографии деда по материнской линии — Александра Дмитриевича Бланка, что, очевидно, связано с информационной блокадой, организованной вокруг личности этого человека.

Родословная матери Ленина в официальных биографиях трактовалась просто: "Мария Александровна была дочерью врача". Столь неопределенная формулировка не могла удовлетворить пытливые умы, а непреходящая политизация проблемы порождала разного рода спекуляции. Следуя за предшественниками в поисках истины, мы получили перед ними преимущество. Нам удалось изучить весь комплекс ранее засекреченных документов, сравнить и свести воедино содержащуюся в них информацию и предложить свою версию ответа на вопрос: кем был Александр Бланк?

Знакомясь с воспоминаниями родных об А.Д.Бланке, мы обратили внимание на то, что в семье почти ничего не знали о его происхождении. Так, в воспоминаниях Анны Веретенниковой, старшей дочери Александра Дмитриевича, написанных до 1897 года, наряду с довольно подробными сведениями о родных по линии матери, об отце — несколько строк: "Отец мой, малоросс по происхождению, окончил курс в Медико-хирургической академии, служил года три врачом где-то в Смоленской губернии, затем приехал опять в Спб, поступил... ординатором в больницу и женился на моей матери, Анне Иванове Грошопф"¹.

Почти тот же набор сведений содержит записка А.И.Ульяновой, начавшей в 1924 году собирать документы об отце матери: "1. Родился в 1802 г. (кажется в Житомире). 2. Купеческого сословия. 3. Поступил в 1820 г. в Петербургскую Медицинскую акаде-

мию. 4. Окончил ее со званием лекаря в 1824 г. 5. Служил одно время в Больнице Марии Магдалины. 6. Был женат на некой Анне Ивановне Грошопф (кажется шведке), отец ее имел дом на Васильевском острове"².

Подобная неосведомленность кажется странной при глубоко укорененной в русском обществе традиции развитого генеалогического знания о самом широком родстве. Это наводит на мысль о том, что происхождение деда было в семье "фигурой умолчания". Во всяком случае, даже точную дату рождения Александра Дмитриевича родственники не знали. Так, в своих заметках о деле А.И.Ульянова-Елизарова писала: "Александр Дмитриевич умер в июле 1870 года 68 лет от роду"³. Однако из актовой записи о смерти надворного советника А.Д.Бланка, составленной, видимо, со слов родных, следует, что к моменту смерти 17 июля 1870 года ему был 71 год⁴.

Также приблизительно родственники А.Д.Бланка знали и о месте его рождения. А.Веретенникова указывает на Малороссию, А.Ульянова уточняла — из Житомира. Только в 1924 году Анна Ильинична узнала, что ее дед был еврейского происхождения, из мещан города Староконстантинова Волынской губернии. Среди документов, изъятых в свое время из Государственного архива Житомирской области*, содержится "Ревизская сказка 1834 года апреля 29 дня Волынской губернии города Староконстантинова", где под № 402 значатся мещанин Мошко Ицкович Бланк и его сыновья Аба и Сруль. В этом документе приведены данные предыдущей ревизской сказки 1816 года, в соответствии с которой Мойше Ицковичу в этом году было 52 года, его старшему сыну Абелю — 22, а младшему Срулю — 12 лет. В графе, фиксировавшей изменения состава семьи к 1834 году, против имен сыновей записано: "приняли христианскую веру, о чем имеется указ 120 Волынского Губернского управления"⁵.

В Архиве Президента Российской Федерации, в особой папке № 3, хранится изъятое из Государственного архива Ленинградской

* Все названия архивов даются так, как они назывались до 1992 года.

области прошение от уроженцев г. Староконстантинова студентов житомирского поветового училища Абеля и Израиля Бланков на имя члена Святейшего Правительствующего Синода, Священного Митрополита Михаила, в котором говорится: "Поселясь ныне на жительство в С-Петербурге и имея всегдашнее обращение с христианами грекороссийскую религию исповедующими мы желаем ныне принять оную"⁶.

25 мая 1820 года Митрополит Михаил предписал священнику церкви преподобного Сампсония Федору Барсову провести обряд крещения и сообщить ему новые имена бывших еврейских детей и их восприемников. 10 июля Абель и Израиль приняли крещение.

Восприемниками стали: у Абеля (отныне Дмитрия) — действительный статский советник, сенатор Дмитрий Осипович Баранов и действительного статского советника Шварца жена Елисавета Осиповна, у Израиля (Александра) — действительный статский советник, сенатор, граф Апраксин Александр Иванович и жена Д.О.Баранова — Варвара Александровна.

Имена обращенных были даны по именам их восприемников, отчество — по Дмитрию Осиповичу Баранову (1773—1835)⁷.

После получения 17 июля 1820 года свидетельства о крещении братья Бланки обращаются с просьбой к министру народного просвещения и духовных дел князю А.Н.Голицыну (1773—1844) об определении их в Медико-хирургическую академию. Нужно сказать, что покровительство князя Голицына сыграло решающую роль в судьбе братьев Бланков.

В соответствии с Уставом Медико-хирургической академии от 1809 года желающие поступить в нее, происходящие из свободных состояний, должны были пройти предварительное испытание в губернских врачебных управах, представить свидетельства о гражданском состоянии, а также сдать публичные экзамены "в языках и науках, которым были обучены"⁸. Как следует из документов Медико-хирургической академии, братья Бланки представили только аттестаты об окончании житомирского поветового училища и свидетельства о крещении⁹. В ходе экзаменов были выявлены пробелы в их образовании, особенно в латинском языке. Несмотря на это, они были приняты в академию по личному указанию ми-

нистра. В ходатайстве перед Конференцией академии князь А.Н.Голицын отмечал, что хотя надо признать братьев Бланков в латинском языке и не весьма успешными, но "можно надеяться, что по известному их благонравию и прилежанию к наукам они впоследствии усовершенствуют себя в знании сего языка и в самой Академии, в которую заслуживают быть принятыми как по поведению своему, так и по сиротству их"¹⁰. Братья Бланки были зачислены на медицинское отделение академии. Александр — в качестве казенного воспитанника, Дмитрий, значительно старший по возрасту, — в качестве волонтера, так как казенными воспитанниками могли стать молодые люди не старше 24 лет¹¹.

В 20-х годах А.И.Ульянова, знакомясь с документами о поступлении братьев Бланков в Медико-хирургическую академию, писала: "Ответа на вопрос, почему юноши Бланк попали в Петербург и участие в их судьбе приняли такие родовитые и чиновные люди, как указанные в числе восприемников, ни бумаги Департамента полиции, ни документы дворянского архива, из которых выдавались формуляры А.Д.Бланк, найти не удалось"¹². Из известных в настоящее время документов о жизни семьи Бланков в Староконстантинове и Житомире мы узнаем, что глава семейства Мойша Ицкович более четверти века конфликтовал с кагалом. Тот факт, что он отдал своих сыновей учиться в общеобразовательную христианскую школу (случай в то время крайне редкий в еврейском обществе), позволяет предположить, что М.Бланк был сторонником языковой и культурной ассимиляции евреев. Тесное общение с христианами могло сформировать в молодых людях стремление покинуть замкнутый круг общины-кагала. Желание же получить медицинское образование могло возникнуть под влиянием стереотипа, о котором писал исследователь еврейской истории Ю.Гессен: "В ту пору, да и ранее, в России встречались заграничные евреи, получившие общее образование, преимущественно врачи, из коих некоторые находились на государственной службе; они не могли не импонировать своим отсталым единоверцам, не возбуждать в них интереса к просвещению"¹³.

Стремление евреев, живших в черте оседлости, к просвещению сталкивало их с кагално-раввинской организацией. Обучение, по

словам С.М.Гинзбурга, "считалось опасным для религии, предосудительным и являлось достоянием лишь немногих единиц, уже в силу этого одного признававшихся вольнодумцами, близкими к отпадению"¹⁴. Кагал пресекал желание получить светское образование самыми жесткими мерами. Так, даже в 40-х годах XIX века в Виленском учебном округе 14-летний юноша, пытавшийся поступить в местное дворянское училище, был слан кагалом в рекруты. Факт заурядный для того времени¹⁵.

Братьям Бланкам удалось перешагнуть черту оседлости и продолжить образование в Санкт-Петербурге — событие в ту пору неординарное. "Положение о устройстве евреев" 1804 года позволяло приезжать во внутренние губернии России, а также в Москву и Санкт-Петербург еврейским фабрикантам, ремесленникам, художникам и купцам только по паспортам губернаторов и на ограниченное время¹⁶. Впрочем, для детей Мойши Бланка, десятилетиями конфликтовавшего с общиной, перемещение даже внутри черты оседлости было проблемой. Для этого необходимо было предъявить в земский суд свидетельство от кагала¹⁷. Последний же в качестве наказания часто отказывал своим единоверцам в праве передвижения за "противные суеверию евреев поступки".

Из документов, присланных в свое время в Медико-хирургическую академию, известно, что братья Бланки, жившие до отъезда в Санкт-Петербург в Житомире, были приписаны к староконстантиновскому кагалу, но с 1818 года казенных податей не платили¹⁸. Мы предполагали, что именно в это время молодые люди покинули Житомир. Однако в книге Н.И.Теодоровича о городе Староконстантинове, написанной в 1894 году, мы нашли сведения, дающие основания считать, что братья Бланки оставались в Житомире до 1820 года. Дело в том, что 26 июля 1818 года в Староконстантинове произошел пожар такой опустошительной силы, что власти даровали жителям города недоимки и освободили их от податей до 1820 года¹⁹. В мае 1820 года в Волынской губернии с ревизией по недоимкам был сенатор Д.О.Баранов²⁰.

Сенаторам, назначаемым для ревизии губерний, инструкцией от 17 марта 1819 года вменялось в обязанность, кроме целевой задачи, рассмотрение также тяжёбных дел между частными лица-

ми, тянувшимися из-за волокиты долгие годы. При этом отмечалось: "Хотя Сенаторы в разбирательство таковых дел не вступают, ибо они посылаются не яко Судии, а как Инспектора; но заметив медленность и волокиту обращают на сие внимание и доставляют тяжущимся законное покровительство и особенно замечают, не лишается ли кто без суда собственности, либо чести, нет ли преград невинным находить в законах себе защиту"²¹. Возможно, что во время ревизии к сенатору Баранову обратился и Мойша Бланк с жалобой на староконстантиновское еврейское общество, несправедливо обвинившее его в 1808 году в поджоге города. Несмотря на то, что еще в 1809 году Сенат признал Бланка невиновным, он, бежавший с семьей от преследования в Житомир и оставивший в Староконстантинове дом, 12 лет не мог вернуть свою собственность²². Может быть, именно тогда Дмитрий Осипович Баранов, заинтересовавшись судьбой братьев Бланков, обещал им свое покровительство, помог переехать в Санкт-Петербург и стал приемником старшего из братьев — Абея при принятии им святого крещения.

Покровительство сенатора Д.О.Баранова молодым евреям, пожелавшим перейти в православную веру, вполне объяснимо. Дмитрий Осипович с 1801 года и до конца царствования Александра I активно участвовал в государственной политике реформирования еврейского быта с целью преодоления национально-религиозной замкнутости еврейства. Среди евреев он прослыл недругом, видимо, за скептическое отношение к возможности приобщения их к общероссийской культуре без отказа от иудаизма. Сталкиваясь по делам службы с проблемами еврейского быта, он знал, что с ортодоксально-религиозной точки зрения евреи, стремившиеся слиться с народом, среди которого жили, считались потерянными для еврейства "мертвецами". Может быть, поэтому он принял живое участие в судьбе молодых людей, считавшихся по еврейскому закону после принятия крещения сиротами. Тем более, что переход евреев в православную веру был в то время редкостью.

Переезд братьев Бланков в Санкт-Петербург и их крещение совпали с периодом, когда правительство много занималось миссио-

нерством в отношении евреев при полной поддержке самого императора Александра I. Самую активную роль в этом играл близкий друг императора — тайный советник, князь А.Н.Голицын. В 1817 году он возглавил министерство духовных дел и народного просвещения. 5 мая 1818 года именным указом императора к ведению этого министерства были отнесены все дела, связанные с еврейскими обществами. Голицын был одним из инициаторов создания в 1817 году "Общества израильских христиан", задачей которого было обеспечить участь евреев, воспринимающих христианство, а также прийти им на помощь в случае их преследования. Несмотря на то, что правительство давало желающим обратиться в христианство заметные выгоды и преимущества, число их было небольшим. Может быть, поэтому князь оказал такую поддержку перешедшим в христианство студентам житомирского поветового училища, настояв на их принятии на самое престижное отделение Медико-хирургической академии в обход существовавших тогда правил.

Приведенные нами возможные мотивы покровительства братьям Бланк высших сановников Санкт-Петербурга не исключают, однако, версии А.И.Ульяновой-Елизаровой о том, что на решение молодых людей принять христианство повлиял богатый родственник, оказавший им и финансовую поддержку при переезде в столицу. В метрическом свидетельстве четвертой дочери Александра Дмитриевича Бланка, Екатерины, в качестве восприемницы значилась некая Любовь Бланк, дочь иностранного купца Дмитрия Бланка²³. "Из этого мы видим, — писала Анна Ильинична, — что во время прибытия в Петербург двух братьев Бланк там имелся некий старший родственник Д.Бланк, очевидно, переселившийся туда раньше, крестившийся..., составивший себе некоторое положение. Он находился в связи с Грошопф, имел связи и с другими родовитыми и чиновными людьми, и этим объясняется, очевидно, и помощь со стороны последних его племянникам. Надо думать, что этот старший родственник Д.Бланк и устроил своих молодых родственников"²⁴.

Версия А.И.Ульяновой, укорененная, как нам кажется, в семейных преданиях, имеет и другие исторические основания. Изве-

стно, что к началу XIX века в Санкт-Петербурге сложилась еврейская колония, состоявшая из людей относительно влиятельных и проживавших в столице с ведома правительства. Эта колония была известна своей приверженностью к просвещению, а также стремлением к сближению с правящей элитой. Один из ее столпов — финансовый магнат Авраам Перец, пожалованный в 1801 году в коммерции советники, был близок к М.М.Сперанскому, а в 1820-х годах перешел в христианство²⁵. Традиционно русские аристократы для ведения своих хозяйственных дел пользовались услугами факторов-евреев. Давние связи с еврейскими купцами были у рода Апраксиных, один из представителей которого, граф Александр Иванович (1782—1848), стал восприемником Израиля (в крещении Александра) Бланка. Еще в период семилетней войны при фельд-маршале С.Ф.Апраксине состоял фактором Давид-Леви Бамберг, ставший впоследствии влиятельным членом еврейской общины г. Риги²⁶. Поэтому, хотя версия А.И.Ульяновой и не имеет документального подтверждения, теоретически было возможно, что между иностранным купцом Д.Бланком и высокопоставленными лицами в Санкт-Петербурге "могли быть разного рода взаимные услуги, одной из которых явилось крещение двух юношей Бланк и помещение их в Медико-Хирургическую Академию"²⁷.

Нам не удалось найти документы, подтверждающие проживание иностранного купца Д.Бланка в Санкт-Петербурге. Правда, в этом звании заезжий иностранный купец мог проживать в столице не дольше одного года. По истечении этого времени он был обязан или вступить в право и обязанность иностранного гостя, взяв свидетельство купца первой гильдии, или выехать из империи, или остаться в качестве неторгующего иностранца. Это правило, введенное в 1807 году, сохранялось и в начале 30-х годов XIX века²⁸.

Не удалось установить и степень родства между иностранным купцом Д.Бланком, его дочерью Любовью и братьями Бланками. Утверждение М.Г.Штейна о том, что этим иностранцем и купцом был их отец Мойша Бланк, принявший христианство и получивший в крещении имя Дмитрий, не выдерживает критики²⁹. Как известно из документов, Екатерину Бланк, родившуюся 25 декабря 1833 года, крестили 9 января 1934 года, а Мойша Бланк, по его же

свидетельству, принял крещение не раньше 1835 года³⁰. В ревизской сказке за 1834 год Мойша Бланк записан как мещанин города Староконстантинова. Утверждение Штейна, что у Марьям и Мойши Бланк была дочь Любовь, которая не фигурирует в ревизских сказках, потому что девочки там не упоминались³¹, также безосновательно. Известный историк русского законодательства о евреях Н.Н.Голицын сообщал, что "во время ревизской сказки 1811 года возник в Гродненской губернии вопрос — включать ли там, как и прежде, женщин в ревизские сказки, на что последовало утвердительное решение Государственного Совета"³². Манифест от 16 июня 1833 года определил образцы заполнения документов переписи: на листе слева — мужчины, на листе справа — женщины. Каждое семейство — под своим номером, на двух листах³³. При изъятии из Государственного архива Житомирской области ревизской сказки 1834 года города Староконстантинова из документа отрезали левую часть, касающуюся мужской половины семьи Мойши Бланка. Однако В.В.Цаплин, видевший документ в оригинале, записал в своем дневнике полное название: "Ревизская сказка 1834 года апреля 24 дня о купцах, цеховых и мещанах евреях обоего пола города Староконстантинова", а также зафиксировал, что женская половина семьи состояла лишь из жены М.Бланка Марем (или Марьям), которой в 1816 году было 52 года³⁴. И все же, видимо, Любовь Бланк была близкой родственницей Александра Дмитриевича Бланка. Не случайно он назвал свою вторую дочь Любовью (первая была названа в честь матери и бабушки по материнской линии Анной) и пригласил ее в качестве второй крестной матери при крещении третьей дочери Екатерины.

Из приведенного обзора видно, сколь мало документально подтвержденных сведений о детских и юношеских годах Александра Дмитриевича Бланка, его учебе в Медико-хирургической академии.

В июле 1824 года братья Бланки, выдержав выпускные экзамены, были удостоены звания лекарей. Несмотря на то, что академия готовила специалистов прежде всего для армии, Дмитрий и Александр Бланки были определены на гражданскую службу. Конференция Медико-хирургической академии сочла братьев "по

слабости их здоровья неспособными к военной службе"³⁵. Они были исключены из податного состояния и поступили на службу: Дмитрий был определен в штат Санкт-Петербургской полиции на вакансию частного врача, Александра направили в качестве уездного врача в город Поречье Смоленской губернии.

Для восстановления служебной карьеры А.Д.Бланка нами были сведены воедино и сверены хранившиеся в разных архивах его формулярные списки: за 1832, 1837, 1841 и 1847 годы³⁶.

В Поречье уездный врач А.Д.Бланк, прикомандированный к временным больницам, находившимся в домах господина Бека и купца Таирова, прослужил недолго — с 10 июня по начало октября 1825 года. 3 октября того же года он был переведен в штат Санкт-Петербургской полиции, где исполнял должность частного врача в 3-й Адмиралтейской части.

Служба полицейского врача была напряженной. В 1826 году А.Д.Бланка откомандировали на месяц в Олонецкую губернию — видимо, для ликвидации распространившейся там эпидемии. Неоднократно ему объявлялась благодарность за "расторопность и усердие на службе при возвращении к жизни утопших и угоревших"³⁷. 26 сентября 1828 года он произведен по выслуге лет в штаб-лекари, одновременно продолжал совершенствоваться в профессии. Успешно сдав специальный экзамен в Медико-хирургической академии в декабре 1829 года, А.Д.Бланк получает звание акушера.

Летом 1831 года в Санкт-Петербурге разразилась эпидемия холеры. 22 июня на Сенной площади и в других районах города произошли беспорядки, сопровождавшиеся актами насилия в отношении врачей. 24 июня от холеры скончался старший брат — Дмитрий Дмитриевич Бланк³⁸. Напряженная работа по ликвидации эпидемии, видимо, сказалась и на здоровье Александра Дмитриевича. В декабре 1831 года в прошении на высочайшее имя он писал: "С некоторого времени чувствую себя нездоровым, ныне же болезнь моя достигла высшей степени, так что лишает меня возможности в теперешнем моем состоянии продолжать службу"³⁹. 8 января 1832 года доктор Бланк был уволен из штата полиции с аттестацией: "к службе способный и повышению чина достойный".

Где-то на рубеже 1820—1930-х годов А.Д.Бланк женился. Точная дата свадьбы неизвестна. Его жена, Анна Ивановна Грошопф, происходила из обрусевшей немецкой семьи, проживавшей в Петербурге со второй половины XVIII столетия. Дети в этой семье получили хорошее образование, в совершенстве знали немецкий, французский и английский языки, говорили по-шведски. Потомки А.Д.Бланка считали, что его знакомство с семьей Грошопф состоялось при посредничестве богатого родственника, иностранного купца Д.Бланка, и что Грошопфы помогали ему во время учебы в Медико-хирургической академии⁴⁰.

После отставки, продолжавшейся больше года, А.Д.Бланк в апреле 1833 года становится сверхштатным ординатором в больнице св.Марии Магдалины. Мариинские больницы, основанные по указу императора Николая I в память матери — императрицы Марии Федоровны, были больницами для бедных и находились в ведении опекунских советов. Сверхштатные ординаторы работали там бесплатно. В мае 1833 года А.Д.Бланк обращается с просьбой на имя императора, где пишет, что, "состоя на службе при больнице Св.Марии Магдалины я имею достаточно свободного времени и по сему и желаю сверхозначенной службы продолжать такую и по Морскому ведомству"⁴¹. В то время в связи с нехваткой врачей Правительствующий Сенат указом от 13 марта 1831 года разрешал медицинским чиновникам одновременно "занимать несколько должностей с производством по оным жалованья". 30 мая 1832 года штаб-лекарь Бланк был принят на службу в Морское ведомство, и ему было поручено "исправлять дежурство при Лазарете Главного Адмиралтейства и пользоваться случающимися болезнями офицеров при 23-м флотском экипаже"⁴².

Работа в больнице св.Марии Магдалины давала обширную врачебную практику, служба в Морском ведомстве — жалование (700 рублей в год), необходимое для семьи, где почти каждый год рождался новый ребенок. Первым родился сын Дмитрий (1830), за ним дочери: Анна (1831), Любовь (1832), Екатерина (1833), Мария (1835), Софья (1836)⁴³. Дела шли успешно. В 1836 году за "отлично-усердную службу" в Мариинской больнице доктор Бланк был пожалован единовременной наградой в 800 рублей. Однако в

1837 году у него произошел конфликт с заведующим адмиралтейскими лазаретами, повлекший за собой увольнение из Морского ведомства: начальник лазаретов штаб-лекарь Штейфер во время посещения лазарета Нового Адмиралтейства не застал на месте дежурного штаб-лекаря Бланка в то время, когда сюда привезли больного. Через два дня, проверяя дежурство в Главном Адмиралтействе, он столкнулся с штаб-лекарем Бланком, который, по его словам, "наделал ему грубости, относящиеся к обиде его службы и самой чести"⁴⁴. По рапорту Штейфера начальство предписало Бланку подать прошение об увольнении, но после принесенных извинений было решено оставить его на службе, переместив в действующий 23-й флотский экипаж. 5 апреля 1837 года Бланк обратился с просьбой об увольнении его на 28 дней: "Известился я, что родитель мой, проживающий в городе Житомире находится в опасной болезни, и что он желает еще при своей жизни со мною видиться; а так как родитель при себе никого не имеет из родственников, то считаю святою обязанностью к нему отправиться"⁴⁵. Генерал, штаб-доктор управления флота нашел ходатайство неубедительным и, сославшись на необходимость медиков ввиду наступления летней кампании, в отпуске отказал. 9 апреля 1837 года А.Д.Бланк подает прошение об отставке, мотивируя ее тем, что "нездоровье мое и разные домашние обстоятельства, по которым мне необходимость состоит отсутствовать из С Петербурга то и службу по морской части продолжать не могу"⁴⁶. Через два дня штаб-лекарь Бланк был уволен из Морского ведомства. Несмотря на обстоятельства увольнения, в формулярном списке о службе и достоинстве 23-го флотского экипажа штаб-лекаря Александра Бланка было отмечено, что он "уволен с хорошей аттестацией и был представлен Морским ведомством к знаку отличия беспорочной службы"⁴⁷. Согласно закону, право быть пожалованным этим знаком имели исключительно те, кто "трудами постоянными и усердными, непоколебимою нравственностью и продолжительным прилежанием оказали себя полезными и верными исполнителями службы"⁴⁸.

После увольнения со службы в Морском ведомстве А.Д.Бланк продолжал работать в больнице св.Марии Магдалины. 14 июня 1838 года он становится инспектором врачебной управы, 20 июля

того же года — медико-хирургом. В октябре 1838 года Бланк был пожалован высочайшим указом в коллежские ассессоры. Чин VIII класса, соответствующий по "Табели о рангах" воинскому званию майора, давал право на потомственное дворянство. В июне 1838 года он вторично награжден "Всемиловитейшей премией в 800 рублей ассигнациями"⁴⁹.

Столь удачный в профессиональном плане 1838 год стал печальной вехой в личной жизни А.Д.Бланка. В этом году умирает жена, Анна Ивановна, и Александр Дмитриевич остается с шестью детьми на руках. За восемь лет сверхштатной службы в больнице св.Марии Магдалины, по его словам, недвижимое имущество было продано и прожито⁵⁰. В марте 1838 года Бланк ходатайствует о назначении инспектором врачебной управы в Вильно. Князь А.Н.Голицын, к которому Бланк обратился с просьбой о протекции, в прошении на имя руководителей Медицинского департамента писал о том, что знает штаб-лекаря и акушера Бланка со времени его поступления в Медико-хирургическую академию, что он прослужил более 10 лет и "продолжает служение свое беспорочно, устаивался награждений"⁵¹. Однако из Медицинского департамента ответили, что на это место уже найден благонадежный медицинский чиновник, но "г.Бланк будет в виду и при первой возможности получит помещение, соответственное его желанию"⁵². Опираясь на это обещание, А.Д.Бланк в октябре 1838 года просит назначить его на открывшуюся вакансию в Симбирск. Снова отказ. В январе 1839 года о назначении Бланка в Витебскую губернию просит граф Ю.Н. Литта. В октябре 1840 года князь А.Н.Голицын снова обращается с просьбой о назначении своего протеже в любую из управ в великороссийских губерниях. И только в ноябре 1840 года Бланку предлагают место инспектора в Пермской врачебной управе, которое он не решается принять до января 1841 года в связи с болезнью детей.

Получив назначение в Пермь, А.Д.Бланк делает предложение сестре покойной жены, Екатерине Ивановне, муж которой, казанский чиновник Константин Егорович фон Эссен, умер примерно в одно время с Анной Ивановной. Разрешение на брак с Екатериной Ивановной фон Эссен было получено 9 апреля 1841 года, но

18 апреля, перечеркнутое крест-накрест, возвращено назад⁵³. Брак не состоялся по неизвестной причине. Известно только, что вскоре после отъезда Бланка с детьми в Пермь Екатерина Ивановна покинула Петербург, чтобы воссоединиться с ними. Больше они с Александром Дмитриевичем не расставались.

26 марта 1841 года А.Д.Бланк вступает в должность инспектора Пермской врачебной управы. Наряду с основной работой он определяется врачом при местной гимназии и уездном училище, где работает вновь бесплатно. Служба в управе продолжалась чуть больше года. Уже в начале июня 1842 года Бланк с семьей приезжает в отпуск в Петербург — сначала на 29 дней, затем — с отсрочкой до конца сентября 1842 года. В августе он подает прошение на высочайшее имя о переводе его в одну из внутренних или западных губерний, более благоприятных для воспитания детей, часто болевших в суровом пермском климате. Затянувшийся отпуск, видимо, был связан и с урегулированием имущественных проблем, поскольку 30 сентября Бланк в новом прошении сообщает, что больше не имеет никакого ни движимого, ни недвижимого имущества и поэтому всеподданейше просит: "дабы повелено было по домашним моим обстоятельствам от занимаемой должности меня уволить и значащееся в формуляре мое состояние исключить"⁵⁴. Дело "Об увольнении инспектора Пермской Врачебной управы медико-хирурга Бланка от сей должности" содержит намеки на то, что Александра Дмитриевича обвинили в профессиональной недобросовестности и вынудили подать прошение. 7 октября 1842 года Бланк в записке на высочайшее имя подчеркивал, что хотя и подал прошение об увольнении от службы, удовлетворяя настоящему требованию господина директора Медицинского департамента, однако не чувствует за собой никакой вины и, надеясь на беспристрастность, "всенижайше просит приказать подвергнуть исследованию действия его на службе и предать его суду, чтобы не оставить места недоразумению насчет причины внезапного негодования начальства при усердной и долговременной беспорочной службе"⁵⁵. Просьба доктора Бланка о защите профессиональной чести осталась без уважения. 13 октября 1842 года министр внутренних дел подписал приказ о его увольнении.

Заканчивал службу Александр Дмитриевич на Урале. В 1843 году был определен на службу в Пермские заводы для заведования Юговским заводским госпиталем, в 1845 году перемещен на вакансию доктора златоустовской оружейной фабрики, в 1846 году определен отправляющим должность медицинского инспектора златоустовских госпиталей, а в 1847 году снова становится доктором златоустовской оружейной фабрики. В 1843 году Бланк получил чин надворного советника со старшинством (чиновник VII класса соответствовал чину полковника), а 22 августа 1846 года награжден знаком "за беспорочную службу". В 1847 году А.Д.Бланк вышел в отставку. Формулярный список 1847 года засвидетельствовал, что с профессиональной стороны доктор Бланк серьезных нареканий не имел и "к продолжению статской службы и повышению чина способен и достоин"⁵⁶.

Закончив службу, Александр Дмитриевич переезжает в Казанскую губернию. Выбор места зависел, видимо, от того, что его гражданская жена Екатерина Ивановна фон Эссен долгое время жила с прежним мужем в Казани и здесь остались связи с местным дворянским обществом. Кроме того, ему не хотелось расставаться с сыном, поступившим в Казанский университет. 24 ноября 1847 года губернское дворянское депутатское собрание принимает решение о внесении "надворного советника Александра Дмитриевича Бланка... с детьми его: сыном Дмитрием, дочерьми Анной, Любовью, Софьей, Екатериной и Марией в 3-ю часть дворянской родословной книги Казанской губернии"⁵⁷. Род Бланков был утвержден в дворянстве Департаментом герольдии Правительствующего Сената только в 1859 году.

В конце 40-х годов А.Д.Бланк покупает в 40 верстах от Казани небольшое имение. Точная дата покупки не установлена. В 1961 году на запрос Института марксизма-ленинизма Центральный государственный архив Татарской АССР сообщал, что «в документальных материалах канцелярии Казанского губернатора имеются следующие сведения: отставной инспектор Пермской врачебной управы Бланк купил д.Кокушкино с 40 ревизскими душами мужского пола не позднее 6 сентября 1850 года. Казанский губернатор Е.П.Толстой в своем запросе Лаишевскому исправнику от 6 сентября 1850 года о поведении, образе жизни и занятиях помещика

Бланка сообщает, что Бланк купил деревню Кокушкино в "недавнем времени..." Сведений, от кого купил Бланк это имение, не обнаружено. Документальных материалов Казанского дворянского банка за 50-е годы 19 в. на хранении не имеется»⁵⁸.

С переездом в Кокушкино медицинская карьера Александра Дмитриевича кончается. А.И.Ульянова-Елизарова, обзревая пройденный им путь, писала: "Его независимость и отсутствие практичности, умения наживать деньги, устраиваться в жизни видны из всего его прослеженного нами образа жизни. Способный и отличный по отзывам всего его начальства работник, он не сумел выслужиться, не сделал карьеры, три года безуспешно добивался места инспектора врачебной управы, которое дало бы ему возможность прокормить семью, и получил его наконец на далеком северо-востоке, почти в ссылке; беспорочный служака, как характеризует его также целый ряд документов, он был выкинут со службы за три года до выслуги пенсии. Хороший врач, получавший неоднократно благодарности, он не только не нажил чего-нибудь на службе, а прожил два дома — свой и жены. Он служил бесплатно 8 лет, все время идя вперед в науке — он добился звания сначала акушера, потом медико-хирурга, он изобрел свой метод лечения, во многом предвосхитивший позднейшие, более естественные методы, слава его в этом смысле одно время росла, но он не сумел извлечь практической пользы и из этого, и если бы не деньги его жены, давшие ему возможность поселиться относительно независимо в глухой деревне, ему негде было бы склонить под старость голову, ибо жить с семьей на пенсию в 285 рублей он бы, конечно, не мог... Вероятно, Александру Дмитриевичу вредило его происхождение, а затем независимый характер, чуждый способности выслуживаться, идеалистический уклон, вера в то, что знание, безукоризненное исполнение и честность будут оценены и дадут возможность добиться уважения, положения и воспитать детей"⁵⁹.

Эта эмоциональная оценка жизненного пути выходца из еврейской мещанской среды, перешагнувшего в начале XIX века черту оседлости, сумевшего получить высшее образование, выйти из податного состояния, ставшего дворянином и оставившего своим наследникам потомственное дворянство, может показаться преуве-

личенной. Тем не менее, видимо, А.Д.Бланк, как и другие образованные евреи того времени, принявшие христианство и оторвавшиеся от культуры своего народа, сталкиваясь по жизни с несправедливой подозрительностью, чувствовал себя чужим в обществе, к ассимиляции с которым стремился. Во всяком случае, доживал свои дни доктор Бланк "очень уединенно, почти не имея знакомых среди окрестных помещиков"⁶⁰. В 1850 году он потерял сына, покончившего жизнь самоубийством. В Кокушкине с ним жили дочери, пока не выросли и не вышли замуж. С ними жила и Екатерина Ивановна. Она скончалась 7 сентября 1863 года, накануне смерти перейдя из лютеранства в православие. Смерть ее случилась через две недели после свадьбы Марии Александровны и Ильи Николаевича Ульянова. Сам Александр Дмитриевич прожил до 1870 года. Сохранилась актовая запись о его смерти по селу Черемышево Лаишевского уезда Казанской губернии за № 30: "Дата смерти — 17 июля погребение — 18 июля. Прихода села Черемышево, деревни Кокушкино надворный советник Александр Дмитриевич Бланк. Исполнилось лет — 71. Причина смерти — от преклонных лет"⁶¹.

¹ РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.24. Л.50 об.

² Там же. Ф.13. Оп.1. Д.499. Л.3.

³ Там же. Ф.13. Оп. 1. Д.138. Л.17.

⁴ Там же. Ф.11. Оп.2. Д.35. Л.4.

⁵ Архив Президента Российской Федерации. Особая папка №3: Документ из Государственного архива Житомирской области. Ф.118. Оп.14. Д.268. Л.321.

⁶ Архив Президента Российской Федерации. Особая папка №3; РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.52. Л.2.

⁷ Архив Президента Российской Федерации. Особая папка №3: Покорнейшее донесение Церкви Преподобного Сампсония от священника Федора Барсова 10 июля 1820 года и восприемниках от 16 августа 1820 года.

⁸ История Императорской военно-медицинской академии. СПб., 1898. Приложения. С.48—50.

⁹ РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.52. Л.9—10.

¹⁰ Архив Президента Российской Федерации. Особая папка №3; РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.52. Л.11—12.

¹¹ Если следовать ревизской сказке 1834 г., Дмитрию (до крещения Абелью) в 1820 г. должно было быть 28 лет. Утверждение М.Г.Штейна, что разница в возрасте

братьев была 1–2 года, документально не подтверждается. См.: Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Тайна родословной и псевдонима. Санкт-Петербург: ВИРД. 1997. С.49.

¹² Ульянова-Елизарова А.И. набросок о происхождении А.Д.Бланка // Отечественные архивы. 1992. №4. С.81.

¹³ Гессен Ю. История евреев в России. С.-Петербург, 1914. С.123.

¹⁴ Гинзбург С.М. Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине XIX в. // Минувшее. Исторические очерки, статьи и характеристики. Пг., 1923. С.91.

¹⁵ Там же. С.27.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1-е (далее ПСЗ). СПб., 1830. Т. XXVIII. С.734.

¹⁷ Там же. С.736.

¹⁸ Архив Президента Российской Федерации. Особая папка №3; РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.52. Л. 719.

¹⁹ Теодорович Н.И. Город Старокопстантинов Вольнской губернии, основанный в 1561 году князем Константином Константиновичем Острожским. Почаев, 1894. С.41–42.

²⁰ История Правительствующего Сената за 200 лет. СПб., 1911. С.504–505.

²¹ Этот документ найден в Музее книги Российской Государственной библиотеки, был подклеен в книгу на польском языке "Mysl obywatela o sprawiedliwosci krajowej".

²² Подробности дела о поджоге см.: Цаплин В.В. О жизни семьи Бланков в городах Старокопстантинове и Житомире // Отечественные архивы. 1992. №2. С.40.

²³ РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.52. Л. 945.

²⁴ Ульянова-Елизарова А.И. набросок о происхождении... С.81.

²⁵ Голицын Н.Н. История русского законодательства о евреях. С.-Петербург, 1888. С.366.

²⁶ Там же. С.196–197.

²⁷ Ульянова-Елизарова А.И. Александр Дмитриевич Бланк // Моя Москва. 1992. №4. С.17.

²⁸ ПСЗ. 1830. Т. XXXIX. С.596.

²⁹ Штейн М.Г. Указ.соч. С.14.

³⁰ "Крестный отец" Бланк. Неизвестное письмо прадеда Ленина на высочайшее имя / Публ. подгот. М.Г.Штейн // Петербургский литератор №5. 1992. С.1.

³¹ Штейн М.Г. Указ.соч. С.48.

³² Голицын Н.Н. Указ.соч. С.705.

³³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1834. Т.VIII. Отд.I. С.348.

³⁴ РГАЭ. Ф. 777. Оп.1. Д.45. Л.140.

³⁵ Архив Президента Российской Федерации. Особая папка № 3: К протоколу 1824 июля 19 конференции Медико-хирургической Академии.

³⁶ Архив Президента Российской Федерации. Особая папка № 3: Аттестат Его Императорского Величества С.-Петербургской Управы Благочиния, февраль 8 дня 1832 года дан служившему в Штате Здешной Полиции Частных врачей Штаб-Лекарю Александру Дмитриевичу сыну Бланку; там же: Формулярный список о службе и достоинстве 23-го флотского экипажа Штаб-Лекаря Александра Бланка 1837 год; РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.52: Формулярный список бывшего Сверх-Штатного Ординатора Больницы Святой Марии Магдалины медико-хирурга Коллежского Ассессора А.Д.Бланка за 1841 г.; там же: Формулярный список 1847 г. медико-хирурга Надворного Советника А.Д.Бланка.

³⁷ *Ульянова-Елизарова А.И.* Александр Дмитриевич Бланк // *Моя Москва*. 1992. №4. С.17.

³⁸ РЦХИДНИ. Ф.13. Оп.1. Д.499. Л.33.

³⁹ Там же. Ф.11. Оп.2. Д.52. Л.855.

⁴⁰ Там же. Ф.11. Оп.5. Д.61. Л.22.

⁴¹ Архив Президента Российской Федерации. Особая папка № 3: Дело об определении Штаб-Лекаря Бланка на службу в Морское Ведомство.

⁴² Там же.

⁴³ РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.52. Л.941–947об.

⁴⁴ Архив Президента Российской Федерации. Особая папка № 3: Дело об увольнении от службы морского ведомства Штаб-лекаря Бланка.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е, СПб., 1830. Т.II. С. 686.

⁴⁹ РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.52.

⁵⁰ Там же. Л.910–910 об.

⁵¹ Там же. Л.860.

⁵² Там же. Л.866.

⁵³ Там же. Л.894–897.

⁵⁴ Там же. Л.910–910 об.

⁵⁵ Там же. Л.913.

⁵⁶ Там же. Л.927–928.

⁵⁷ Там же. Л.923–923 об.

⁵⁸ Там же. Ф.11. Оп.2. Д.35. Л.3.

⁵⁹ *Ульянова-Елизарова А.И.* Александр Дмитриевич Бланк... С.18.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ РЦХИДНИ.Ф.11. Оп.2. Д.35. Л.4.

ВЕРСИЯ КАЛМЫЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ УЛЬЯНОВЫХ

Широко бытует мнение, что на генеалогическом древе В.И.Ленина с отцовской стороны есть калмыцкая ветвь. В этой главе мы попытаемся показать, как возникла версия о калмыцких предках и кто был ее автором, насколько версия документально обоснована, кто и как отстаивает ее сегодня.

Первым исследователем истории семьи отца Ленина, Ильи Николаевича Ульянова, был Петр Иванович Усачев, заведующий Астраханским окружным архивным бюро и уполномоченный по Испарту ОК ВКП(б). С середины 20-х годов он приступил к поискам материалов о жизни Ульяновых в неразобранных тогда еще архивных фондах.

В 1929 году Усачев послал в Институт Ленина рукопись биографического очерка об И.Н.Ульянове, в котором впервые сообщалась профессия деда Ленина — Николая Васильевича Ульянова. Ответа из института Усачев не получил, но рукописью заинтересовалась М.И.Ульянова. Младшая сестра Ленина работала над книгой об отце и попросила астраханского исследователя сообщить, на основании каких данных он написал, что дед был портным¹. Усачев ответил: источником сведений была выявленная им в архиве книга "на записку мастеров" астраханской ремесленной управы за 1834 год. Петру Ивановичу был известен запрет на обнародование подобных материалов без разрешения Института Ленина. "По этим соображениям,— сообщал он,— моя работа пока что носит строго конфиденциальный характер, т.к. может быть, что не все впоследствии, чем я располагаю и буду располагать по моей работе, Институту Ленина будет опубликовано"².

В следующем письме Усачев прислал Марии Ильиничне сделанные им фотографии семейных склепов Ульяновых и Горшковых (родственников Ульяновых) на астраханском Духосошественс-

ком кладбище и дома Ульяновых в Астрахани. Адрес дома был установлен Петром Ивановичем из выявленной им ревизской сказки 1835 года³.

Сведения Усачева о профессии деда и фотографию дома Мария Ильинична использовала в своей книге "Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов (1831—1886)". В книге, вышедшей в свет к 100-летию со дня рождения И.Н.Ульянова, сообщалось, что он "...происходил из бедной мешанской семьи. Дед его был крестьянином, а отец жил в городе и служил в каком-то торговом предприятии (по профессии он был портным)"⁴.

В том же году вышла и книга А.И.Ульяновой-Елизаровой "В.И.Ульянов (Н.Ленин). Краткий очерк жизни и деятельности", где, касаясь вопроса о национальных корнях отца, Анна Ильинична высказала мнение, что "по национальности Илья Николаевич был русским, но некоторая примесь монгольской крови несомненно имела, на что указывали несколько выдающиеся скулы, разрез глаз и черты лица"⁵.

Документальное обоснование этой версии пытался найти в начале 30-х годов П.И.Усачев. В его архиве сохранилась стенографическая запись беседы с Е.И.Лисиной, помнившей брата и сестру И.Н.Ульянова — Василия и Федосью. Отвечая на вопросы исследователя, она так описала внешность Федосьи Ульяновой: "...темная, смуглая, некрасивая, скуластая, нос большой, ноздри большие". По свидетельству Екатерины Ивановны, сходства между братом и сестрой было мало, но "обличье" они имели "если всмотреться, то русское", люди были "русские, богомольные"⁶.

В беседе Усачева особо интересовал вопрос: какого происхождения была жена Николая Васильевича Ульянова — Анна Алексеевна? В ревизской переписи домовладения 1835 года указывалось, что она была дочерью мещанина Алексея Смирнова. Сестра ее, Татьяна Алексеевна, была крестной матерью Василия и Федосьи, до самой смерти жила вместе с ними. В одном из найденных Усачевым документов значилась чиновница Татьяна Алексеевна Смирнова, Лисина же описала родственницу Ульяновых как женщину из простонародья — и по одежде, и по разговору. В 1934 году Петр Иванович познакомил со стенограммой этой беседы

М.И.Ульянову⁷. Однако выводов из своих исследований, как и выявленных архивных документов, самому Усачеву опубликовать так и не удалось.

Впервые сведения о семье Ильи Николаевича Ульянова, содержащиеся в документах астраханского архива, обнародовала М.С.Шагинян в очерке "Предки Ленина", опубликованном в журнале "Новый мир" в 1937 году. Это был первый опыт писательницы изложения материалов по генеалогии Ульяновых, задачей которого, как она писала, было воссоздание истории восхождения в лице отца Ленина рода тружеников из "тьмы к свету" "путем изучения источников и силою творческого воображения"⁸. Здесь впервые появилась версия о калмыцких предках, поэтому остановимся подробнее на содержании очерка.

Важно отметить, что Мариэтта Сергеевна сама не занималась поисками документов по родословию Ульяновых. Отдав дань первооткрывателям-исследователям, автор подробно охарактеризовала состав используемых ею источников, особо подчеркнув, что правильное чтение документов, расшифровка заложенных в них "исторических показаний — это тоже заслуга астраханского архива"⁹.

В очерке приводилась запись из "Переписи домовладения января 29 1835 года", подписанная дедом Ленина. Николай Васильевич Ульянов значился в "Переписи..." 70-летним мешанином, женатым на 45-летней дочери астраханского мешанина Алексея Смирнова — Анне. Супруги имели сыновей Василия (13 лет) и Илью (2 лет), дочерей Марью (12 лет) и Федосью (10 лет)¹⁰.

"Присмотревшись" к возрасту Н.В.Ульянова и членов его семьи, Мариэтта Сергеевна отмечала, что женился Николай Васильевич поздно, был старше своей жены на 25 лет, и последнего сына "старик Ульянов, женившись на шестом десятке", прижил уже в таком возрасте, "когда люди большей частью и не помышляют о детях"¹¹. Причину позднего брака Н.В.Ульянова писательница объясняла возможным происхождением его из крепостных крестьян. По ее версии, дед Ленина позволил себе обзавестись семьей, только выкупившись на волю, после долгих лет тяжелого труда оброчного. Прямых свидетельств этому в документах, которые

видела Шагинян, не было. В качестве косвенных доказательств она использовала два документа, найденные в астраханском архиве. Первый, приказ № 698, был указом Астраханской казначейской палаты от 21 апреля 1825 года, определивший: "...отсужденную от рабства, проживающую у Астраханского купца Михайлы Моисеева дворовую девку Александру Ульянову причислить по ее желанию в астраханское мещанство и для шету взнести в окладную книгу на 1825 год, о чем предписать Астраханскому уездному казначейству и сему Магистрату указами с тем последнему, чтобы взыскал с нее, Ульяновой, за употребленную в Палате по сему делу вместо гербовой простую три листа бумаги деньги три рубли отправки для причисления в доход казны в здешнее уездное казначейство, которое обязано деньги сии до поступления в казну считать по ведомству сего Магистрата в недоимках, приказали: с прописанием одного указа, тебе, старосте Смирнову, дать сей приказ и велеть помянутую девку Ульянову причислить в здешнее мещанство на основании одного указа одной палаты и взыскать с нее за негербовую бумагу 3 листа три рубли, взнести при сообщении сего Магистрата в здешнее уездное казначейство немедленном времени..."

Приказ № 902 гласил: "Указом Астраханское Губернское Правление от 10-го минувшего марта под № 3891-м о причислении в здешнее мещанство отсужденную от рабства дворовую девку Александру Ульянову приказали означенную девку Ульянову отдать ее тебе, старосте Смирнову, при приказе, которая при сем и посылается, и велеть написать о ней в двойном числе ревизскую сказку, представить в сей Магистрат при рапорте. Майя 14 дня 1825 года..."¹²

Выражение "отсужденная от рабства" писательница произвольно истолковала как "выкупленная из крепостной зависимости" и сделала вывод: «Александра Ульянова, "отсужденная от рабства", была крепостной»¹³. Шагинян признавала, что об Александре не было в точности известно, кем она доводилась деду Ленина. Тем не менее совпадение фамилий Александры и Николая Васильевича послужило для нее основанием для предположения об их родстве. В качестве аргумента она привела довод: "В Астрахани ко-

ренных русских фамилий было мало. Очень многие произошли в ней от пришельцев, от крещеных калмыков и татар, и от выкупивших себя на волю оброчных крестьян"¹⁴.

Совпадение фамилии тестя Н.В.Ульянова, Алексея Смирнова, с фамилией мещанского старосты, адресата приказов, послужило писательнице поводом для развития версии. Произвольно вычленив из текста приказа № 902 слова "приказали означенную девку Ульянову отдать ее тебе, старосте Смирнову", она домыслила, что Александра была не только приписана к мещанскому сословию, но и "по-видимому, выкуплена на волю мещанским старостой Алексеем Смирновым, тестем Николая Васильевича Ульянова"¹⁵.

Неизвестно почему М.С.Шагинян решила, что тесть Николая Васильевича Ульянова и мещанский староста — одно и то же лицо. В тексте приказов имя старосты не называлось. Зато из метрических записей о крещении Ильи Николаевича и Василия Николаевича, выявленных к середине 30-х годов, следовало, что полное имя их деда со стороны матери было Алексей Лукьянович Смирнов¹⁶. Видимо, тождество этих людей автор документального очерка приняла без доказательств. Комментируя сведения о жене Н.В.Ульянова, почерпнутые из ревизской сказки 1835 года, Шагинян писала: «...Анна Алексеевна, урожденная Смирнова (фамилия, встречающаяся в Астрахани необычайно часто, о чем говорит даже разбираемая нами "сказка", где приложили руку двое Смирновых — письмоводитель и казначей; *есть документ о том, что отец Анны Алексеевны был крещеный калмык*)»¹⁷.

Мы специально выделили последнюю фразу этого пассажа, чтобы показать, в каком контексте впервые была высказана версия о калмыцких предках Ленина. Документ, о котором вскользь упоминает Шагинян, не был представлен в очерке. Те же документы, которые писательница подробно комментировала, не содержали и намек на калмыцкое происхождение Алексея Лукьяновича Смирнова. Забегая вперед скажем, что этот таинственный документ так никто до сих пор и не видел, но версия, высказанная мимоходом в 1937 году, получила статус доказанного факта.

Очерк "Предки Ленина" был прелюдией к изданию первой части романа М.С.Шагинян "Билет по истории". Работая над рома-

ном, писательница сочла возможным недостаток документальных фактов восполнить силой творческого воображения. "Воображать, вернее довоображать,— утверждала она,— по разрозненным деталям общий рисунок случая, о котором вы хотите рассказать читателю, как о реально бывшем, надо так, чтобы он действительно мог произойти и даже, в данных обстоятельствах, не мог не произойти, и чтоб современники, прочитав о нем, сказали: это в духе характера, в стиле эпохи, это более чем достоверно, это убедительно. Такою творческой фантазией, связующей детали в целое, обладали великие археологи прошлого, разгадывавшие письма глубокой древности. Такой творческой фантазией должны обладать и художники, берясь за воссоздание прошлого"¹⁸.

Так, во многом благодаря творческому воображению автора, в романе "Билет по истории" появилось воспоминание И.Н.Ульянова: "Отец был стар, из оброчных, и выкупился, кажется, только к шестидесяти годам, тогда же и жену взял... В том, как их семья медленно восходила в его лице из тьмы к свету, была одна отличительная особенность: мать его, Смирнова, вышла из уважаемого в астраханском мещанстве крещеного калмыцкого рода...", ее отцом был "...головастый мещанский староста Смирнов, на которого Илья Николаевич, кстати, больше всех и лицом вышел..."¹⁹

Мы уже писали о том, какой резонанс вызвал выход в 1938 году первой части романа М.С.Шагинян. Читающая публика, уставшая от упрощений социального метода в трактовке истории, восприняла его как откровение. Запрещение книги, как это часто бывает, только подогрело интерес и нейтрализовало критическое восприятие изложенных фактов. Мало кто тогда обратил внимание, что сведения, сообщавшиеся писательницей, основывались в основном на зыбкой почве творческой интуиции. Тем более интересны замечания на рукопись романа Д.И.Ульянова, высказанные по горячим следам. «Может ли форма романа,— спрашивал он,— сколько-нибудь искупить неизбежные при ней фактические неточности и элементы фантазии? Думается, что нет... Например, на стр.46—47 автор очень категоричен в вопросе о происхождении Ильи Николаевича: "Потомок степных калмыков", "древняя азиатская кровь монгола"... Думаю, что так безоговорочно утверждать

нельзя; автор берет на себя слишком большую смелость. Конечно, мы живем не в III империи, и расовые вопросы не имеют для нас значения; нам не важно, был ли отец Ильича "чистокровным" калмыком или калмыком такой-то пробы, но справедливость требует сказать, что автор романа, несмотря на свои изыскания в Астрахани, имеет не больше права, чем всякий другой из нас, делать такие категорические выводы»²⁰.

Роман был реабилитирован в 1956 году. А через два года (1958) одновременно вышли в свет новая версия романа под названием "Семья Ульяновых" и новая редакция очерка "Предки Ленина (Наброски к биографии)". Сравнение новых публикаций с текстами 30-х годов показывает, что новых источников о родословной отца Ленина за эти годы не появилось. В 1937 году Мариэтта Сергеевна писала: "Если найдутся документы, подтверждающие родство Александры Ульяновой с дедом Ленина, то очевидно, что и Николай Васильевич происходил из крепостных"²¹. Документы не были найдены. Однако в новой редакции очерка Мариэтта Сергеевна рассказывала, что преподаватель Иркутского педагогического института М.Г.Гудошников обратил ее внимание на существовавшее в России еще в первые десятилетия XIX века "рабство"²².

Изучению истории этого явления была посвящена единственная работа — очерк С.С.Шашкова "Рабство в Сибири"²³. Историк рассматривал "рабство" как следствие колонизации Россией сибирских территорий. "Азиатцы", попадавшие к русским в плен во время вооруженных столкновений, набегов на их селения, подавления бунтов, превращались в живой невольничий товар. Такими же невольниками становились у "азиатцев" русские пленники. Киргиз-кайсаками (казахами) во время набегов на сибирские территории только с 1783-го по 1891 год по линии от прикаспийского Гурьева до Звериноголовска было угнано в плен 506 русских²⁴.

После падения Джунгарии²⁵ во второй половине XVIII века "рабство" процветало в Юго-Западной Сибири, а значительную часть "рабов" составляли калмыки. Самыми деятельными поставщиками "рабов" в Сибирь вплоть до 1828 года были кочевавшие вдоль границ российских владений киргиз-кайсаки. Своих плен-

ников, среди которых, кроме калмыков, было немало башкир, чувашей, они выменивали у россиян на товары и деньги. В голодные годы вместе с пленниками киргиз-кайсаки на меновых дворах российских крепостей продавали и своих детей. До обширных размеров торговля детьми дошла в начале XIX века, особенно с 1811-го по 1814 год, когда кочевники оказались в бедственном положении.

В начале XIX века "рабство", получившее законодательное обоснование, было ограничено²⁶, а в октябре 1825 года издается указ "О времени служения Киргиз-Кайсаков, Калмыков и других Азиатцев, приобретенных меною до 1808 года и после оногo и о воспрещении на будущее время приобретать людей сего рода меною и куплею". Этот закон запретил "рабство" в будущем и определил срок освобождения всех "рабов"²⁷.

Теперь М.С.Шагинян стало известно, что «...выражение "отсужденная от рабства" отнюдь не совпадает с принятыми в официальной терминологии словами "отпущенный на волю"»²⁸. Под впечатлением от новых сведений она выстраивает новую версию происхождения деда Ленина — из "бесправных инородцев". Опираясь на работу Шашкова, силою творческого воображения она превращает Александру Ульянову в калмычку, девочкой проданную в рабство²⁹. Не имея, как и прежде, на то никаких документальных оснований, автор продолжает настаивать: "Трудно предположить, что Александра Ульянова и Николай Васильевич Ульянов не только однофамильцы, но и одинаково тесно связанные с семьей старосты Алексея Смирнова, были чужими людьми друг другу". Теперь ей становится ясно, «почему Александра Ульянова в марте, то есть за несколько месяцев до введения в действие закона 1825 года, о котором, разумеется, уже широко было известно, — выразила желание быть приписанной к мещанскому сословию. От купца Моисеева она "поступала", то есть переселялась в дом старосты Алексея Смирнова, тестя Николая Васильевича Ульянова, видимо, хлопотавшего о ее преждевременном освобождении»³⁰.

Следует обратить внимание, что и в 50-х годах Шагинян продолжает произвольно толковать приказы об "отсужденной от

рабства" А.Ульяновой, которые, на наш взгляд, не содержали никаких намеков на заинтересованность старосты Смирнова в судьбе "дворовой девки", а были всего лишь указами должностному лицу оформить ее новый социальный статус. Во второй редакции очерка также не появилось и следов документов, подтверждающих калмыцкое происхождение бабки Ленина. Это не смущало Шагинян, для которой, по существу, главным был вывод: «Прошел ли Николай Васильевич крестный путь оброчного, вышел ли он из крепостных, выкупив "вольную", или из бесправных инородцев, — его поздний брак с крещеной калмычкой говорит о долгих и мучительных годах борьбы за свою долю в жизни. Тяжким трудом, из года в год сколачивал он копейку за копейкой, чтобы положить начало самому первому, самому естественному, законному, но и самому трудному для подневольного человека делу — семье»³¹.

С 1937 года М.С.Шагинян не занималась архивными поисками сведений о родословной отца Ленина. Новые документы о предках Ильи Николаевича Ульянова были разысканы в 60-е годы усилиями астраханских и горьковских архивистов. Благодаря им стало известно, что дед Ленина Николай Васильевич происходил из села Андросова Сергачской округи Нижегородской губернии. Документы, найденные в Государственном архиве Горьковской области, позволяли проследить уже три поколения Ульяновых, живших в Андросове. Прапрадед В.И.Ленина — Никита Григорьевич (1711—1779), прадед — Василий Никитич (1733—1770) и дед — Николай Васильевич Ульянин (1769—1836) были крепостными крестьянами нижегородских помещиков. В 1791 году дед Ленина был отпущен помещиком М.С.Бреховым на оброк. В 1793-м и 1797 годах были изданы правительственные указы, разрешающие, в силу государственных интересов, не возвращать к помещикам с окраинных земель крестьян, засчитывая их владельцам как сданных в рекруты. Так Н.В.Ульянов, отрабатывавший оброк в Астраханском крае, стал государственным крестьянином, в 1808 году был причислен к мещанскому сословию, жил и работал вначале в селении Новопавловском Астраханской губернии, а затем переехал в Астрахань³².

В приказе 1799 года Астраханского земского нижнего суда старосте "общества старозашедших помещичьих крестьян" о причис-

лении в это общество Николая Васильевича содержалось описание его внешности: "Ростом 2-х аршин 5 вершков, волосы на голове, усы и борода светлорусые, глаза карие, лицом бел, чист..."³³ А в списках мужского населения Астрахани для рекрутского набора 1837 года указывалось: "Николай Васильев Ульянин, у него дети Василий 14 лет, Илья — 2 лет. Коренного российского происхождения"³⁴. На основании новых документов исследователями был сделан вывод о русской национальности Н.В.Ульянова.

Комментируя документы, автор статьи в "Журналисте" И.Богданов замечал: "Писалось, будто дед Ильича принадлежал к крещеным калмыкам. Были и другие утверждения. Конечно, за желание видеть в Ильиче, этом великом интернационалисте, черты своей нации трудно кого-либо осудить. Вопрос о национальном происхождении может быть и не столь важный, но историческая чистота фактов — прежде всего"³⁵. Это замечание, правда, анонимное, задевало и М.С.Шагинян, авторитет которой в вопросе родословной Ленина к началу 70-х годов был почти непререкаем. Авторы, писавшие о романе "Семья Ульяновых", особо отмечали, что для его воплощения «нужно было "перешупать" все известные факты, проверить их точность и собрать "по крохам" все, что могло оживить образ прошлого»³⁶. В 1972 году труд Мариэтты Сергеевны был удостоен Ленинской премии. В 1974 году при переиздании очерка о предках Ленина М.С.Шагинян учла новые данные о происхождении Н.В.Ульянова из крепостных крестьян Нижегородской губернии, опустив предположение о его происхождении из "бесправных инородцев". Однако версии о его родстве с "отсужденной от рабства" Александрой и его браке с "крещеной калмычкой" оставила без изменений³⁷.

Попытки критического разбора документальной обоснованности этих версий предпринял А.С.Марков, автор книги "Ульяновы в Астрахани". Книга вышла в трех редакциях в 1969, 1970 и 1983 годах. Как мы увидим, взгляды автора за эти годы претерпели изменения.

В первом издании, следуя за М.С.Шагинян, Марков пишет, что тесть Н.В.Ульянова был мещанским старостой. Он привел новые данные о том, что тот имел большой дом около Казанской церкви,

два каменных выхода с ледниками. "По сохранившимся рапортам в Астраханский магистрат, написанным собственноручно Алексеем Смирновым,— сообщил автор,— видно, что он имел завидный опыт составлять деловые письма"³⁸. К сожалению, Марков не указал документы, из которых были почерпнуты сведения.

В издании 1969 года Марков обратил внимание на то, что утверждение Мариэтты Сергеевны, будто Алексей Лукьянович Смирнов родом из крещеных калмыков, документально не доказано. Он допускал, что упомянутый в очерке документ мог оказаться среди утерянных во время Отечественной войны, но все же считал калмыцкое происхождение Смирнова маловероятным. По его мнению, в то время мещанским старостой вряд ли мог быть избран крещеный калмык, "поскольку мещанских старост выбирали из людей хорошо известных в городе, имеющих значительную недвижимую собственность и хорошо знающих грамоту"³⁹. Почему крещеный калмык не мог обладать этими достоинствами, автор не объяснил. Зато подробно остановился на вопросе: была ли Александра Ульянова родственницей деда Ленина?

По его мнению, утверждение писательницы об участии А.Смирнова в судьбе "отсужденной от рабства" девушки было основано на неверном толковании приказа № 902. Документ, считал Марков, свидетельствовал только о том, что Александра Ульянова "поступила" не в дом Алексея Смирнова, а во двор мещанского общества. Там мещанский староста "должен был внести всех бывших в рабстве людей в окладную книгу, взять с них деньги за гербовую бумагу, проверить, записаны ли они в новые ревизские сказки". На основании документов архива Астраханской области Марков утверждал, что «за 1825 год во двор мещанского общества к старосте Смирнову вместе с приказами Астраханского магистрата поступило немало лиц, подобных Александре Ульяновой. В числе их была "отсужденная от рабства девка Анна Родионова" Прасковья Иванова, Марья Григорьева и много других». Такое толкование приказа № 902 послужило основанием для вывода: "Видимо, Александра Ульянова и Николай Ульянов были просто однофамильцами"⁴⁰.

Кем же была Александра Ульянова? Автор предполагал, что купец Моисеев мог купить на рынках Хивы или Бухары попавшую в

"жадные лапы работорговцев" русскую пленницу или же степнячку-несмышленища и крестить ее в русскую веру⁴¹.

Дальнейшие поиски в государственном архиве Астраханской области привели Маркова к выводу, что мещанский староста Смирнов и дед Ильи Николаевича Ульянова по материнской линии — разные люди. В издании 1983 года он утверждал: "Женился Ульянов на дочери бедного астраханского мещанина". Этот вывод автор сделал на основании "Сказки о домовом строении" (1805) отца Анны Алексеевны, где было записано: "Прозвание — Смирнов, имя и отчество — Алексей Лукьянович, чин и звание — мещанин астраханский". Из документа следовало, что дом выстроен самим Алексеем Лукьяновичем в 1790 году, был небольшим, в четыре квадратных сажени, и располагался на Луковской улице, где селилась астраханская беднота⁴².

Марков предположил, что Николай Ульянов, возможно, вначале тоже жил на Луковской улице и здесь познакомился с Анной Смирновой. По тем временам Анна Алексеевна считалась засиженной в девках. Ей было 23 года, когда она вышла замуж⁴³. Основываясь на ревизских сказках 1811-го и 1816 годов, Марков уточнил, что Мариэтта Сергеевна была не права, когда писала, что Николай Васильевич Ульянов женился на шестом десятке. Из документов следовало, что к моменту свадьбы ему было 42 или 43 года⁴⁴. Супруги прожили вместе почти четверть века, родив пятерых детей. Николай Васильевич умер в 1836 году, Анна Алексеевна — в 1871 году⁴⁵.

В книге "Ульяновы в Астрахани" Марков попытался собрать все, что удалось обнаружить в астраханских архивах вплоть до начала 80-х годов. Однако документов о калмыцких корнях в роду Ленина так и не удалось найти. Это не смутило М.Г.Штейна, который в начале 90-х годов вновь реанимирует версию, утверждая, что "происхождение отца Ленина Ильи Николаевича Ульянова уходит корнями в калмыцкий народ"⁴⁶.

В серии своих публикаций Михаил Гиршевич не приводит ни одного нового документа, касающегося родословия отца Ленина. Методом доказательства нерусского происхождения Ильи Николаевича Ульянова стало не обнаружение новых фактов, а выявление

автором слабых мест в аргументации предшествующих исследователей и их критика. Единственным авторитетом для Штейна осталась М.С.Шагинян, чьи художественные произведения он не только возводит в ранг научных трудов, но и считает наиболее достоверными в интерпретации исторических источников.

Ради видимой объективности М.Г.Штейн констатирует: «К сожалению, подробностей о происхождении Анны Алексеевны Смирновой, в замужестве Ульяновой, ни в романе М.С.Шагинян, ни в работах Ж.А.Трофимова, ни, наконец, в книге А.С.Маркова "Ульяновы в Астрахани", где весьма детально описано происхождение ее супруга Николая Васильевича Ульянова... нет»⁴⁷. Как видим, даже немногочисленные сведения о семье Смирновых, почерпнутые Марковым из архивных документов, Штейн не принимает в расчет. Он обращает внимание на противоречивые сведения о тесте Н.В.Ульянова, которого в первом издании Марков представляет состоятельным мещанским старостой, а в последнем — бедным астраханским мещанином. Штейн объясняет это конъюнктурной позицией автора. "Как мы знаем,— замечает он,— для В.И. годились только бедные предки"⁴⁸. При этом умалчивает, что Марков изменил свою позицию под влиянием новых данных архивного документа, подписанного собственноручно Алексеем Лукьяновичем Смирновым.

Штейн продолжает настаивать, что бабушка В.И.Ленина с отцовской стороны Анна Алексеевна Смирнова "вышла из уважаемого калмыцкого рода", вопрошая оппонентов: "...где убедительные доказательства того, что А.Л.Смирнов не является крещеным калмыком?"⁴⁹ Таких доказательств в работах о родословной отца Ленина не нашли и мы. Это заставило нас обратиться к работам исследователей, изучавших быт калмыков в первой половине XIX века. Из работы Ф.А.Бюлера "Кочующие и оседло живущие в Астраханской Губернии инородцы", опубликованной в журнале "Отечественные записки" в 1846 году, мы узнали, что астраханские калмыки в то время кочевали на правом, нагорном берегу Волги, трудно расставались со своими местами и почти не поддавались ассимиляции. Только чрезвычайное обеднение заставляло их покидать степи, наниматься на работу в русских деревнях или горо-

дах. "Калмыки,— замечает автор,— обыкновенно знают лишь несколько русских слов... работают артелями на рыбных промыслах" или "бесконечно сменяющимися толпами вместе с другими кочевниками появляются в губернском городе для сбыта скота и покупки русских изделий"⁵⁰.

Первая попытка массового крещения астраханских калмыков была предпринята в 1744 году. При этом 3000 вновь обращенных для приучения к хлебопашеству и укреплению в вере переселили подальше от мест кочевий их соплеменников, в Симбирскую губернию. В 1764 году 200 кибиток крещеных калмыков было отправлено на Терек, в Моздок. Этот опыт оказался плачевным. К началу XIX века моздокские калмыки, например, полностью отпали от христианства, а среди приволжских калмыков случаи обращения в христианство были исключением. Ф.А.Бюлер приводит интересные данные о том, что и в 30-е годы XIX века количество обращенных в христианство калмыков, живущих в Астраханской губернии, было мизерно в сравнении с их общей массой. В 1841 году в астраханской епархии было обращено в христианство лишь 27 инородцев⁵¹. В таком историческом контексте представляется маловероятным, чтобы астраханский мещанин Алексей Лукьянович Смирнов, построивший в 1790 году в губернском городе собственный дом и грамотно заверивший все необходимые документы собственной подписью, происходил из "уважаемого в астраханском мещанстве крещеного калмыцкого рода".

Единственный довод Штейна в пользу калмыцкого происхождения Смирновых — это упоминание Шагинян о якобы виденном ею документе. По его мнению, Мариэтта Сергеевна почему-то не нашла способа включить документ в свою публикацию 1937 года. Он полагает, что писательница ошибалась, считая многие виденные ею документы утерянными во время Отечественной войны⁵². Штейн утверждает, что документ о калмыцком происхождении А.Л.Смирнова был изъят и мог попасть в Центральный партийный архив при ЦК КПСС как имеющий отношение к Владимиру Ильичу⁵³. Мы проверили эту версию. В бывшем Центральном партийном архиве в папке особого хранения содержались документы, изъятые из архивов в 30-е годы, касающиеся исключительно рода

Бланков. То же самое можно сказать и об особой папке № 3, хранящейся в Архиве Президента Российской Федерации. Никаких следов документа нет и в архиве Петра Ивановича Усачева, переданном в 1965 году, после его смерти на хранение в архив Астраханского обкома партии.

Не выдерживает критики и тезис Штейна о том, что "Илья Николаевич Ульянов не только со стороны матери — А.А.Смирновой — уходит корнями в калмыцкий народ. Со стороны его отца — Н.В.Ульянова — также могла быть и калмыцкая кровь". Он развивает гипотезу Шагинян о родстве Николая Васильевича с "отсужденной от рабства" якобы калмычкой Александрой Ульяновой. Правда, оговаривается, что эта версия пока документально не подтверждена⁵⁴.

Новым в работе Штейна является рассуждение о том, как толковать содержащееся в архивном документе указание, что дед Ленина был "коренного российского происхождения". С его точки зрения, эти слова означают лишь то, что человек родился в России. «Не важно, кто он по национальности — вепс, удмурт, татарин, черемис, чуваш, мордвин и т.д. Он — россиянин. Слово же "русский" означает конкретную национальность»⁵⁵. По утверждению же исследователя В.М.Кабузана, долгие годы специализирующегося на изучении народонаселения России⁵⁶, в первой половине XIX века этот термин использовался в официальных документах для указания на принадлежность к одному из трех коренных народов Российской империи: русскому, украинскому или белорусскому.

Штейн считает также, что приметы деда Ленина, приводимые в документах, не свидетельствуют о его русской национальности, поскольку достаточно близко совпадают с физическим типом мордвы-эрзя, составлявшей к началу XX века почти половину населения нагорной полосы, к которой относился и Сергачский уезд⁵⁷, откуда пошел род Ульяновых. С этим можно согласиться при одной существенной оговорке. В XVIII веке этнический состав Сергачского уезда не совпадал с этническим составом крепостного крестьянства. В абсолютном большинстве крепостными были русские крестьяне, и лишь незначительная часть — мордва⁵⁸.

Мы остановились так подробно на попытках различных авторов доказать инородческое происхождение рода Ульяновых, чтобы стало очевидно: до сих пор оно документально не подтверждено. Единственным свидетельством того, "что в жилах Владимира Ильича смешалась кровь разных народов, населявших Поволжье"⁵⁹, остаются черты его лица.

В этой связи стоит вспомнить интересное замечание Д.И.Ульянова, высказанное еще в 30-е годы. "Нет надобности,— писал он,— особенно разбираться в семейных летописях, чтобы объяснить раскосые глаза или выдающиеся больше обычного скулы. Если бы характеристика предков касалась существа дела, например, особого склада ума, каких-либо талантов или особых способностей и пристрастий, тогда бы это было важно. Но вопросы о чистокровности и кровности сами по себе не стоят ломаного гроша"⁶⁰.

В советское время ни один из исследователей не решался напрямую выводить черты характера Владимира Ильича или особенности его политического поведения из его родословной. Первооткрывателем здесь в определенном смысле стал писатель В.Солоухин. Опираясь на статью М.Г.Штейна "Род вождя", он своеобразно развивает версию М.С.Шагинян о возможном родстве "отсужденной от рабства" Александры Ульяновой с дедом Ленина по отцовской линии. "Александра Ульянова везде фигурирует без отчества,— подмечает автор. — Возможно, староста Алексей Смирнов, удочерив ее, дал ей свою фамилию, отчество и новое имя, чтобы на ней мог жениться Николай Васильевич"⁶¹. Как видим, богатое воображение писателя выстраивает схему инцеста. Произведя подобную спекуляцию, В.Солоухин продолжает: «Мое перо отказывается сделать последний вывод. Но не этим ли объясняются некоторые характерные признаки вырождения: облысение в 23 года, периодические приступы нервной (мозговой, как окажется впоследствии) болезни, патологическая агрессивность у "гениального" внука?»⁶²

"Перо писателя" оказалось разумнее его самого. Кровосмешения не могло быть, так как Анна Алексеевна Смирнова и Николай Васильевич Ульянов вступили в брак задолго до "отсуждения от

рабства" в 1825 году дворовой девки Александры. В ревизской сказке 1816 года среди фамилий мешан на 541-й странице было записано: "Николай Васильевич Ульянин — 47 лет. Его сын Александр — 4 месяцев умре 1812 года. Николая Ульянина жена Анна Алексеевна — 28 лет". Таким образом, уже в 1812 году супруги Ульяновы потеряли своего первенца. Все эти сведения опубликованы А.С.Марковым еще в 1983 году⁶³.

Подводя итоги историографического обзора литературы о родословной В.И.Ленина по отцовской линии, следует отметить работу В.А.Могильникова, появившуюся в начале 90-х годов. Продолжая труд исследователей конца 60-х годов, выявивших три поколения крепостных крестьян рода Ульяниных, живших в селе Андросове, Могильников продолжил роспись еще на два поколения вглубь веков. Поколенную роспись рода исследователь начал с жившего в XVII веке Андрея Ульянина, крепостного крестьянина помещика Панова, и закончил представительницей 10-го поколения — Надеждой Владимировной, правнучкой Дмитрия Ильича Ульянова⁶⁴. Комментируя роспись, составленную Могильниковым, А.Н.Онучин обратил внимание на то, что "...родословная Ульяниных/Ульяновых дает два примера перехода из одного сословия в другое, факт для царской России далеко не обыденный. Из крепостного состояния через личносвободное сословие астраханских мешан к сословию потомственных дворян — такова история рода"⁶⁵.

¹ Марков А.С. Ульяновы в Астрахани. Волгоград, 1983. С.76–77.

² РЦХИДНИ. Ф.14. Оп.1. Д.186. Л.1–2.

³ Там же. Л.3.

⁴ Ульянова М.И. Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов (1831–1886). Соцэкгиз, 1931. С.9.

⁵ Ульянова-Елизарова А.И. В.И.Ульянов (Н.Ленин). Краткий очерк жизни и деятельности. Партийное издательство, 1931. С.5.

⁶ Марков А.С. Указ.соч. С.81.

⁷ Там же. С.87–88, 80.

⁸ Шагинян М. Предки Ленина // Новый мир. 1937. №11. С.271; Она же. Билет по истории // Красная новь. 1938. Кн.1. С.24; Она же. Как я работала над "Семьей Ульяновых" // Шагинян М. Лениниана: Семья Ульяновых. Тетралогия. Очерки и статьи. М., 1977. С.775.

⁹ Шагинян М. Предки Ленина... С.266–267.

¹⁰ Там же. С.267.

¹¹ Там же. С.268–269.

¹² Там же. С.269–270.

¹³ Там же. С.270.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.1. Д.3. Л.1; Марков А.С. Указ.соч. С.29, 88.

¹⁷ Шагинян М. Предки Ленина... С.268.

¹⁸ Шагинян М. Как я работала над "Семьей Ульяновых"... С.787.

¹⁹ Шагинян М. Билет по истории. С.24–25.

²⁰ Ульянов Д.И. Очерки разных лет: Воспоминания, переписка, статьи. 2-е изд. М., 1984. С.144.

²¹ Шагинян М. Предки Ленина... С.270.

²² Шагинян М. Предки Ленина (Наброски к биографии) // Астрахань: Литературно-художественный сборник. Астрахань, 1958. С.95–96.

²³ Шашков С.С. Рабство в Сибири // Шашков С.С. Собр.соч. в 2-х т. СПб., 1898. Т.2. Ст.504–546.

Под именем Сибири в широком смысле этого слова понимаются все азиатские владения России, за исключением Закавказья, Закаспийской области и Туркестана. Первоначально, когда в 16 и 17 вв. завершилось занятие коренной Сибири и после заключения с Китаем нерчинского и бурунского договоров, границы ее составляли к Северу Северный Ледовитый океан, к Востоку Берингово и Охотское море, нынешние области Приморская и Амурская, далее Монголия, к Югу Китайская империя, к Западу р.Иртыш (Иртышская линия) до Омской крепости, затем Ишимская и Горькая линии до Оренбургской губернии, и, наконец, Уральские горы до берегов Северного океана (Энциклопедический словарь. СПб., Издательское дело, Брокгауз-Ефрон, 1900. Т.58. С.748).

²⁴ С расширением владений России в XVIII-XIX вв. были созданы системы оренбургских и сибирских линий, главным образом из крепостей, редутов, маяков и т.п. Укрепленные линии не только охраняли владения, но и служили для защиты местного населения от разрушительных набегов кочевников. Оренбургская линия проходила от г. Гурьева по р. Яику (Уралу) через г. Оренбург до Верхнеуральска. От крепости Звериноголовской начиналась Сибирская линия (БСЭ. 2-е изд. Т.33. С.369–370).

Киргиз-кайсаки — в Российской империи самоназвание киргизов ("кыргыз") ошибочно приписывали казахам ("Киргиз-кайсаки", "киргиз-казаки", "киргизы"). (БСЭ. 2-е изд. Т.19. С.318).

²⁵ Чжунгария (Джунгария) — под этим именем, перешедшем в науку от китайских географов, разумеется территория, лежащая к северу от Тянь-Шаня и

составлявшая некогда Чжунгарское царство... Войны с Китаем привели Чжунгарию к падению. С 1758 г. она окончательно вошла в состав Китайской империи, а с проникновением русских в глубь Средней Азии часть чжунгарских владений постепенно отошла к России, в состав областей Семиреченской и Семипалатинской... Чжунгары — народ монгольского происхождения. (Энциклопедический словарь. СПб., типография Акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1903. Т.76. С.805,808).

²⁶ Закон от 9 января 1757 года разрешал "привозимых киргизами разных наций пленников, всякого звания людям по недостатку в Сибири таких людей, которым по указам крепостных людей иметь велено, покупать и на товары выменивать..." (Полное собрание законов Российской империи. Собр.1-е. СПб., 1830. Т.XVI. С.587, 329). Начало ограничению "рабства" было положено указами от 23 мая 1808 года "О водворении кочующих по близости Оренбургской линии Киргизцев" и "О распространении правил о водворении Киргизцев, и о покупке Российским поданным Киргизских детей по всей Сибирской линии". Теперь покупать и выменивать детей казахов разрешалось при условии их освобождения по достижению ими двадцатипятилетнего возраста (ПСЗ. Т.XXX. С.277). 13 февраля 1819 года срок "рабства" был также ограничен для "вымениваемых у Киргизцев Калмыков и других Азиатцев" (ПСЗ. Т.XL. С.521).

²⁷ *Шашков С.С.* Указ.соч. Ст.543; ПСЗ. Т.XL. С.520—525.

²⁸ *Шагинян М.* Предки Ленина (Наброски к биографии)... С.96.

²⁹ Историю "рабства" писательница в очерке изложила следующим образом: «В Сибири и Астрахани малолетние дети калмыков и киргизов могли быть проданы в рабство родителями или оказаться захваченными в плен в результате набега и потом проданными. Таких покупных "рабов" закон разрешал держать у себя и купцам. Об этом своеобразном рабстве подробно рассказывается у С.Шашкова. В положении от 1808 года это рабство ограничивалось тем, что достигший двадцатипятилетнего возраста "отсуждался от рабства". Законом же 1825 года право продажи в рабство малолетних киргизов и калмыков было окончательно запрещено» (*Шагинян М.* Предки Ленина (Наброски к биографии)... С.96). В очерке Мариэтты Сергеевны не называла национальность "отсужденной от рабства" Александры Ульяновой, но в новой версии романа появилось воспоминание И.Н.Ульянова "...о проданных в рабство купцам маленьких калмыцких девочках, — проданных от крайней нужды и нищеты их родными отцами и матерями" (*Шагинян М.* Семья Ульяновых. М., 1958. С.33-34). Сопоставление написанного в очерке и романе дало возможность читателям сделать вывод о калмыцком происхождении Александры Ульяновой.

³⁰ *Шагинян М.* Предки Ленина (Наброски к биографии)... С.96.

³¹ Там же.

³² Справка о происхождении рода Ульяновых сектора произведений В.И.Ленина ИМЛ при ЦК КПСС. Хранится в библиотеке Музея В.И.Ленина (филиал Государственного Исторического музея).

³³ *Марков А.С.* Ульяновы в Астрахани. Волгоград, 1970. С.10.

³⁴ *Шнайдинштейн Е.* Начало родословной // *Волга*. 1966. №8. С.134–135.

³⁵ *Богданов И.* Нижегородской губернии крестьянин // *Журналист*. 1969. №6. С.63.

³⁶ *Гольдина Р.С.* Ленинская тема в творчестве Мариэтты Шагинян. Ереван, 1969. С.49.

³⁷ *Шагинян М.* Предки Ленина (Наброски к биографии) // *Шагинян М.* Собр.соч. в 9 т. М., 1974. Т.6. С.658.

³⁸ *Марков А.С.* Ульяновы в Астрахани // *Волга*. 1969. №4. С.108.

³⁹ Там же. С.107–108.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С.107.

⁴² *Марков А.С.* Ульяновы в Астрахани. Волгоград, 1983. С.22.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С.21–22.

⁴⁵ Там же. С.34, 73.

⁴⁶ *Штейн М.Г.* Генеалогия рода Ульяновых // *Литератор* (Ленинград). 1990, №38.

⁴⁷ *Он же.* Род вождя // *Слово*. 1991. №2. С.78.

⁴⁸ *Он же.* Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997. С.154.

⁴⁹ Там же. С.152–153.

⁵⁰ *Бюлер Ф.А.* Кочующие и оседло живущие в Астраханской Губернии инородцы // *Отечественные записки*. 1846. №7. С.3–5.

⁵¹ Там же. С.5; Там же. №8. С.64–70.

⁵² В очерке «Как я работала над "Семьей Ульяновых"» (впервые очерк полностью был опубликован в журнале «Вопросы литературы», 1963, №7) Шагинян писала: «Мне пришлось основательно поработать в архивах городов Пензы, Ульяновска, и Астрахани. В последней кое-какие документы Архива Калмыцкой автономной республики открывались работниками прямо при мне. К сожалению, этот архив, видимо, сильно пострадал во время Отечественной войны и после нее, так что многие виденные, переписанные и переснятые мной в тридцатых годах документы и старые фотографии сейчас утеряны. Во всяком случае, новые работники архива запрашивали меня недавно о фотографиях могильного памятника брата Ильи Николаевича, Василия Николаевича, и его отца». Исползованная Шагинян в очерке фотография памятника на могиле В.Н.Ульянова была сделана П.И.Усачевым, а все документы — выявлены в архиве Астраханской области, который, в

отличие от архива Калмыцкой АССР, действительно пострадал в годы войны (эти сведения приведены в работе В.В.Цаплина "Архивы, война и оккупация", хранящейся в Российском Государственном архиве экономики. Ф.777. Оп.1. Д.44. Л.227-228, 442).

⁵³ Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины... С.152-153.

⁵⁴ Там же. С.156.

⁵⁵ Там же. С.147.

Штейн рассуждает подобным образом, будучи уверенным, что указание документа относится только к Н.В.Ульянову и его сыновьям. На самом деле запись "коренного российского происхождения" сделана на листе документа по вертикали и относится ко всем там записанным (фотокопию документа см. в кн.: Говорят документы: о жизни и деятельности Ильи Николаевича Ульянова. В 3-х т. Ульяновск, 1995. Т.1. С.44).

⁵⁶ Доктор исторических наук В.М.Кабузан — автор ряда монографий, в их числе: "Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. (По материалам ревизий)" (М.,1971), "Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (По материалам ревизий)" (М.,1963), "Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав" (М.,1990), "Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав" (М.,1992).

⁵⁷ Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины... С.148.

⁵⁸ По сведениям подготовленной к изданию книги В.М.Кабузана "Крепостное население России в XVIII — середине XIX в."

⁵⁹ Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины... С.148.

⁶⁰ Ульянов Д.И. В редакцию журнала "Красная новь" (по поводу 1-й части романа М.Шагинян "Билет по истории") // Ульянов Д.И. Очерки разных лет: Воспоминания, переписка, статьи. 2-е изд. М.,1984. С.144.

⁶¹ Солоухин В. При свете дня. М.,1992. С.28, 31-33.

⁶² Там же. С.33-34.

⁶³ Марков А.С. Ульяновы в Астрахани. Волгоград, 1983. С.21-22.

Фамилия деда Ленина, Николая Васильевича, писалась как "Ульянин" или "Ульянинов", а с 30-х годов XIX в. — как "Ульянов".

⁶⁴ Могильников В.А. Предки В.И.Ульянова-Ленина. Пермь, 1995. С.8-14.

⁶⁵ Там же. С.3.

ГЛАВА IV

О НЕМЕЦКИХ И ШВЕДСКИХ ПРЕДКАХ

В этой главе мы рассмотрим те ветви генеалогического древа В.И.Ленина, которые имеют не российское, а западноевропейское происхождение. Прежде всего нас интересует его бабушка по материнской линии, Анна Ивановна Бланк, урожденная Грошопф. Именно от нее Владимир Ильич получил в наследство как немецкую, так и шведскую кровь.

Обращаясь к описанию немецкой ветви предков Ленина, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Главным источником для нас при рассмотрении родословной Владимира Ильича по линии Грошопф служат исследования немецких историков Георга фон Рауха¹ и Адальберта Брауэра², опубликованные в ФРГ. К поиску ленинских корней в Германии этих авторов подвиг роман "Семья Ульяновых", который они высоко оценивают и на который активно ссылаются, справедливо полагая, что М.С.Шагинян в своей книге во многом опирается на документы или устные сообщения родственников Ленина³. Сведения о немецких предках исследователи подкрепляют ссылками на источники в Германии, что особенно ценно для отечественных историков.

Работы вышеуказанных авторов находились в РЦХИДНИ (бывшем Центральном партийном архиве) с 70-х годов, но не публиковались и даже не были полностью переведены на русский язык. Между тем информация, которую они несут, уникальна. Перевод, сделанный автором этой главы, позволяет впервые детально проследить немецкую ветвь родословного древа Владимира Ильича вплоть до начала XVII века.

Немецкие историки изучили большой объем архивных документов как в гражданских, так и в церковных архивах Любека⁴, Ратцебурга, Шверина, Карлова — городов, входивших в герцогство

Мекленбург или прилегавших к нему⁵. Именно здесь жили известные нам немецкие предки В.И.Ленина (см. Прилож. № 1).

Основную информацию Раух и Брауэр нашли в записях церковных книг о рождении, крещении и смерти. Ими использовались различные картотеки (например, профессиональные, в том числе "мельничная картотека"), частные архивы и другие источники.

Многие прадеды Владимира Ильича жили в Любеке, имевшем особые законы о гражданстве. Основанием для характеристики того или иного лица стали документы, предоставлявшие своим обладателям такое гражданство. Ведь звание "гражданин Любека" означало не только место проживания — оно свидетельствовало о высоком социальном положении человека⁶.

Среди немецких предков Владимира Ильича часто встречаются "мастера": "мельничный мастер", "мастер-пивовар". Это были не просто специалисты-ремесленники в той или иной области — они владели значительным имуществом, имели свое дело, работников и относились к зажиточной и уважаемой части любекского общества⁷.

Документально подтвержденные сведения разрушают сложившийся у некоторых отечественных авторов стереотип о происхождении предков В.И.Ленина из "простых ремесленников". Среди них в Германии мы видим в основном людей из бюргерского сословия, причем далеко не бедных: это торговцы, пивовары, целая династия, связанная с мельничным производством, служащие городской и государственной администрации, священнослужители.

Среди дальних родственников Владимира Ильича немецкие историки отмечают и большое число интеллектуалов того времени: врачей, аптекарей, докторов и магистров. По линии Эдлер-Берендс-Штуте это известные в Германии представители фамилии Курциусов: выдающийся археолог и историк, начавший раскопки древней Олимпии, Эрнст Курциус; профессор классической филологии Георг Курциус; известный романист, профессор Роберт Курциус; сенатор, член бундестага, трехкратный президент Любека Теодор Курциус и другие.

При исследовании западноевропейских корней В.И.Ленина авторы использовали не только германские источники, впервые цитируемые здесь на русском языке, но также и документы, храня-

щиеся в РЦХИДНИ, недоступные ранее для большинства специалистов. Это воспоминания А.А.Веретенниковой, сестры М.А.Ульяновой, написанные еще в конце прошлого века, а также послужной список И.Ф.Грошопфа, прадеда Владимира Ильича, и, кроме того, формулярный список К.И.Грошопфа, родного брата Анны Ивановны Бланк, бабушки Ленина. Документы не только несут ценную информацию, но и ставят ряд вопросов, ответить на которые еще предстоит. Однако сопоставление данных как из немецких, так и из отечественных архивов позволяет сделать некоторые выводы.

Итак, обратимся к рассмотрению родословного древа бабушки В.И.Ленина, А.И.Бланк, урожденной Грошопф. Будем при этом руководствоваться схемой (см. Прилож. №2), обращая внимание на нумерацию поколений и персональные номера. Проследим сначала ее отцовскую линию (по схеме сверху вниз), останавливаясь по ходу движения на брачных союзах мужчин этого рода.

Прадед Владимира Ильича и отец Анны Ивановны Бланк (III-№ 7), Иоганн Готтлиб (Готфрид) Грошопф (IV-№12), как утверждает Брауэр⁸, происходил из старинной семьи владельцев и арендаторов мельниц в районе Ратцебурга (впервые она упоминается в документах 1362 года). Существует несколько вариантов написания фамилии: Грошопф, Гросшопф, Гросшофф, Гроскопп⁹. Здесь и далее мы будем называть Иоганна Готтлиба и его детей Грошопф, а его предков — Гросшопф (так ближе к немецкой транскрипции: "Großschopf").

Пока немецким историкам удалось документально подтвердить происхождение Иоганна Готтлиба Грошопфа от его прадеда — Иоганна Юргена Гросшопфа (VII-№ 30). Арендатор мельницы, мельничный мастер и церковный присяжный заседатель умер 4 ноября 1744 года в Рене, недалеко от Карлова и Штёве. Иоганн Юрген упоминается в документах как крестный своих внуков¹⁰.

Его сын, Йоахим (Иоахим) Эрнст Гросшопф (VI-№ 21) был, как и отец, мельничным мастером и арендатором мельницы. Он родился в 1703 или 1704 году и умер в Штёве в 1769 году в возрасте 65 лет¹¹. Бабушке Ленина, Анне Ивановне, он приходится прадедом. Его имя впервые упоминается в церковной книге Карлова

в 1735 году в связи с его женитьбой на Абели Кристине Гютнер (Гюттнер) (VI-№ 22). У супругов родилось восемь детей, старшим из них был прапрадед Владимира Ильича, Кристоф Фридрих (Кристофер Фридерих) (V-№ 16), родившийся 3 марта 1736 года в Штёве¹². Брауэр предполагает, что брак его родителей был заключен по любви, так как жених и невеста происходили из разных социальных слоев. Для представителя многочисленного клана Гросшопфов, связанных с мельничным производством, естественнее было бы выбрать жену из своего круга, однако Абель Кристина родилась в семье священнослужителей. Ее родители — "молодой кистер" Иоганн Андреас Гютнер (VII-№ 31)¹³ и Сюзанна Маргарета, урожденная Домке (VII-№ 32), единственная дочь "старого кистера" Якоба Домке (VIII-№ 43)¹⁴. Свадьба супругов Гютнер-Домке состоялась 10 марта 1712 года в Карлове. В семье было не менее восьми детей. Старшая, Абель Кристина (VI-№ 22), прабабка Анны Ивановны Бланк, родилась 8 октября 1713 года в Карлове и умерла 19 апреля 1773 года в Штёве¹⁵.

Мать Абели Кристины, Сюзанна Маргарета Домке, была родом из Карлова. Родители ее, Якоб Домке (VIII-№ 43), кистер церкви в Карлове, и Гертруда Зунд (VIII-№ 44), поженились 25 октября 1677 года. Гертруда Зунд происходила из старой мекленбургской семьи служащих и ученых, среди которых было особенно много аптекарей и врачей. Сама она родилась 7 августа 1652 года в городе Пархиме, где ее отец, магистр Йоахим Зунд (IX-№ 56), был управителем. Умер он в 1676 году¹⁶.

Вернемся к детям супругов Йоахима Эрнста Гросшопфа (VI-№ 21) и Абели Кристины Гютнер (VI-№ 22). Их старший сын, Кристоф Фридрих (V-№ 16), дед А.И.Бланк и прадед М.А.Ульяновой, прибыл в Любек, как считает Брауэр, по настоянию своего отца, в качестве хлебного маклера. Наследником мельницы в Штёве считался следующий за ним брат, Франц Вильгельм. Он рано умер, и аренда мельницы перешла к младшему в семье сыну — Андреасу Бонавентуре¹⁷.

21 февраля 1763 года Кристоф Фридрих Гросшопф женился на Кристине Маргарете Эдлер (Эделер, Эдделер) (V-№ 17). Первенец у супругов родился 10 марта того же года, (пару обвенчали по спе-

циальному разрешению совета консистории). Наконец, в том же году 7 июля, "Кристоф Фридрих Гросшопф, торговец", получил любекское гражданство, причем одним из двух поручителей был его тесть. Умер Кристоф Фридрих Гросшопф 16 апреля 1799 года, о чем свидетельствует книга регистрации смертей церковной общины св.Марии в Любеке. От брака Гросшопф-Эдлер появилось семеро детей, среди них — прадед Ленина, Иоганн Готтлиб (IV-№ 12)¹⁸.

Его мать, Кристина Маргарета Эдлер (V-№ 17), родилась 23 октября 1735 года в Любеке и там же умерла 7 августа 1812 года. Ее родители — Иоганн Эдлер (VI-№ 23) и Кристина Маргарета, урожденная Берендс (VI-№ 24). Иоганн Эдлер, прадед А.И.Бланк, родился в Любеке в январе 1704 года, занимался торговлей льняным полотном, позднее стал таможенным писарем на плотине. В 1734 году, заплатив взнос в размере 10 рейхсталеров, он получил любекское гражданство и в том же году женился. Умер он в 1774 году¹⁹. Его первая жена, Кристина Маргарета Берендс, родилась 2 июля 1698 года, а умерла 25 октября 1735 года, через несколько дней после рождения своей единственной в браке с Иоганном Эдлером дочери. Очевидно, дочь назвали в честь матери Кристиной Маргаретой. Через два года после смерти жены вдовец вступил в новый брак²⁰.

Отец Иоганна Эдлера, Йоахим Эдлер (VII-№ 33), был купцом в Любеке. В 1694 году он женился на Магдалене Шультце (VII-№ 34), а в 1706 году умер, оставив сиротой двухлетнего сына. Магдалена Шультце, дочь ловца сельдей Иоганна Шультце (VIII-№ 45) и Магдалены Хайнеке (VIII-№ 46), через год вышла замуж вторично; умерла в 1729 году в Любеке. Свадьба ее родителей состоялась в 1667 году, но даты рождения супругов неизвестны. Умерла Магдалена Хайнеке в 1722 году в Любеке, а смерть ее мужа не зарегистрирована. Возможно, он погиб, как многие моряки, в море. Есть лишь сообщение, что вдова вновь вышла замуж²¹.

Жена Иоганна Эдлера (VI-№ 23) и прабабка А.И.Бланк Кристина Маргарета (VI-№ 24) была дочерью купца Маттиаса Берендса (VII-№ 35), умершего в декабре 1708 года. Он переселился в Любек, где женился в 1697 году на Эльзабе (Эльзбе) Штуте (Штудте)

(VII-№ 36). Супруга происходила из старого любекского рода пивоваров, из поколения в поколение владевшего пивоварней на Вамштрассе. Немецкие архивы дают сведения о четырех поколениях этой семьи: 1) Эльзабе Штуте, родилась в Любеке 21 ноября 1670 года и там же в апреле 1756 года умерла; 2) ее отец, Иоганн Штуте (VIII-№ 47), родился около 1642 года и умер также в Любеке 1 апреля 1701 года, гражданин города, мастер-пивовар, владелец пивоварни; 3) его отец, Юрген Штуте Младший (IX-№ 57), гражданин Любека, мастер-пивовар, владелец пивоварни; 4) его отец, Юрген Штуте Старший (X-№ 62), мастер-пивовар. Даты жизни Штуте Юргенов (как старшего, так и младшего) неизвестны, но сохранились имена их жен: Юрген Старший был женат на Катарине Вульф (X-№ 63), Юрген Младший — на Элизабете Хайтман (IX-№ 58), дочери Ганса (Иоганна) Хайтмана (X-№ 64) из Любека²².

Мать Эльзабы Штуте и жена Иоганна Штуте — Эльзаба Грунд (VIII-№ 48). Она умерла в начале 1674 года в Любеке, через год после рождения третьей дочери²³. Вдовец женился во второй раз в конце того же года на Кристине Захтлебен. От этого брака родилось еще шестеро детей, и именно по этой линии, через Иоганна Штуте, В.И. Ленин состоит в родстве с целой плеядой немецких интеллектуалов Курциусов, о которых говорилось ранее. Родителями Эльзабы Грунд были Кристина Фойгт (IX-№ 60), дочь Йоахима Фойгта (X-№ 67) из Любека, и Юрген Грунд (IX-№ 59), гражданин Любека, мастер-пивовар, умерший в 1678 году в Любеке. Как и Штуте, семья Грунд занималась пивоварением. Отец Юргена Грунда, Генрих (Хинрих) Грунд (X-№ 65), значится в документах как мастер-пивовар и гражданин Любека. Умер он в 1626 году. Его жену звали Абель Барбара (X-№ 66). Известно также, что у него было две сестры и два брата, но о его родителях и родителях его жены сведения отсутствуют²⁴.

Итак, самые далекие (десятое поколение) предки В.И. Ленина, о которых мы имеем документальные свидетельства, жили в Германии на рубеже XVI—XVII веков.

Обратимся теперь к шведским корням Владимира Ильича. Их изучением занимались исследователи из Швеции Уно Виллерс и

Кристина Бакман²⁵. Есть интересные сообщения и в упомянутой выше статье А.Брауэра.

Шведская линия родословной Ленина начинается с жены Иоганна Готтлиба Грошопфа — Анны Беаты Эстедт (IV-№ 13). Варианты написания этой фамилии различны: Эстедт, Остедт, Эштедт, Эрштедт (от транскрипции шведского написания "Öhrstedt").

Анна Беата, или Анна Карловна, бабушка Марии Александровны и прабабушка Ленина, родилась, как считают Брауэр и Бакман, приблизительно в 1773 году в Петербурге. Такой уверенности нет у Виллерса — он не приводит даты ее рождения. Но все одинаково называют время свадьбы родителей: Карл Фредрик Эстедт (V-№ 18) и Анна Кристина Борг (V-№ 19) поженились в Петербурге 13 мая 1772 года²⁶. Скорее всего, исследователи, указывая приблизительную дату рождения Анны Карловны, исходили из сообщений о свадьбе родителей. В то же время, ее внучка, Анна Александровна Бланк, в замужестве Веретенникова, сообщает в воспоминаниях о кончине бабушки в 70-летнем возрасте²⁷. Если верить Анне Александровне (в написанных ею к концу жизни мемуарах много неточностей), можно допустить, что бабушка родилась в 1777 году, так как дата смерти известна точно: 23 февраля 1847 года.

Мать В.И.Ленина, М.А.Ульянова, вероятно, встречалась со своей бабкой, Анной Карловной. О бабушке, о визитах к ней вспоминала старшая сестра Марии Александровны, Анна Веретенникова. Она навещала ее в многоэтажном доме на 18-й линии по набережной Васильевского острова. Видимо, визиты сюда произвели на девочку неизгладимое впечатление. Забылась собственная квартира на Петербургской стороне (ее описание отсутствует), но дом дяди, Карла Ивановича Грошопфа, где жили и бабушка Анна Карловна, и ее сестра Каролина, остался ярким детским воспоминанием. "Бабушка моя,— писала Веретенникова,— должно быть, была очень хороша собой; я хорошо помню ее лет 60 от роду, и тогда она носила следы красоты, держалась всегда прямо, наружностью своей и туалетом очень занималась до самой смерти... она с утра затягивалась в корсет, взбивала волосы и румянилась"²⁸.

К моменту смерти Анны Карловны ее внукам Маше и Ане было соответственно 12 и 15,5 лет. Но жили они в то время уже не в столице. Их отец, Александр Дмитриевич Бланк, в 1841 году покинул Петербург и в 1847 году работал на Урале²⁹. Маленькая Маша просто могла забыть бабушку, с которой встречалась до шести лет.

Вместе с Анной Карловной в доме ее сына доживала свой век сестра Каролина Карловна, "в то время уже очень пожилая девица". Красотой она не блистала, в отличие от сестры, и выглядела старше ее, хотя была моложе на десять лет. Зато, "...говорят, она была очень хорошо образована... Долгое время была гувернанткой у Топорниных, богатых помещиков Уфимской губернии, прожила у них двадцать с лишним лет, занимаясь воспитанием их многочисленных дочерей и сыновей... С бабушкой моей всегда говорила по-шведски"³⁰. Некоторые зарубежные исследователи почему-то упорно называют Каролину Карловну воспитательницей или гувернанткой Марии Александровны Бланк и ее сестер. Это, конечно, ошибка. Сестер Бланк воспитывала после смерти их матери, Анны Ивановны Грошопф, в замужестве Бланк (III-№ 7), ее родная сестра Екатерина Ивановна, приходившаяся Каролине Карловне племянницей.

Отец сестер Анны и Каролины Эстедт и прадед М.А.Ульяновой, Карл Фредрик (Фридрих) Эстедт (V-№ 18), родился в Швеции в городе Упсала 28 марта 1741 года. Этот город является родиной многих известных нам шведских предков Ленина³¹. Правда, К.Бакман выражает сомнение в национальной принадлежности Эстедов: в описи населения Стокгольма за 1730 год отец Карла Фредрика, Карл Рейнхольд (Рейнгольд) Эстед (VI-№ 25), упоминался как "родившийся в Ливонии"³². Мать Карла Фредрика, Беата Элеонора Нюман (Ниман) (VI-№ 26), была дочерью Нюмана Карла Петерсона (VII-№ 37)³³, сержанта артиллерии в армии Карла XII.

Скорее всего, будущие супруги Эстедт встретились в Стокгольме, где жили родственники Беаты Элеоноры (у ее деда и бабушки, Петтера Карлсона Нюмана (VIII-№ 49) и Марии Брюнельсдоттер Хёк (VIII-№ 50), был собственный домик в южной части Стокгольма).

Позднее Карл Рейнхольд открыл свое дело в Упсале. Здесь в результате несчастного случая он стал инвалидом и умер в 1748 году³⁴. После его смерти семья осталась без средств к существованию.

Карл Фредрик Эстедт, несмотря на тяжелые обстоятельства, сумел выбиться в люди. В 1769 году он стал в Петербурге гравёром, золотых дел мастером³⁵ и, если верить Виллерсу, не бросил ювелирное дело до самой смерти³⁶. К.Бакман сообщает о работе Эстедта в Стокгольме для герцога Карла (будущего Карла XIII) и о переезде его в 1782 году в Петербург³⁷. В этот период он работает учителем гравировки, что подтверждает и "Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764—1914 гг."³⁸, в котором говорится о шведском уроженце Эштедте, ставшем в 1783 году преподавателем в классе "отливки из металла и чеканки". Но из-за начавшейся в 1789 году русско-шведской войны Карл Фредрик был уволен.

Здесь в России он и женился. Свадьба состоялась 13 мая 1772 года в церкви св.Катарины в Петербурге. Жена Эстедта, Анна Кристина Борг (V-№ 19), родилась в Упсале 1 апреля 1745 года. В российскую столицу она перебралась еще до свадьбы, вероятно, вслед за родственниками. Из семейства Боргов сюда переехали не менее семи человек. Анна Кристина работала экономкой у статского советника Аше. Ее родителями были Карл Борг (VI-№ 27), шляпник из Упсалы, умерший в 1750 году, и Анна Бритта, урожденная Новелина (VI-№ 28). Родилась Анна Бритта в 1713 году, а умерла в 1764³⁹. Карл Борг, сын Пера Монсона (VII-№ 39) и Карин Кнутсдоттер (VII-№ 40) из Виммерби, взял себе фамилию в честь родной фермы — Боргхульт⁴⁰. Он отличался необузданным нравом, постоянно оказывался замешанным в скандалы с родственниками, о чем свидетельствуют судебные протоколы. После его смерти вдова, Анна Бритта, взяла дело в свои руки, пока подросшие сыновья не сменили ее⁴¹. Надо думать, что ремесло она знала отлично, ведь Карл Борг выбрал себе в жены дочь своего мастера. Его тесть, Симон Новелиус (VII-№ 41), тоже шляпник, умер в 1733 году и оставил зятю свою шляпную мастерскую.

Симон вышел из семьи потомственных моряков: и его отец, Эрик Бертилсон (VIII-№ 53), и его дед, Бертил Йенсон (IX-№ 61)

связали свою судьбу с морем. Первый был процветающим шкипером в Вестеросе, второй — капитаном торгового судна из Арбоги. Сын и внук мореходов стал основателем династии шляпников, которая просуществовала четыре поколения. Женат он был на Катарине Аренберг (VII-№ 42), дочери Эрика Эриксона (VIII-№ 55), управляющего имением⁴².

Таким образом, как немецкие, так и шведские предки В.И.Ленина принадлежали в основном к бюргерскому сословию, правда, не очень высокого социального ранга. Среди них были ювелиры, шляпники, военные, моряки, служащие и фермеры.

Немецкая и шведская линии родословного древа Владимира Ильича пересеклись в Петербурге, в Михайловской церкви кадетского корпуса, 2 марта 1793 года при бракосочетании Иоганна Готтлиба Грошопфа (IV-№ 12) и Анны Беаты Эстедт (IV-№ 13). Впоследствии Иоганн превратился в Ивана Федоровича, его детей величали Ивановичами (Карл Иванович, Анна Ивановна и т.д.), а Анна Беата стала Анной Карловной. Что знаем мы об этой супружеской паре — о прадедушке и прабабушке Владимира Ильича?

Родители Анны Ивановны, бабушки Ленина, представляли первое и второе поколение иностранцев, выходцев из Германии и Швеции, переехавших в Россию. Они не только быстро адаптировались, но и хорошо устроились на новой родине. По сохранившимся сведениям, обе семьи были достаточно обеспечены, блюли традиции отцов и дедов, сохраняли знание родных языков, которое прививали и детям. По-шведски говорили между собой сестры Эстедт — Анна и Каролина. Сестра Анны Ивановны, Екатерина Ивановна Грошопф, в замужестве Эссен, заменившая племянницам мать после смерти сестры и занимавшаяся их воспитанием, преподавала иностранные языки, в том числе и немецкий. Эту традицию продолжила и М.А.Ульянова. Все дети в ее семье благодаря урокам матери прекрасно знали немецкий. Показательна в этом отношении дощечка для хлеба в доме Ульяновых на Московской улице. Она сделана Сашей в подарок матери. Слово "хлеб" вырезано на ней по-немецки: "брот" ("Brot"). И, наверное, Александр Ульянов очень любил немецкую поэзию, потому что незадолго до казни просил в тюрьме для чтения книгу стихов Г.Гейне.

Не сохранение ли это любви и памяти о родине предков, привитые новым, уже русским поколениям семьи? Не сразу менялись и религиозные убеждения. Так, дядя М.А.Ульяновой, Карл Иванович Грошопф, в формулярном списке о своей службе значится как лютеранин. А ведь он родился и вырос в Петербурге, и к моменту заполнения документа ему было 52 года⁴³. Его сестра, Екатерина Ивановна Эссен, только перед смертью приняла православие⁴⁴. Изредка посещала кирху и Мария Александровна Ульянова, которая официально являлась православной, хотя была в общем-то нерелигиозной женщиной⁴⁵. Детям передавалось не только знание языка, но и некоторые традиции, элементы культуры тех мест и тех социальных слоев, из которых происходили их предки.

Как уже ранее говорилось, прадед Ленина Иоганн Готтлиб (IV-№ 12) родился в марте 1766 года в Любеке, в семье гражданина города, хлебного маклера и торговца Кристофа Фридриха Гросшопфа и Кристины Маргареты, урожденной Эдлер. 9 марта ребенка окрестили в кафедральном соборе города, о чем свидетельствуют документы храма. Из шести братьев и сестер Иоганна Гросшопфа двое умерло на первом году жизни (Иоганн Йоахим и Иоганна Элизабета). Две сестры оказались в России: согласно записям в книге кафедрального собора Любека, сделанным в 1810 году, одна из сестер, Рената Кристина, жила в Пернау (Пярну, Эстония), а другая, Хедвига Катарина, — в Москве⁴⁶.

Как пишет Раух, ссылаясь на архив Е.Амбургера, Иоганн Готтлиб Грошопф "в 1780 году приехал в С.-Петербург и в 1790 году вступил во владение фирмой Кристиан Фридрих Шаде и сын"⁴⁷. Мы можем лишь гадать о причинах переезда Грошопфа в Россию. Точных данных на этот счет нет. Как молодому человеку, оказавшемуся в чужой стране в четырнадцатилетнем возрасте, удалось в 24 года стать владельцем фирмы? Что это — талант к коммерции, везение? Не исключено. Но если предположить, что фирма принадлежала родственникам, возможно, бездетным, станет понятно, почему юношу, почти ребенка, посылают за границу, где он молодым человеком наследует дело.

В пользу этого предположения говорят имена владельцев. В Западной Европе, где отсутствуют специфические "русские" отече-

ства, связь с предками в именах все же существует. Ребенку дают традиционно не одно, а несколько имен, как правило, по крестным, которыми чаще всего бывают родственники отца или матери. Иногда имя передается "по наследству" от отца к сыну или внуку, как по отцовской, так и по материнской линиям. Имена Фридрих, Кристиан или Кристина неоднократно встречаются как среди прямых предков Иоганна Готтлиба, так и среди его родственников. Также подтверждает эту возможность наличие значительного числа представителей клана Гросшопфов, переехавших в Россию: кроме уже упомянутых ранее сестер Иоганна Готтлиба, можно назвать, как считает Раух, то ли его дядю, то ли кузена, уроженца Любека Кристиана Дитриха Гросшопфа. Он обосновался в Риге, где стал в 1799 году старшиной купеческой гильдии и именитым гражданином города⁴⁸. Не исключено, что какая-то Гросшопф вышла замуж за некоего Шаде и обосновалась в Петербурге. Напомним, однако, что это — только версия.

Дела у фирмы Грошопфа шли, очевидно, неплохо, если он смог приобрести многоэтажный дом на 18-й линии Васильевского острова. Оставил ли позднее Иоганн Готтлиб свою фирму или совмещал работу в ней со статской службой, неизвестно. Только с июля 1795 года он зачислен на должность публичного нотариуса, а с июня 1801(1806?) года является консулентом в Государственной юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел. Об этом свидетельствует послужной список "Ивана Федорова сына Грошопфа 1801"⁴⁹. Впрочем, как утверждает М.Г.Штейн, дата эта скорее всего ошибочна. В доказательство он приводит несовпадение данных о рождении детей, прежде всего Карла и Каролины. Добавим, что об этом же свидетельствует и возраст самого И.Ф.Грошопфа, которому, как указано в документе, "40 лет от роду". А так как родился он в 1766 году, то послужной список заполнялся, вероятно, в 1806-м, а не в 1801 году.

В более позднем источнике — любекском реестре родов за 1810 год — Иоганн Грошопф называется уже "губернским секретарем"⁵⁰. Такой чин для человека "за сорок" не очень престижен — всего-то 12-й класс, согласно Табели о рангах. Но в России государственная служба была единственным способом занять более

высокую социальную ступень и получить дворянство. Быстрое продвижение по служебной лестнице, награждение орденами способствовали в этом не только самому чиновнику, но и его жене, детям. Возможно, именно стремление Иоганна Грошопфа получить дворянство и подвигло его поступить на службу. Низший, 14-й класс службы по Табели о рангах давал пожизненное, то есть личное дворянство. Жена личного дворянина также приобретала личное дворянство. «Дети личных дворян пользовались статусом "ober-офицерских детей", а с 1832 года — потомственных почетных граждан»⁵¹. Есть косвенное подтверждение того, что Грошопф получил личное дворянство. В 1848 году в формулярном списке его сына, действительного статского советника Карла Грошопфа, среди других сведений о нем сообщалось: "Из ober-офицерских детей"⁵².

А.А.Веретенникова приводит в своих воспоминаниях рассказы о деде, И.Грошопфе, которые она ребенком могла слышать от старших: «Силы и здоровья он, говорят, был богатырского, никогда не хворал, не верил никаким докторам и лекарствам... но раз в месяц принимал касторку, утверждая, что любой механизм, в том числе "человеческий", нуждается в чистке»⁵³.

Дата его смерти, как считает Раух, не установлена⁵⁴. Брауэр же указывает: "приблизительно 1845 год"⁵⁵, что, на наш взгляд, вызывает большое сомнение. Во-первых, потому, что А.А.Веретенникова, родившаяся в 1831 году, хорошо помнила бабушку, Анну Карловну, но никогда не видела деда, а ведь в 1845 году ей было 14 лет! В воспоминаниях она пишет, что дед умер еще до свадьбы своей дочери Анны, матери Веретенниковой, "около 70 лет, оставив жену и семь человек детей"⁵⁶. Во-вторых, исследователь ленинских предков М.Г.Штейн считает, что И.Ф.Грошопф скончался не позднее 1822 года, ссылаясь на "Указатель жилищ и зданий в С.-Петербурге, или Адресную книгу с планом на 1823 год" Адлера. Там владельцем дома на 18-й линии Васильевского острова значатся наследники Ивана Федоровича⁵⁷. Значит, ко времени смерти ему было не "около 70", как пишет внучка, а около 60 лет. Выше уже указывалось: несоответствий в воспоминаниях Веретенниковой много.

Всех семерых детей, оставшихся после смерти их отца, Иоганна Готтлиба (Ивана Федоровича), Анна Александровна поименно не называет. Поэтому мы не можем сказать, кого именно из восьми детей, перечисленных в послужном списке сорокалетнего И.Ф.Грошоппа, не осталось в живых ко времени его кончины. В документе названы: Карл, Александра, Иван, Густав, Анна, Катерина, Каролина и Амалия (перечислены здесь по старшинству)⁵⁸. Возможно, раньше отца умерла Амалия, о которой какие-либо сведения отсутствуют. А может быть, раньше Ивана Федоровича скончался и Иван Иванович⁵⁹.

Больше всего сведений мы имеем о Карле Ивановиче: не только воспоминания племянницы, но и официальные документы. Из "Формулярного списка о службе действительного статского советника Грошоппа" от 1848 года⁶⁰ мы узнаем, что ему 52 года, следовательно, родился он в 1795-м или 1796 году. Это никак не совпадает со сведениями из послужного списка его отца, согласно которому год рождения Карла Ивановича — 1791-й, что опять-таки вызывает сомнение: свадьба родителей состоялась в 1793 году. Если допустить, что послужной список отца заполнялся все-таки в 1806-м, а не в 1801 году и что возраст Карла к тому времени — не 15, а 13 лет, то все встает на свои места: он был первенцем в семье и родился или в самом конце 1793-го, или в начале 1794 года.

Формулярный список К.И.Грошоппа свидетельствует: он ступень за ступенью продвигался по служебной лестнице, получал чины и награды — ордена св.Станислава, св.Владимира и св.Анны разных степеней и даже табакерку с именем императора, украшенную бриллиантами⁶¹. Раух по немецким источникам дополняет цитируемый нами документ: "Карл Фридрих был вице-директором Департамента внешней торговли и умер в 1865 году в чине тайного советника"⁶², следовательно, после 1848 года Карл Иванович успешно продолжил свою карьеру и поднялся еще на одну ступень — с 4-го класса на 3-й, согласно Табели о рангах. Что и говорить, блестящая карьера, сделанная упорным трудом. Неясно толком, почему немецкие документы называют Карла Грошоппа третьим сыном в семье. Этому противоречат и формулярный список самого Карла Ивановича, и послужной список его отца.

В адресе-календаре К.Нистрема за 1844 год по Санкт-Петербургу среди владельцев домов упоминается некий "Грошоперъ", владеющий домом в 5-м квартале Васильевской части на 18-й линии "против нового адмиралтейства"⁶³. "Грошоперъ" — скорее всего, искаженное "Грошопф", так как тот же Нистрем в другом аналогичном издании — в том же, где сообщаются сведения о столичных чиновниках, — называет и место жительства Карла Ивановича. В Департаменте внешней торговли, в первом отделении, числится "Грошопфъ Карл Иванович, Д. Ст. Сов., Управл., въ 18-й лин. Вас. ч. по набережной соб. домъ"⁶⁴. Именно его дом на набережной Васильевского острова вспоминает Анна Веретенникова⁶⁵. Она же оставила описание дяди, который, как и его дом, хорошо запомнился девочке. Карл Иванович отличался высоким ростом, лицо его хранило следы перенесенной оспы. Это, бесспорно, был человек серьезный, образованный и музыкальный. "Книг у дяди было множество, вдоль всех стен стояли шкафы с книгами и нотами, — сообщает Анна Александровна, — дядя был страстным музыкантом и отлично играл на скрипке. Скрипок у него было штук восемь..."⁶⁶ Дядя не был женат. Последнее подтверждают и данные из формулярного списка, где о К.Грошопфе сообщалось: холост. Кроме того, в документе указывалось вероисповедание — лютеранин, а также жалование — 1143 рубля 68 копеек и, как уже упоминалось, происхождение — "из обер-офицерских детей"⁶⁷.

Еще один сын Иоганна Готтлиба и Анны Беаты, Густав, был старшим таможенником в Риге⁶⁸. Раух сообщает о нем: "Густав Адольф (1797—1864) стал директором таможни в Риге, купил поместье в Ковно и стал называть себя фон Грошопф"⁶⁹, что, добавим, было вполне логично, если он получил дворянство. Раух считает Густава вторым сыном в семье, а Карла — третьим, но, судя по формулярному списку последнего и по послужному списку отца, это не так. Карл, как уже указывалось выше, был старшим, а Густав — третьим из сыновей.

Вторым сыном супругов Грошопф был Иван Иванович. В записках Веретенниковой он не упоминается, возможно, потому, что умер в 1825 году и был похоронен на Смоленском кладбище в

Петербурге. Раух утверждает, что "Иван (возможно, Иоганн) Иванович пошел по военной линии и в 1822 году имел чин майора"⁷⁰, хотя Штейн, в свою очередь, выражает сомнения по этому поводу⁷¹.

Что касается сестер Грошофф, то, судя по служебному списку отца, их было пятеро. Раух называет двух — Анну и Екатерину. Веретенникова упоминает, кроме названных, еще одну. "Старшая тетка моя, Александра Ивановна Пясь, была замужем за аптекарем в Киеве"⁷², — пишет она. Другой информации об Александре Ивановне не имеется. Также как и об Амалии Ивановне.

Екатерина Ивановна вышла замуж за казанского чиновника Константина Егоровича фон Эссена, но быстро овдовела и, как мы уже знаем, занималась позднее воспитанием осиротевших детей своей сестры, Анны Ивановны. Дата рождения ее, указанная родственниками, 1789 год⁷³, явно ошибочна: вспомним, что родители поженились в 1793 году. Возможно, это описка, и на самом деле речь шла про 1799 год. Но если считать, что послужной список отца, Ивана Федоровича, заполнен в 1806 году, когда ей было 5 лет, то родилась Екатерина Ивановна, скорее всего, в 1800-м или 1801 году. Не вызывает сомнения дата ее смерти. Е.И.Эссен скончалась в сентябре 1863 года в Кокушкине, через две недели после свадьбы племянницы Марии Александровны Бланк с Ильей Николаевичем Ульяновым, приняв перед смертью православие⁷⁴.

Незадолго до кончины стала православной и Каролина, следующая из сестер. Она вышла замуж за коллежского секретаря Владимира Ивановича Биуберга, который крестил ее племянницу Екатерину Александровну Бланк. Умерла Каролина Ивановна в декабре 1877 года в возрасте 73-х лет, о чем сообщает надпись на могильном камне Смоленского лютеранского кладбища в Петербурге⁷⁵.

Учитывая вышеизложенное, попытаемся установить приблизительную последовательность появления детей в семье Грошофф-Эстедт:

- 1) Карл, конец 1793-го или начало 1794 года — 1865;
- 2) Александра, 1794/95—?
- 3) Иван, 1795/96—1825(?);
- 4) Густав, 1797—1864;

- 5) Анна, 1798/99—1838;
- 6) Екатерина, 1800/01—1863;
- 7) Каролина, 1804—1877;
- 8) Амалия, 1805—?

Анна Ивановна Грошопф, пятый ребенок в семье, стала женой А.Д.Бланка (III-№7) уже после смерти своего отца. К сожалению, нам неизвестно точное время их свадьбы. Брауэр предполагает, что она состоялась приблизительно в 1820 году. В тот год А.Д.Бланк как раз поступил в Медико-хирургическую академию. Однако дочь Анны Ивановны и Александра Дмитриевича, Анна Веретенникова, писала, что родители поженились, когда отец, окончив академию и отслужив в Смоленской губернии, приехал в Петербург. Академию Бланк окончил в 1824 году⁷⁶, а из Смоленской губернии, где Александр Дмитриевич служил в городе Порече, он вернулся в Петербург в конце 1825 года, так как был "переведен в штат Санктпетербургской Полиции на вакансию Частного врача того же 1825 года октября 3-го"⁷⁷. Полагаем, что свадьба не могла быть позднее самого начала 1830 года — в сентябре этого года родился первый ребенок в семье. Итак, бракосочетание А.Д.Бланка и А.И.Грошопф не могло состояться ранее конца 1825 года и позднее начала 1830 года. Скорее всего, произошло оно в 1829 году. Того же мнения придерживается и Штейн. Эта дата объясняет и брак "безродного" выкреста Бланка с невестой из дворянской благополучной семьи Грошопфов: отец семейства умер, невесту не первой молодости необходимо было "пристроить" за более или менее приличного человека.

С 1830 года в семье стали появляться один за другим дети. Всего их было шесть:

- 1) Дмитрий, 9.IX.1830—1850;
- 2) Анна, 30.VIII.1831—1897, в замужестве Веретенникова;
- 3) Любовь, 29.VIII.1832—24.XII.1895, в первом браке — Ардашева, во втором — Пономарева;
- 4) Екатерина, 25.XII.1833—1880(1883), в первом браке — АLEXИНА, во втором — Залужская;
- 5) Мария, 22.II.1835—12.VII.1916, в замужестве Ульянова;
- 6) Софья, 24.VI.1836—1897, в замужестве Лаврова⁷⁸.

Совместная жизнь Анны Ивановны и Александра Дмитриевича оказалась недолгой. В 1838 году от туберкулеза легких супруга скончалась. Она не могла заглянуть в будущее и узнать, что одной из ее дочерей, а именно Марии Александровне, суждено было выйти замуж за Илью Николаевича Ульянова и стать матерью человека, вошедшего в историю крупнейшей политической фигурой XX века, — Владимира Ильича Ульянова (Ленина).

¹ *Rauch G., von. Lenins Lübecker Ahnen // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Bd.40. Lübeck. 1960.*

² *Brauer A. Lenins Vorfahren im Lübecker und mecklenburgischen Raum und ihre Anverwandten // Genealogie. Hf. 5. 1970.*

³ *Шагинян М. Семья Ульяновых. М., 1938.*

⁴ Город Любек расположен на севере Германии, в 15 км от Балтийского моря, при впадении в реку Траве ее притока Вакинец, на Трава-Эльбском канале. Город был основан в 1143 г. близ разрушенного славянского поселения Любек (1137 г.). С 1226 г. получил право вольного имперского города, а в XIII-XV вв. возглавлял Ганзейский союз. Победа Швеции в тридцатилетней войне повлекла за собой упадок балтийской торговли и отрицательно сказалась на положении Любека: падает его экономическое и политическое значение. В 1806 г. после захвата и разгрома города французскими войсками Любек вошел в империю Наполеона. С 1815 г. он стал вольным ганзейским городом в составе Германского союза, а в 1871 г. был включен в Германскую империю. (См.: Новый энциклопедический словарь. Брокгауз-Ефрон. Пг., 1916. Т.25. С.175).

⁵ Герцогство Мекленбург состояло из двух великих германских герцогств: Мекленбург-Стрейлиц и Мекленбург-Шверин. Последнее находится на берегу Балтийского моря и на северо-западе граничит с областью города Любека. Название Мекленбург восходит ко времени поселения здесь полабских славянских племен бодричей и лютичей и основания их города, называвшегося Микилинбор (Микюлин бор?) близ теперешнего города Висмара. В XII в. славянские племена были завоеваны саксонским герцогом Генрихом Львом. Сын последнего князя бодричей, приняв христианство, в качестве вассала получил обратно свои земли. От него по прямой линии происходят герцоги Мекленбургские, династия которых единственная в Западной Европе имеет славянское происхождение. Интересно, что вплоть до XVII-XVIII вв. население оказывало сопротивление германизации и сохраняло славянскую культуру и обычаи. В 1867 г. Мекленбург вошел в Северо-Германский союз, а в 1871 г. — в Германскую империю. (См.: Новый энциклопедический словарь. Брокгауз-Ефрон. 1896. Т.37. С.2).

⁶ Вплоть до начала XX в. в Любеке сохранялось деление жителей на подданных ("Staatsangehörige") и граждан ("Bürger"), причем политические права принадлежали только последним. Гражданство могло быть приобретено лишь после пятилетнего пребывания в городе, с уплатой подоходного налога на доход не менее, чем в 1200 марок (конец XIX в.). Правом участвовать в выборах пользовались граждане, достигшие 25-летнего возраста. Насколько узка была эта прослойка, можно судить по тому, что в выборах в конце XIX в. участвовало только 8% населения Любека. (См.: Новый энциклопедический словарь. Брокгауз-Ефрон. Пг. 1916. Т.25. С.175).

⁷ Немецкий термин "meister" (майстер) не соответствует буквальному русскому переводу, означающему специалиста высокого профессионального уровня. В середине века он говорил о принадлежности к ремесленному цеху-гильдии. Название цеха свидетельствовало о профессии человека, а добавление "мастер" — о наличии у него своего собственного дела, мастерской, средств производства. Стать мастером, т.е. полноправным членом цеха, можно было, пройдя путь: ученик-подмастерье-мастер. Но фактически переход этот, означавший продвижение по социальной лестнице, могли одолеть далеко не все, т.к. существовали строгие правила сдачи экзаменов на мастера. В разных городах критерии выдвигались разные, к тому же со временем требования для кандидатов в мастера все возрастали. "Уставы ганзейских городов Германии, и среди них прежде всего Любека, предъявляли к новичкам более высокие требования относительно их социального происхождения и моральных достоинств, чем какие-либо другие". (Полянский Ф.Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы в XIV-XV вв. М., 1952. С.211-212). Таким образом, стать мастером, особенно в Любеке, было непросто. Это была замкнутая корпорация, имевшая высокий общественный статус.

⁸ Brauer A. Op. cit. S.134.

⁹ Ibid. S.138.

¹⁰ Ibid. S.137.

¹¹ Ibid. S.142.

¹² Ibid. S.137.

¹³ Кистер — священнослужитель, занимающийся в церкви различными хозяйственными вопросами.

¹⁴ Brauer A. Op. cit. S.137.

¹⁵ Ibid. S.138.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. S.135.

¹⁸ Ibid. S.136.

¹⁹ Ibid. S.138.

- ²⁰ Ibid. S.138-139.
- ²¹ Ibid. S.139.
- ²² Ibid. S.
- ²³ Ibid. S.140, 143.
- ²⁴ Ibid. S.141.
- ²⁵ Виллерс У. Ленин в Стокгольме. Стокгольм, 1970; Бакман К. Новое о шведских предках В.И.Ленина // Новая и новейшая история. 1997. №3.
- ²⁶ Виллерс У. Указ.соч. С.3; Brauer A. Lenins Vorfahren im Lübecker Op. cit. S.142; Бакман К. Указ.соч. С.161.
- ²⁷ РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.24. Л.51.
- ²⁸ Там же. Д.52. Л.905.
- ²⁹ Там же. Д.24. Л.51.
- ³⁰ Там же. Л.50.
- ³¹ Упсала находится в 66 км от Стокгольма на реке Фюрис. Это центр Упсальского лена и университетский город с 1477 г. С древнейших времен здесь проходили сельскохозяйственные ярмарки, процветала торговля, но промышленность даже в конце XIX в. была развита незначительно. (БСЭ. М. 1977. Т.27. С.51-52). См. Прилож. №3.
- ³² Бакман К. Указ.соч. С.160.
- ³³ Там же. С.161.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Виллерс У. Указ.соч. С.3.
- ³⁷ Бакман К. Указ.соч. С.161.
- ³⁸ Кондаков С.Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764-1914 гг. СПб., 1914. Ч.1-4. С.113.
- ³⁹ Виллерс У. Указ.соч. С.3.
- ⁴⁰ В Швеции еще в XVIII в. далеко не все имели постоянную фамилию. Простые люди чаще пользовались отчествами или прозвищами. Так, сын какого-нибудь Карла становился Карлсоном, а дочь Ханса — Хансдоттер. Меняя свое социальное положение, становясь ремесленником, торговцем, человек мог произвольно взять себе фамилию. Например, при вербовке в солдаты или матросы можно было получить фамилию-прозвище: "Хёк" — "Ястреб". Более образованные люди, поступая на службу или становясь священнослужителями, чаще старались взять фамилию с латинизированным окончанием на "ус". Часто родные братья носили разные фамилии. Сегодня это не только требует пояснения, но и затрудняет поиски в архивах.
- ⁴¹ Бакман К. Указ.соч. С.164.
- ⁴² Там же. С.162.

- ⁴³ РЦХИДИ. Ф.13. Оп.1. Д.138. Л.1.
- ⁴⁴ Там же. Ф.11. Оп.5. Д.61 Л.35.
- ⁴⁵ Устное сообщение сотрудников музея В.И.Ленина в Ульяновске.
- ⁴⁶ *Brauer A.* Op. cit. S.136.
- ⁴⁷ *Rauch G., von.* Lenins Lübecker Ahnen. S.98.
- ⁴⁸ Ibid. S.99.
- ⁴⁹ *Штейн М.Г.* О немецких родственниках В.И.Ульянова (Ленина) // Из глубины времен. Альманах. (СПб). 1994. № 3. С.186–187.
- ⁵⁰ *Brauer A.* Op. cit. S.135.
- ⁵¹ *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С.31.
- ⁵² РЦХИДНИ. Ф.13. Оп.1. Д.138.
- ⁵³ Там же. Ф.11. Оп.2. Д.24. Л.50.
- ⁵⁴ *Rauch G., von.* Op. cit. S.101.
- ⁵⁵ *Brauer A.* Op. cit. S.142.
- ⁵⁶ РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.24. Л.50.
- ⁵⁷ *Штейн М.Г.* Указ.соч. С.179.
- ⁵⁸ Там же. С.187.
- ⁵⁹ Там же. С.180.
- ⁶⁰ Штейн упоминает также формулярные списки 1820, 1825, 1841 и 1857 гг., отмечая, что в них даты рождения К.И.Грошопфа различны: 1790, 1794 и 1796 гг.
- ⁶¹ РЦХИДНИ. Ф.13. Оп.1. Д.138.
- ⁶² *Rauch G., von.* Op. cit. S.100.
- ⁶³ *Нистрем К.* Адрес-календарь. Наглядный указатель С-Петербурга. Приложение. СПб., 1844. С.4.
- ⁶⁴ *Нистрем К.* Адрес-календарь санктпетербургских жителей. Т.2. Календарь чиновников. СПб., 1844. С.360.
- ⁶⁵ РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.24. Л.52.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же. Ф.13. Оп.1 Д.138.
- ⁶⁸ *Томуль Е.* За строкой архивных документов // Истоки: Вестник Ульяновского филиала Центрального музея В.И.Ленина. 1990. №1.
- ⁶⁹ *Rauch G., von.* Op. cit. S.100.
- ⁷⁰ Ibid.
- ⁷¹ *Штейн М.Г.* Указ.соч. С.180.
- ⁷² РЦХИДНИ. Ф.11. Оп.2. Д.24. Л.52.
- ⁷³ Там же. Ф.11. Оп.5. Д.61. Л.34. Альбом "Семейная хроника деда В.И.Ленина", составленный К.К.Ардашевой-Желиговской и Т.П.Жаковой-Басовой в 1972 г.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Штейн М.Г. Указ.соч. С.180.

⁷⁶ История Императорской Военно-медицинской академии (б. Медико-хирургической) 1798-1898 гг. Приложение. СПб., 1898. С.133.

⁷⁷ РЦХИДНИ. Особая папка № 3. Д. № 59/632. Ф.1291. Оп.10. Медицинский департамент. Из Центрального государственного исторического архива г.Ленинграда.

⁷⁸ Там же. Ф.11. Оп.2. Д.52. Л.932; Там же. Ф.11. Оп.5. Д.61. Л.2.

ГЛАВА V
НОВАЯ КНИГА О "ТАЙНАХ" РОДОСЛОВНОЙ ЛЕНИНА
Вместо послесловия

Мы готовили к публикации эту работу, когда вышла в свет новая книга М.Г.Штейна, рассказывающая о "тайнах" родословной Ленина. Михаил Гиршевич обратился к этой теме еще в начале 60-х годов. В своей новой работе он обобщил результаты как своего собственного исследования генеалогии Ленина, так и трудов многих авторов, занимавшихся в разное время этой проблемой. Задача книги, создатель которой считает себя преемником М.С.Шагинян, — завершить начатое ею дело, а именно: окончательно снять "завесу секретности с родословной Владимира Ильича"¹.

М.Г.Штейн, испытывавший на себе давление сил, которые пытались и до сих пор, по его мнению, пытаются любыми путями скрыть правду о предках Ленина, особо настаивает на том, что "генеалогия — наука точная, подтасовок не терпит"². Полностью солидаризируясь с этой позицией, остановимся на отдельных сюжетах книги, где автор, на наш взгляд, изменяет заявленному подходу.

Прежде всего это касается характеристики прадеда Владимира Ильича по материнской линии, Мойши Ицковича Бланка. Мы уже упоминали, что комплекс документов о нем хранится в настоящее время в Архиве Президента Российской Федерации. Впервые для широкой общественности их прокомментировал В.В.Цаплин, участвовавший в изъятии этих документов из архивов Житомирской и Хмельницкой областей в 60-х годах³.

М.Г.Штейн вышеупомянутых документов не видел и считал, что они уничтожены. Следуя за В.В.Цаплиным, он, однако, безусловно принял его негативную оценку личности Мойши Бланка. Для тех, кто незнаком с работой Цаплина, напомним некоторые обстоятельства жизни Бланков в Староконстантинове и Житомире,

поскольку они проливают свет на атмосферу, в которой формировались личность и убеждения деда Владимира Ильича — А.Д.Бланка.

В начале XIX века мещанин Мойша Бланк был приписан к староконстантиновскому еврейскому обществу, занимался шинкарством — традиционным делом еврейского населения, жившего в черте оседлости. В его собственном доме находилось питейное заведение, приносящее ему каждую неделю 10 рублей серебром чистого дохода. Кроме того, в Новоград-Волынском уезде (повіте) Бланк арендовал землю, засевая ее собственными силами цикорием. Был женат на женщине по имени Марем (Марьям), от брака с которой имел двух сыновей: Абеля и Сруля.

Документы свидетельствуют, что с 1803 года Мойша Ицкович оказался в перманентном конфликте с кагалом⁴. Так, в 1803 году его обвинили в краже чужого сена, в 1805 году против М.И.Бланка и шурина его, Вигдора Фроимовича, было возбуждено уголовное дело по обвинению их в незаконной продаже простой водки вместо фруктовой. Оба дела рассматривались в местном гражданском суде, который признал Бланка в обоих случаях невиновным. Комментируя события, В.В.Цаплин заметил, что "этого оправдательного решения еще недостаточно для того, чтобы считать его идеально честным и безупречным представителем своего сословия даже с точки зрения господствовавшей в то время морали"⁵.

Само суждение Цаплина, на наш взгляд, вынесено без учета реалий внутренней религиозно-бытовой жизни еврейского общества в начале XIX века. Иначе его насторожило бы, что оба иска рассматривались в обычном порядке гражданского судопроизводства. Дело в том, что в местностях, присоединенных к России после разделов Польши, делами еврейского общества заведовал кагал, действовавший как орган самоуправления евреев. Вместе с тем, кагал ведал финансами общины, раскладкой податей, распоряжался различными статьями доходов, а также был наделен судебными функциями по делам разного характера, возникавшим между евреями. Несмотря на то, что Городское положение 1785 года уравнивало евреев в правах с другими гражданами, в том числе ввело норму, чтобы дела между евреями разбирались не в еврейских, а в общих

судах, на практике кагально-раввинская организация сопротивлялась вмешательству нееврейской власти в дела своего внутреннего быта. Обычно заподозренный в краже или продаже негодной водки вызывался в кагальный суд, допрашивался и в случае признания вины подвергался наказанию. У кагала, жестко регламентировавшего как общественную, так и частную жизнь евреев, оставались огромные материальные возможности, чтобы наказать ослушников. Однако в случае с Мойшей Бланком кагал почему-то решил расправиться с ним руками местной (нееврейской) власти.

В 1806 году М.Бланка обвинили в оскорблении кагального Штейнберга и в доносе местным властям на то, что некоторые евреи или утаивают, или своевременно не приписывают к ревизии родившихся детей. Согласно еврейской традиции подобные действия рассматривались как тяжкие преступления против кагала. Доносительство государственной власти возбранялось под угрозой херема (проклятия). Подвергшийся херему становился изгоем, его преследование объявлялось богоугодным делом.

"Положение о евреях" 1804 года лишило кагал права прибегать к суровым мерам воздействия на народ, в частности, предавать херему. Видимо, считаясь с этим, кагал решил уничтожить своего врага по-другому. В 1808 году 22 жителя Староконстантинова, Кременца и Бердичева обвинили его в поджоге города Староконстантинова. Пожар произошел 29 сентября 1808 года. Сгорело значительное количество строений. Бланка арестовали. Уголовное дело, начатое в Новоград-Волынском магистрате, передали в Сенат, где оно и было заслушано 3 июля 1809 года. Коллективный донос не убедил Сенат в виновности Бланка, и его освободили из-под стражи. Однако жить в Староконстантинове стало невозможно, и семья Бланков спешно перебирается в Житомир.

Комментируя эти драматические события, В.В.Цаплин видит их причину в несносном характере Мойши Ицковича, не сумевшего и не желавшего поладить с кагалом. Спору нет, характер у Бланка был действительно "неудобный". Однако в "Деле об убытках, понесенных Староконстантиновским мещанином М.И.Бланком по делу о поджоге будто им города Староконстантинова", хранятся

документы, позволяющие предположить, что у этого конфликта была и иная подоплека.

Выявляя в 1965 году документы о семье Бланков в Государственном архиве Житомирской области, Цаплин получил это дело в день перед отъездом и ознакомился с ним спешно⁶. Видимо, поэтому он пропустил содержащееся в деле прошение Мойши Бланка на имя императора от августа 1816 года. Семь лет спустя после своего отъезда из Староконстантинова, где остались дом и все имущество, Бланк пишет о причинах столь поспешного бегства: "Каким мщением пылали ко мне староконстантиновские евреи, упоенные фанатизмом якобы за религию свою. Они, считавшие меня отступником от религии потому, что я [своею] сохраняя истинный закон Моисея отвергал суеверные обряды к истинной религии не относящиеся и еще восставал противу буйственных их о христианской религии и исповедующих оную мнений, преследовали меня с таким остервенением, что жизнь моя всегда находилась в опасности, и я для сохранения оной должен был оставить собственный свой в городе Староконстантинове дом и искать спасение в губернском городе Житомире. Чтобы более иметь способов предохранения себя от преследования врагов моих и посягания на жизнь мою и нанимал для себя и семейства своего для жительства дом, тогда когда имел свой собственный и не мог в оном житьствовать"⁷.

Бланк объяснял причину конфликта с кагалом своим религиозным инакомыслием. Возможно, Цаплин не обратил внимания на этот документ, посчитав его уловкой ябедника. Однако в том же деле есть свидетельства противной стороны, которая в ходе судебной перепалки, среди прочих грехов, обвиняла Бланка и в том, будто он кичился, что следует "истинному Закону Моисея", в отличие от других, якобы погрязших в предрассудках. Эти документы позволяют предположить, что одной из причин конфликта Бланка с кагалом было его критическое отношение к внутреннему быту еврейского общества, а попытки возвысить голос протеста повлекли за собой в течение пяти лет четыре судебных разбирательства, целью которых было заставить его замолчать.

Интересно, что прошение Бланка на имя императора, написанное в августе 1816 года, не дошло до адресата, перехваченное местной администрацией. Вскоре произошел инцидент, ставший предметом нового судебного разбирательства, грозившего самому Бланку и его старшему сыну Абелю ссылкой на поселение в Сибирь. 18 ноября 1816 года М.Бланк пришел в дом к сыну, видимо, недавно женившемуся. Сына дома не было, а его молодая жена Малка Потца стала требовать у свекра обещанную за Абелем в приданое сумму денег. Началась перебранка. На крик собрались соседи, кто-то ударил Мойшу Ицковича сзади. На вопрос Бланка, кто его ударил, приезжий фактор Янкель Шиманович, остановившийся в доме сына, указал на Абеля. Мойша обратился в городскую полицию с просьбой взять под стражу сына за неповиновение родителю и причинение побоев. Абель был арестован. Началось следствие. Однако единственный свидетель, спровоцировавший Мойшу на прошение о взятии сына под стражу, исчез из города. 30 ноября М.Бланк подал новое прошение на имя гражданского губернатора с просьбой освободить сына, пострадавшего из-за наговора, и оставить его прежнее прошение без дальнейшего производства, предав его забвению.

Гражданский губернатор поручил городскому магистрату проверить законность прошений Бланка, а также обратить внимание на поведение отца и сына. 31 декабря был проведен допрос 12 житомирских евреев о поведении Бланков, и они под присягой его одобрили. Такой же опрос был проведен в Староконстантинове, где Бланки были записаны по ревизии. Здесь же 12 староконстантиновских евреев под присягой утверждали, что "с самого начала знания их Мошка Бланка оный Бланк был поведения самого худшего по еврейскому закону, подвергал себя неоднократно криминалу, замечен в разных воровских делах и блудодействованию"⁸.

Несмотря на положительные отзывы житомирских евреев, городской магистрат Житомира, основываясь на показаниях староконстантиновских евреев, признал Мойшу и Абеля Бланков "неодобренными", постановил в целях "воздержания их впредь от худых поступков отдать их 6-ти житомирским оседлым и ни в чем

неподозрительным жителям о честной их впредь жизни на поруки, а в случае не взятия на таковые, согласно указу 1763 года февраля 10-го числа сослать оных Мойшу и Абелья Бланков в Сибирь на поселение". За недоказанностью вины Абель был отпущен из-под ареста, а Мойше пришлось заплатить пятьдесят рублей ассигнациями за необоснованные прошения и дать подписку, что он впредь не будет затруднять начальство подобными жалобами.

Казалось бы, этот эпизод семейной жизни Бланков — еще одно свидетельство конфликтного характера Мойши Ицковича. Однако действия странного свидетеля, оговорившего сына перед отцом, спровоцировавшего Бланка на обращение в суд и исчезнувшего в момент следствия, дают основание предположить, что конфликт был организован. Действительно, новое судебное разбирательство, последовавшее вскоре после обращения Бланка за поддержкой к императору, дало возможность староконстантиновским евреям скомпрометировать его перед местной властью.

Обращаясь к императору, М.И.Бланк заявлял о своем несогласии с религиозным фанатизмом еврейского общества, сопровождавшимся нетерпимостью к окружающим христианам. Этого было достаточно, чтобы кагално-раввинская организация объявила его "преступником еврейского закона, погрязшим в блудодействии".

Конфликт Бланка с кагалом пришелся на первую четверть XIX века, когда русское правительство пыталось провести культурную реформу еврейского общества с целью преодоления его религиозно-национальной замкнутости. Эти попытки находили поддержку среди наиболее продвинутой части еврейства, понимавшей, что с переходом в русское подданство вовлечение в общегражданскую жизнь невозможно без культурного сближения с окружающим населением. Еще в последние десятилетия XVIII века среди польско-литовского еврейства распространились идеи немецкого философа Моисея Мендельсона (1729—1786), выступавшего за союз еврейской традиции и европейского просвещения. Сторонниками мендельсоновского движения часто выступали богатые еврейские купцы, имевшие торговые сношения с промышленными центрами Западной Европы. В первое десятилетие XIX века в отдельных местностях России в черте оседлости евреев стали самостоятельно

появляться ячейки последователей Мендельсона. Крупнейшим еврейским просветителем первой половины XIX столетия считается Ицхак Бер Левинзон (1788—1860), большую часть жизни проживший в Кременце на Волыни. Он резко критиковал традиционное еврейское образование и призывал евреев изучать светские науки и русский язык⁹.

Взгляды еврейских просветителей — сторонников сближения с русским народом импонировали русскому правительству. Однако, по мнению еврейских историков, правительство само обессилило культурную реформу, не решившись в первой четверти XIX века упразднить власть кагально-раввинского союза над еврейским народом. Официальный раввинат, озабоченный ослаблением своего влияния и продолжавший держать еврейский народ в тисках обрядовых стеснений, повел борьбу против попыток насаждения светского образования среди евреев. В этой борьбе он нашел себе сторонника в лице "заклятого врага" — хассидизма, появившегося, как известно, на Подолии¹⁰ и привлечшего к себе в конце XIX века значительное население Подолии, Волыни и Украины. Хасиды, выступавшие против схоластики официального раввината, с одинаковой ненавистью относились и к науке. Как пишет Ю.Гессен: "Хасиды и их противники были в одинаковой мере заинтересованы в том, чтобы кагал решительно выступил против малейшей попытки насадить просветительские идеи среди еврейского общества"¹¹. В этих условиях лиц, критически относившихся к внутреннему быту, принуждали молчать. Тот же Гессен отмечает: "Отдельные личности были совершенно бессильны бороться с кагалом, располагавшим материальными средствами, привлекавшим нередко на свою сторону местную администрацию, и его власть фактически не была умалена"¹².

Эти нормы внутреннего быта еврейского общества, как нам представляется, повлияли на судьбу М.Бланка и его сыновей. Вероятно, Мойша Бланк с самого начала своей жизни в Староконстантинове был чужаком. В отличие от М.Г.Штейна, мы не считаем версию В.В.Цаплина о том, что "М.И.Бланк поселился здесь будучи уже взрослым", безосновательной¹³. Нам удалось познакомиться с дневником Цаплина, который он вел, работая в 1965 году

в архивах Житомирской и Хмельницкой областей. Записи в нем доказывают, сколь скрупулезно этот опытейший архивист выискивал документы, касающиеся Бланков. Вряд ли поэтому не стоит доверять его утверждению, что в первой четверти XIX века фамилия Бланк на Волыни распространения не имела. Исследователь этимологии еврейских фамилий в СССР Абрам Соломонович Приблуда считал, что эта фамилия немецкого происхождения и означает в переводе с немецкого "белый"¹⁴. Возможно, Бланки пришли в Россию из Германии или из Австрии.

Предположение о том, что конфликт с кагалом был вызван не только сложным характером Бланка, но и его стремлением к сближению с христианским окружением, подтверждает и тот факт, что в Житомире Мойша Ицкович довольно мирно уживался с евреями, несмотря на то, что рискнул отдать своих сыновей учиться в общеобразовательное христианское училище. Для подобного шага в то время нужно было иметь достаточно мужества. "Положение о евреях" 1804 года предоставило еврейскому населению доступ во все государственные школы. Однако призыв властей отдать еврейских детей в общие с христианами школы вызвал ожесточенное сопротивление кагалов. "Стремление кагалов, — писал Ю.Гессен, — было направлено к тому, чтобы еврейские дети не обучались не только в казенных школах, но и вообще у учителей-христиан и даже у немецких евреев. Их тревожило, что наука поколеблет в детях рвение в исполнении требований религиозно-обрядовой традиции"¹⁵. Закон 1804 года не носил принудительного характера, каждая семья самостоятельно должна была решать вопрос о поступлении детей в общую школу. Но, делая свой выбор, родители бросали вызов кагалу. С 1807 года, когда кагалам было предложено высказаться по сути культурной реформы, последние не щадили сил, чтобы задавить саму мысль о необходимости приобщения детей к светской культуре. Понятно, что осмелившийся преступить традицию, становился мишенью для соплеменников, вызывал их гнев и ненависть.

Сыновья Мойши Бланка росли в семье, постоянно конфликтовавшей с кагалом. Обучаясь в житомирском поветовом училище, они близко общались с христианами. В этих условиях, видимо, у

молодых людей оформилось желание преодолеть замкнутый круг еврейского быта, включиться в общегражданскую жизнь российских подданных, поступить на государственную службу. Так случилось, что их путь к намеченной цели прошел через принятие христианства и ассимиляцию, означавшие разрыв с культурой своего народа.

На склоне лет крестился и сам Мойша Ицкович Бланк. Об этом мы узнаем из его письма к императору Николаю I от 18 сентября 1846 года. Первый публикатор этого письма, М.Г.Штейн, оценил его как "любопытнейший документ, характеризующий и эпоху, и личность автора — человека, который стремился причинить вред соплеменникам, может быть, даже без непосредственной пользы для себя"¹⁶. Чтобы убедиться в справедливости этой оценки, попробуем прочитать письма М.Бланка в контексте эпохи и, в частности, на фоне мер, предпринимавшихся правительством в 40-е годы XIX века для преобразования еврейского быта.

Обращаясь к императору с благодарностью за милости, оказываемые своим верноподданным, Бланк писал, что "и евреям была оказана великая милость учреждением школ для их детей, дабы они были в состоянии приобретать себе честным образом пропитание как то делают и другие образованные люди, а для достижения сего весьма полезен Указ, повелевающий, чтобы они одевались, как христиане. Но большая часть Евреев, т.е. нижний класс из них, почитает сей благодетельный указ как за несчастье"¹⁷. Как видно, Бланк приветствовал высочайший указ от 13 ноября 1844 года об учреждении особых общеобразовательных еврейских училищ, чем облегчался доступ еврейских юношей в другие общеобразовательные учебные заведения. Эта правительственная мера, и последовавший за ней в декабре 1844 года указ об упразднении кагалов, были сочувственно приняты общественностью. Так, М.Л.Песковский, в целом критически оценивавший законодательство о евреях николаевской эпохи, отмечал, что создание особых училищ для евреев было наиболее благоразумной и полезной мерой как для еврейства, так и для русского общества и государства. Однако это нововведение вызвало "в среде еврейства множество самых нелепых толков и породило даже панику" — и это «спустя

40 лет после того, как "Положением" 1804 года евреям предоставлено было обучать своих детей во всех существовавших общеобразовательных учебных заведениях. Совершенно бесполезно, значит, было одно только "предоставление" тогда евреям права на общее образование»¹⁸.

Об этом же неадекватном отношении еврейства к просветительным намерениям правительства писал императору и М.И.Бланк, делая при этом нелицеприятный вывод: "в самом деле Евреи недостойны монаршей милости, по закоренелой ненависти, которую они питают к христианам". При этом он оговаривался, что "в этом виноваты не столько они, бедные люди, как Раввины, которые воспрещают все христианские обычаи... Поистине эти бедные люди не виновны, но соблазняются Раввинами"¹⁹.

Бланк предлагал ряд принудительных мер к сближению евреев с христианами, считая, что принуждение, примененное во благо заблуждающимся, оправдано. Видимо, такой подход, вполне разделяемый высшими правительственными кругами, объясняет тот факт, что письмо житомирского мещанина выделили из многочисленных жалоб евреев, которыми, по утверждению современного историка, были завалены власти на протяжении всего царствования Николая I²⁰. 26 октября 1846 года, представляя записки крещеного еврея Бланка императору Николаю I, министр внутренних дел Лев Перовский писал: "Предложения Бланка состоят в том, чтобы запретить Евреям ежедневную молитву о пришествии Мессии и повелеть молиться за Государя Императора и весь августейший дом Его. Запретить Евреям продавать христианам те съестные припасы, которые не могут быть употребляемы самими Евреями в пищу, как, например, квашеный хлеб во время пасхи и задние части битой скотины, запретить также христианам работать для Евреев в субботние дни, когда сии последние, по закону своему, работать не могут"²¹.

Как сообщает М.Г.Штейн, в декабре 1846 года Комитет для определения мер коренного преобразования евреев в России, опираясь на записку Бланка, принял решение: "сделать через Министерство Внутренних Дел распоряжение о строгом подтверждении и наблюдении, чтобы при Богомолении Евреев непременно совер-

шаемы были установленные молитвы за Государя и Императорскую Фамилию, подвергая виновных в неисполнении сего преданию суду по законам". Комментируя этот факт, Штейн заключает: "Бланк добился своего — не только новой молитвы, но и усиления враждебного отношения николаевского режима к ни в чем неповинным людям... По ненависти к своему народу Д.Бланка можно сравнить, пожалуй, только с другим крещеным евреем — одним из основателей и руководителей Московского Союза русского народа В.А.Грингмутом"²². Столь эмоционально выраженный приговор, на наш взгляд, мало согласуется с историческими реалиями.

В книге Ю.Гессена "История евреев в России", в главе, посвященной законодательству о евреях 40-х годов XIX столетия, автор писал: "Мысль о необходимости внести культурное преобразование в еврейский быт упорно держалась в правительственных кругах благодаря воздействию самих евреев, тех немногих из них, которые относились критически к жизни в черте оседлости; одни действовали в этом отношении открыто, другие — тайно; одни влияли непосредственно на представителей бюрократии; другие косвенным путем, высказывая свои мысли во всеуслышанье, находя в еврейской среде адептов, выступавших потом уже от своего имени. Не все говорили одно и то же о *характере* средств, с помощью которых следовало осуществить реформу, но нет сомнения, что отдельные евреи сочувствовали, в принципе, системе репрессивных мер, положенной правительством... в основу своей преобразовательной деятельности"²³.

Среди видных представителей еврейства, повлиявших на содержание правительственных реформ николаевской эпохи, Ю.Гессен называет выдающегося еврейского просветителя Ицхака Бер Левинсона; учителя, секретаря Варшавского еврейского комитета Германа Иезеаковского; крупного откупщика, коммерции советника Литмана Фейгина. Гессен приводит содержание записки Г.Иезеаковского, составленной по предложению министра внутренних дел Д.Н.Блудова, которая гласила: "Все знают, что в России евреи, почти без исключения, преданы телом и душою невежеству, фанатизму и обману, что умственные их способности подвизаются на поприще корыстолюбивых расчетов, что каждое ре-

мелко, требующее трудов и стараний, им ненавистно, что для них Отечество не существует... и что в надежде на другое, баснословное, раввинами им обещанное отечество, пренебрегают мерами, принятыми для их преобразования"²⁴.

Эти соображения по степени неприятия рутины жизни русско-го еврейства намного превосходят то, что писал в своей записке Бланк, однако Гессену не пришло в голову обвинить их автора в ненависти к своему народу. Он указывал на односторонность позиции радетелей просвещения, не останавливавших внимание правительства на правовых стеснениях евреев в России, которые, по его мнению, обуславливали экономическое убожество еврейского населения и вместе с тем препятствовали культурному общению евреев с окружающим населением. Объясняя эту односторонность, Гессен подчеркивал: "То было время умственной и нравственной аберрации. Всякое средство считали пригодным для достижения цели. Грубая сила, которую злоупотреблял ортодоксальный господствующий класс, заставляла и прогрессистов идти по пути насилия. Лозунг — кто не со мной, тот против меня — затемнил сознание даже лучших людей"²⁵. Что же говорить о перекосах в сознании рядового мещанина, который, вероятно, был всего лишь адептом критиков духовного состояния русского еврейства?

В опубликованном М.Г.Штейном письме М.И.Бланка к императору он упоминал: "...еще 7 июня 1845 года я писал то же самое, что и теперь, и отправил мое послание Г-ну Губернатору для дальнейшей пересылки. Но я полагаю, что Евреи нашли средства воспрепятствовать отправлению моего письма"²⁶. Бланк ошибался. Его письмо было передано в управление Киевского военного, Подольского и Волынского генерал-губернатора, оттуда 16 июня 1845 года направлено в Петербург, шефу жандармов графу Алексею Федоровичу Орлову. В сопроводительном письме сообщалось: "...Бланк, как доносит мне Житомирский Губернатор, есть выкрест из Евреев, беспокойного характера: ябедник, имеет за собою несколько ябеднических дел и совершенно не одобряется в поведении"²⁷. Отрицательный отзыв местных властей об авторе письма был воспринят в III-м отделении Собственной Е.И.В.Канцелярии

спокойно. Может быть, потому, что, по замечанию современного историка Б.Натанса, "за первую половину XIX века евреи приобрели в русских правительственных кругах репутацию сутяжников" из-за многочисленных жалоб, касающихся их личных интересов либо интересов их общины²⁸. 27 июня 1845 года управляющий III-м отделением генерал Л.В.Дубельт, входивший в состав Комитета для определения мер коренного преобразования евреев в России, направил донесение Бланка, написанное на еврейском языке, в азиатский департамент МИД с просьбой "перевести оное на русский язык и доставить вместе с оригиналом к графу Алексею Федоровичу" (Орлову. — *авт.*)²⁹.

Документы вернулись в III-е отделение в июле 1845 года. Перевод с еврейского гласил:

"Всемилодивейшему Отцу и Государю
нашему Императору Николаю Павловичу,
да ниспошлет Ему Всевышний
долголетнюю жизнь, мир, благословение и
да споспешествует Ему во всех делах!

Каждый разумный человек сознает благодеяние, оказанное Вашим Императорским Величеством Еврейскому народу, высочайшим повелением об определении еврейских детей в училища и наблюдении за приличною для него одеждою, что способствует к образованию сего народа; но низший класс сей нации смотрит на эту *Императорскую* милость, как на несчастье. Действительно он мало заслуживает сей милости; ибо я сам (воспринявший Св.Крещение 1-го января сего года на 90-м году от рождения и с тех пор посещаая Церковь, в коей приносятся молитвы о благоденствии Государя Императора, Наследника и Царской фамилии) замечал, что Евреи, хотя и предписано им Талмудом молиться о здравии Царствующего Императора, того не исполняют даже и в самый день примирения, не смотря на то, что они проводят тот же целый день в молитве в Синагоге. Хотя и есть в их молитвенных книгах форма возношений только имени Императора, а не Императорской Фамилии: но и эта никогда не исполняется и существу-

ет для одного вида. — В самой одежде и образе жизни, Евреи столь отдаляются от Христианских обычаев, что соделываются недостойными излиянных на них Монарших милостей; но тому виною суть их законоведцы, которые им воспретили принять обычаи других наций. Уже более 30-ти лет, как я узнал о таковых заблуждениях, отдал двух сыновей своих в училища, и лет 20 тому назад отправились они в Петербург, приняли Христианскую веру и изучились медицине, в последствии один из них умер там же, а другой определен на службу в Перми. — Жена моя, препятствовавшая мне до сих пор креститься, наконец тоже умерла и я решился провести остаток жизни в лоне Православной веры. Между Евреями многие склоняются к той же цели, но не смеют обнаружить желание, опасаясь лишиться отеческого наследства или удерживаемые женами от желания их соединиться с Христианами, а потому остаются в ожидании, что только Высочайшем по сему обстоятельству повелением разрушится наконец ненависть между Евреями и Христианами. Евреи не должны бы ненавидеть Христиан, ибо сии последние во многих отношениях приносят им пользу, откупая у них негодное к их употреблению мясо и квасный хлеб во время Пасхи. — И то и другое Евреи по религиозным их правилам должны бы бросить в воду, если б их Христиане у них не перекупали. Равным образом и в Синагогах в день Шабаша и примирения, когда никто из Евреев не может зажечь свечей, прислуживают им Христиане. Кроме того Евреи приобретают пропитание свое посредством торговли с Христианами. — Но Евреи пребывают в непрерывном ожидании пришествия Мессии и каждодневно читают такую молитву: верую в пришествие Мессии и во освобождение наше из изгнания, — из чего явствует, что они не могут быть ни добрыми подданными, ни друзьями Христиан, когда надеются в скором времени быть перемещенными в собственную свою землю. И так, чтобы привести в исполнение благодетельные намерения Вашего Императорского Величества в отношении образования Евреев необходимо Высочайшее повеление, в силу коего им воспрещается пользоваться впредь вышесказанными выгодами, получаемыми от Христиан, равномерно молитвы о освобождении по средством Мессии, как противные присяге под-

данства, воспретить; вместо того приказать им молить в Синагогах в праздничные и Сабашные дни за Ваше Императорское Величество, за наследника Престола и за всю Царскую Фамилию, а Раввинам не дозволить более объездов по своим приходам, ибо они соблазняют Евреев к лжеумствованию. Тогда только можно ожидать преобразования Евреев и тогда только они признают с благодарностью добрые намерения Вашего Императорского Величества.

(подписано) Дмитрий Иванов Блох

5. Июня 1845."³⁰

Выявленное нами письмо, хранящееся в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде III-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, по содержанию в основном совпадает с документом, опубликованном М.Г.Штейном. Тональность его более сдержанная. Оно воспринимается как основа второго письма, в котором было усилено эмоциональное неприятие предрассудков евреев в отношении христиан, а также конкретизированы некоторые детали биографии автора. Именно в этих деталях письма имеются разночтения. Так, в первом письме автор сообщал, что воспринял святое крещение 1 января 1845 года на 90-м году от рождения, а во втором писал, что был крещен 1 января 1835 года. Есть фактические различия и в других сюжетах писем. Например:

Письмо от 5 июня 1845 года

Уже более 30-ти лет, как я узнал о таковых заблуждениях, отдал двух сыновей своих в училища, и лет 20 тому назад отправились они в Петербург, приняли Христианскую веру и изучились медицине, в последствии один из них умер там же, а другой определен на службу в Перми³¹.

Письмо от 18 октября 1846 года

Уже 40 лет, как я отрекся от Евреев: обоих сыновей моих я воспитывал в христианских училищах, и в 1820 году послал их в Петербург, где они обучались медицине: один из них умер штаб-лекарем во время холеры, другой и теперь еще находится на службе — в Оренбургской губернии³².

Обращает на себя внимание и тот факт, что первое письмо подписано: "Дмитрий Иванов Блох", второе — "Дмитрий Бланк".

Происхождение этих еврейских фамилий разное. По свидетельству немецкого исследователя еврейских фамилий Геннце, "блохами" или "блиохами" назывались в Германии выходцы из Валахии, иногда из Италии. Фамилия же Бланк, означающая в переводе с немецкого "белый", родилась как кличка, обозначающая индивидуальные особенности внешнего облика, в частности, цвет волос³³.

Разночтения в текстах писем могли быть следствием ошибок в переводе с еврейского. К сожалению, оригинал письма, выявленного М.Г.Штейном, не сохранился. Располагая оригиналом на еврейском языке, сохранившимся в деле III-го отделения, мы обратились за помощью к лингвистам, специалистам по ивриту и идишу. Одни из них сразу отказались переводить еврейский текст середины прошлого века, другие столкнулись с проблемой его прочтения из-за незнакомого им способа написания. Заключение по тексту смог дать только старший научный сотрудник отдела рукописей Российской Государственной библиотеки И.В.Медведев, долгое время занимающийся исследованием рукописей хасидов.

По его мнению, в рукописи письма прослеживаются три разных почерка. Шапка написана на иврите оригинальной хасидской скорописью, распространенной среди хасидов западных губерний Российской империи, сформировавших, как известно, не только свой собственный стиль богослужения, но и свой стиль письменности. Основная часть письма написана другим человеком на идише, также со стилизацией под хасидскую графику. В письме много германизмов, причем немецкие слова написаны еврейскими буквами, встречаются и русские слова, написанные еврейскими буквами. Проанализировав графику основного текста письма, эксперт выдвинул предположение, что автор мог происходить из Германии или Прибалтики, а грамоте обучался у хасидов. Человек этот, безусловно, образованный, пренебрегавший даже в письме строгими канонами еврейской письменной традиции. Об этом свидетельствует, например, употребление арабских цифр, недопустимое в еврейской среде.

Содержание письма также свидетельствует о том, что автор был приверженцем идей Гаскалы, близким к кругам просвещенцев.

Порвав с иудейством, он тем не менее предупреждает в письме к императору об опасности принуждения евреев к крещению, считая, что единственный путь к преодолению отчуждения евреев и христиан — это образование. "Надеюсь, — заканчивает он письмо, — на наступление времен просвещенных для евреев, рожденных на территории этой великой страны". По утверждению эксперта, письмо подписано: "Дмитрий бен Изик Бланк". Причем подпись сделана малограмотным человеком: буквы как бы срисованы с прописей и составлены в слова так, как ребенок составляет слова из разрезной азбуки.

Пока нам не удалось объяснить причину явных несоответствий этих документов, ставящих под сомнение подлинность их авторства. Но справедливости ради следует сказать, что содержание писем с большой натяжкой может служить основанием сурового приговора, вынесенного М.Г.Штейном прадеду Ленина М.И.Бланку. На наш взгляд, это особенно важно подчеркнуть, поскольку книга Штейна создает философскую опору для любителей прямых аналогий. Так, подчеркивая значение тщательного изучения генеалогии Ленина для понимания его как человека и политика, Штейн обращается за поддержкой к высказыванию основателя аналитической психологии К.Ю.Юнга: "...причинной связью с родителями едва ли можно объяснить, чем является ребенок, как отличная от родителей индивидуальность. Можно даже рискнуть предположить, что не родители, а скорее генеалогия родителей (деды и прадеды, бабки и прабабки) являются подлинными прародителями детей и больше объясняют их индивидуальность, чем сами непосредственные и, так сказать, случайные родители"³⁴.

Опираясь на это положение, известный политик и ученый Г.Х.Попов в рецензии на книгу М.Г.Штейна приходит к выводу: "... не оставив Ленину ни земель, ни фабрик, ни капиталов, предки оставили ему гораздо более важное — добротную генетическую наследственность. Откуда же тогда ряд очевидно отрицательных черт Владимира Ильича? Судя по всему, от прадедушки Моисея Ицковича Бланка."³⁵ Следуя за Штейном в перечислении отрицательных деяний прадеда Ленина, Попов усиливает обвинительный пафос. "Бланк, — утверждает ученый, — добивался усиления

враждебного отношения николаевского режима к ни в чем не повинным евреям. Царизм реализовал даже идею Бланка *о запрете евреям носить национальную одежду*" (выделено нами — авт.)³⁶.

Из доступных любому читателю многочисленных трудов по истории евреев в России Гавриил Харитонович Попов мог бы узнать о том, что еще "Положение о евреях" 1804 года запрещало им носить национальную одежду за пределами черты оседлости. "Положение" 1835 года подтвердило этот запрет. "Положение о коробочном сборе" 1844 года установило плату за ношение еврейской одежды — с тем, чтобы полученные средства были направлены на создание общеобразовательных школ для еврейских детей. И все это было сделано без ведома мещанина из Житомира М.И.Бланка. Ю.Гессен в уже цитированном нами труде писал: "На дело просвещения был обращен и другой сбор — с традиционного платья. Он, впрочем, имел и самостоятельную цель, так сказать, культурную: бороться с одеждою, которая, по мнению правительства, отделяла евреев в общественной жизни от христиан. Эта точка зрения разделялась и прогрессивными евреями"³⁷. Среди ходатаев перед императором, добивавшихся в 40-х годах XIX века издания высочайшего повеления о запрещении носить еврейскую одежду, Гессен называет поэта и педагога Соломона Залкинда, библиофила Матеса Страшуна, пользовавшегося большим научным авторитетом в еврейском научном мире, и, наконец, видного писателя Мордехая Арона Гинцбурга. Как видно, Г.Х.Попов возводит напраслину на Бланка, заключая при этом: "Какая степень ненависти, остервенения, злобной мстительности должна была быть у этого прадеда Владимира Ильича! И как много аналогий возникает при сравнении отношения Бланка к евреям с отношением Ленина к своим политическим оппонентам!"³⁸

М.Г.Штейн начинает свою последнюю книгу о родословной Ленина с вопроса к его племяннице О.Д.Ульяновой, упорно признающей лишь русскую, шведскую и немецкую ветви в родословной Ульяновых. Зачем, вопрошает автор, когда фактически уже не действует цензура, когда сняты многие ограничения, заявлять об отказе от своих еврейских предков по линии бабушки М.А.Ульяновой (в девичестве Бланк)? Нам представляется, что в такой по-

зиции единственной прямой наследницы Ульяновых скорее выражен протест против распространенной сегодня практики использовать родословную В.И.Ленина для его дискредитации. Анализ доступных в настоящее время исследователям документов убеждает нас, что по материнской линии на генеалогическом древе В.И.Ленина есть русская, шведская, немецкая и еврейская ветви. Вместе с тем мы разделяем и точку зрения О.Д.Ульяновой, что "пока вопрос о предках В.И.Ленина по линии его деда — потомственного дворянина Александра Дмитриевича Бланка — требует дополнительного исследования"³⁹.

¹ Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб., ВИДР. 1997.

² Там же. С.6.

³ См.: Цаплин В.В. О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире // Отечественные архивы. 1922. №2. С.38—45.

⁴ Архив Президента Российской Федерации. Особая папка №3: Дело об убытках, понесенных староконстантиновским мещанином М.И.Бланком по делу о поджоге будто им города Староконстантинова; Определение присутствия Волынского главного суда 16 января 1826 года.

⁵ Цаплин В.В. Указ.соч. С.40.

⁶ АЭРФ. Ф.777. Оп.1. Д.45. Л.144.

⁷ Архив Президента Российской Федерации. Особая папка №3: Дело об убытках, понесенных староконстантиновским мещанином М.И.Бланком по делу о поджоге будто им города Староконстантинова. Л.39.

⁸ Архив Президента Российской Федерации. Особая папка №3: Волынский главный суд. Протоколы Волынского главного суда. 5 января 1817 года.

⁹ Аграновский Г. Типография Роммов и еврейские просветители в середине XIX столетия // История евреев в России. СПб., 1993. С.117.

¹⁰ Голицын Н.Н. История русского законодательства о евреях. СПб., 1888. С.371.

¹¹ Гессен Ю. История евреев в России. СПб., 1914. С.108.

¹² Там же. С.107.

¹³ Цаплин В.В. Указ.соч. С.38.

¹⁴ РЦХИДНИ. Ф.645.

¹⁵ Гессен Ю. Указ.соч. С.122.

¹⁶ Штейн М.Г. Указ.соч. С.43.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Песковский М.Л.* Роковое недоразумение: Еврейский вопрос, его мировая история и естественный путь к разрешению. СПб., 1891. С.305–306.

¹⁹ *Штейн М.Г.* Указ.соч. С.43–44.

²⁰ *Клир Джон.* Русская война против "Хевра кадиша" // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. СПб., 1993. С.110.

²¹ Документ был выявлен и впервые опубликован Г.М.Дейчем. См.: Еврейские предки Ленина: Неизвестные архивные документы о Бланках. Нью-Йорк, 1991. С.20.

²² *Штейн М.Г.* Указ.соч. С.46.

²³ *Гессен Ю.* Указ.соч. С.209.

²⁴ Там же. С.214–215.

²⁵ Там же. С.217.

²⁶ *Штейн М.Г.* Указ.соч. С.45.

²⁷ ГАРФ. Ф.109. Оп.1. Эксп.1845 г. Д.131. Л.1–10б.

²⁸ *Натанс Б.* За Чертой: Евреи, русские и "еврейский вопрос" в Петербурге (1855–1880) // Вестник Еврейского Университета в Москве. М.-Иерусалим, 1994. №2(6). С.20.

²⁹ ГАРФ. Ф.109. Оп.1. Эксп. 1845 г. Д.131. Л.2.

³⁰ Там же. Л.6–8об.

³¹ Там же. Л.6 об–7.

³² *Штейн М.Г.* Указ.соч. С.44.

³³ *Приблуда А.С.* Фамилии евреев в СССР. Рукопись. С.72–73. РЦХИДНИ. Ф.645.

³⁴ *Штейн М.Г.* Указ.соч. С.6.

³⁵ *Попов Г.Х.* Родословная Ленина // Известия. №72. 18 апреля 1998. С.5.

³⁶ Там же.

³⁷ *Гессен Ю.* Указ.соч. С.232.

³⁸ *Попов Г.Х.* Указ.соч.

³⁹ *Ульянова О.Д.* Родословная вождя // Правда. №4 (27823). 21–23 января 1998. С.2.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А.А. Веретенникова
НЕОКОНЧЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Жизнь моя близится к концу, который нисколько меня не пугает, я доживаю шестой десяток, я устала... Жизнь моя сложилась настолько тяжело, дала мне так мало радости и много горя, что я не жалею о ней... Оглядываясь на пройденный путь, нахожу его бесконечно длинным и удивляюсь, как у меня хватило сил идти по нему до сих пор.

В часы особенно любимого мною ночного безмолвия, когда кругом такая невозмутимая тишина, а мне не спится, вздумалось мне воскресить и передать бумаге те обстоятельства моего прошлого, которые сохранились в памяти. Многое я позабыла, но думаю, что по мере того как буду писать, некоторые факты будут всплывать из мрака, многое будет мне вспоминаться и делаться яснее. Жизнь моя самая заурядная и интереса для постороннего человека представлять не может, но детям моим, быть может, будет приятно прочесть эти воспоминания, и для них только я попытаюсь написать их.

Родилась я в 1833 году в Санкт-Петербурге, где отец мой, А.Д.Бланк, был в то время ординатором больницы, состоящей под покровительством герцога Лейхтенбергского (не помню, как она называлась). Ординаторы дежурили в этой больнице посуточно, у них была своя комната, и я помню, когда мне было года 3, а брату 5, нас приводили иногда к отцу во время его дежурства и оставляли часа на 2—3. Если случалось, что в это время приезжал герцог Максимельян, то мы старались выбежать в коридор, чтобы видеть его, и он всегда разговаривал с нами и ласкал нас.

Отец мой, малоросс по происхождению, окончил курс в Медико-хирургической академии, служил года три врачом где-то в Смоленской губернии, затем приехал опять в Спб., поступил, как сказано, ординатором в больницу и женился на моей матери, Анне Ивановне Грошопф (Groschopf).

Деда моего, ее отца, я не знала, он умер еще до замужества матери. Говорят, это был аккуратнейший немец, у меня в памяти сохранился рассказ о том, что каждое первое число месяца он принимал ложку касторового масла, говоря, что человеческий организм, как и всякую машину, следует обязательно прочищать и не давать засоряться. Силы и здоровья, говорят, он был богатырского, никогда не хворал, не верил никаким докторам и лекарствам. Чем он занимался, я не знаю, жил постоянно в СПб., имел большой многоэтажный дом на Васильевском Острове, на 18 линии по Набережной и умер лет около 70-ти, оставив жену и семь человек детей, из которых два сына были на службе, а две старшие дочери замужем. Состояние, кроме дома, он, кажется, не оставил.

Бабушку свою я хорошо помню, звали ее Анна Карловна, урожденная (stedt, родом она была шведка, у нее жила сестра ее Каролина Карловна (stedt, в то время уже очень пожилая девица. Ранее она была гувернанткой у Топорниных, богатых помещиков Уфимской губернии, прожила у них 20 с лишним лет, занимаясь воспитанием их многочисленных дочерей и сыновей.

Эти Топорнины были очень богатые люди, они безвыездно жили в своем имении, иногда проводя зиму в губернском городе Уфе, особенно когда дочери подросли и нужно было вывозить их. Когда пришло время поместить сыновей в пажеский корпус, Топорнины приехали в Питер, взяв с собой 20000 руб., прожили там 6 месяцев и ни с чем вернулись домой. Нужно было писать управлению, чтобы выслал денег. Когда воспитание малолетних Топорниных было окончено и почти все они были пристроены, Каролина Карловна оставила их дом и переехала в Петербург к сестре своей, к бабушке моей, хотя Анна Петровна Топорнина упрашивала ее остаться у них в качестве *amie de la famille* (друза семьи. — *публ.*). До самой смерти К.К. вся семья Т. сохранила к ней глубокое уважение, все члены ее находились с ней в переписке, обращаясь за советами и участием во всех важных случаях своей жизни, и я, будучи уже большой девушкой, часто слышала лестные отзывы о ней и от Анны Петровны, и от ее дочерей и внуков. Говорят, она была очень хорошо образована, кроме нее у молодых Топорниных не было учителей и воспитателей, она сама подгото-

вила сыновей для поступления в корпус. Переписывалась она с воспитанниками и впоследствии с теткой моей всегда на французском языке. С бабушкой моей, своей сестрой, она всегда говорила по-шведски; с раннего детства у меня сохранились воспоминания, как они иногда возвыщали голос, о чем-то спорили и кричали на этом языке, что выходило крайне негармонично, поэтому я в то время думала, что хуже шведского языка нет ничего на свете.

Бабушка моя, должно быть, была очень хороша собой в молодости. Я помню лицо ее лет 60 от роду, и тогда оно носило следы красоты. Держалась всегда прямо, наружностью своей и туалетом занималась очень много: до самой смерти (умерла она 70-ти лет) она с утра затягивалась в корсет, взбивала волосы и румянилась. Нас, внучат, она любила, но не особенно баловала и ласкала нас. Сестра ее, хотя лет на 10 моложе, казалась старше, красотой, кажется, не отличалась, роста была очень высокого, лицо ее было серьезно и мы, дети, боялись ее. Впоследствии, когда я была уже большой девушкой, тетка моя, воспитавшая нас, наставляла нас писать Каролине Карловне, поздравляя ее каждый год с праздниками Рождества и Пасхи. Писать обязательно мы должны были по-французски. Когда я была невестой, то Каролина Карловна, помню, написала мне длинное письмо, наполненное советами, и некоторые фразы этого письма до сих пор сохранились в моей памяти; например: "Постарайся, чтобы любовь, которую к тебе питает твой жених, перешла в настоящую дружбу, и не воображай, что эта любовь может длиться вечно, как это думают по неопытности многие девушки. Стремись сделать домашний очаг приятным для мужа, в этом великое женское искусство", и многое др. в этом роде. В то время бабушки в живых уже не было, а Каролина Карловна жила в доме у холостого дяди моего, Карла Ивановича Грошопф, где и умерла лет 73 отроду. В конце упомянутого письма Каролина Карловна писала, что дядя поздравляет меня и дарит 300 рублей. Письмо это было последнее, которое я от нее получила.

Братьев у моей матери было два — Карл и Густав, и хотя мне было лет 5—6, когда я видела их в последний раз, но живо помню их, особенно Карла Ивановича, моего крестного отца. Он был высок ростом, лицо его было несколько испорчено оспой, я его

помню всегда почти серьезным, редко улыбающимся, мы, дети, его очень любили, хотя и боялись. Хорошо помню дом его на Васильевском острове, расположение комнат, цвет обоев, кабинет. Странное дело, дом этот, где я только часто бывала и гостила по несколько дней, дом этот до мельчайших подробностей гораздо живее сохранился в моей памяти, чем дом отца моего на Петербургской стороне, где я жила; этот дом я совершенно позабыла, помню только, что мы с моста смотрели на пожар Зимнего дворца и что зрелище было великолепное.

Оба дяди мои, когда я родилась, уже давно были на службе, Густав Иванович — директором таможи в Риге, а Карл Иванович — вице-директором в департаменте внешней торговли. Как сейчас вижу его высокую фигуру, когда он с портфелем в руках проходил через залу, отправляясь на доклад к министру. Мы очень любили бывать в его просторном кабинете, осматривать вещи на письменном столе, картины и статуи. Книг у дяди было множество, вдоль всех стен стояли шкафы с книгами и нотами; дядя был страстный музыкант и отлично играл на скрипке; скрипок у него было штук восемь; в кабинете стояло несколько столов с футлярами, в которых лежали скрипки; особенно я помню, как он с нежностью и восторгом говорил об одной своей любимой скрипке, которая стоила очень дорого, и бабушка ворчала, что он тратит слишком много денег на скрипки и книги; впрочем, говорила она это только в его отсутствие, как мне кажется, несколько его побаивалась. Смотрела на него с уважением, очень любила его и гордилась им; он был главой семьи, к матери своей относился с большой любовью, и я помню, как нежно и почтительно целовал ее руку после обеда или прощаясь. Он никогда женат не был и жил сначала с бабушкой, и по смерти ее с теткой своей Каролиной Карловной. Сестер своих и племянников очень любил, не мешал им бегать по огромной зале и играть в кабинете, но строго запрещал дотрагиваться до своих вещей, в особенности книг и скрипок, и всегда говорил: *oculis non manibus* (глазами — не руками. — *перев. публ.*) и мы отлично понимали эту фразу.

Старшая тетка моя, Александра Ивановна Польш, была замужем за аптекарем в Киеве.

Живо помню я, как иногда в зимние сумерки забирались мы к нему на широкий диван перед горящим камином, и дядя рассказывал нам сказки, которые любил прерывать на самом интересном месте к нашему великому огорчению...

Печатается по публикации "Жизнь моя...интереса для постороннего представлять не может..." (журнал "Кто и как?" 1991. № 1).

А.И.Ульянова-Елизарова
АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ БЛАНК

Александр Дмитриевич Бланк родился в 1802 году в Житомире. Он был еврейского происхождения, из староконстантиновских мещан, был сыном Мошки Бланка и носил имя Абель.

Вместе со своим братом Израилем он учился в житомирском поветовом училище (нечто вроде среднего), окончив которое, оба брата попадают — каким образом неизвестно — в Петербург, принимают крещение и нарекаются: Абель — Александром, а Израиль — Дмитрием¹. Как явствует из свидетельства, крещены они "по предписанию митрополита" и восприемниками (т.е. крестными родителями. — *Прим. ред.*) их были знатные и чиновные люди: Дмитрия — действительный статский советник, сенатор Дмитрий Осипович Баранов и действительного статского советника Шварца жена, Елизавета Осиповна; Александра — действительный статский советник граф Апраксин и означенного г-на Баранова жена, Варвара Александровна.

Чем вызывается участие этих высокопоставленных лиц в судьбе братьев, нам опять-таки неизвестно. В одном только документе, а именно в метрическом свидетельстве одной из дочерей Александра Дмитриевича, встречается слабое указание, значится восприемницей "девица Любовь, дочь иностранного купца, Дмитрия Бланка".

Значит, был какой-то старший родственник Бланк, судя по имени его дочери, крещеный, носивший титул иностранного купца и, вероятно, имевший сношения с высшим торговым миром того времени. Тогдашние представители аристократии и чиновного мира не гнушались общением с купцами и вели через них свои дела, покровительствуя торговле и промышленности. Не этот ли Апраксин построил известный Апраксин рынок в Петербурге? Тут могли быть разного рода взаимные услуги, одной из которых явилось крещение двух юношей Бланк и помещение их в Медико-хирургическую академию.

По крайней мере другого объяснения участия высокопоставленных лиц в судьбе незнатных, приехавших с далекого юга юношей-евреев мы не видим.

Упомянутые братья Бланк направляются министром в Медико-хирургическую академию, куда, как гласит этот документ, "заслуживают быть принятыми как по поведению своему, так и по сиротству их в число казенных медицинских воспитанников". При этом министр считает нужным присовокупить, что "хотя бы они в латинском языке оказались не весьма успешными, то можно надеяться, что по известному их благонравию и прилежанию к наукам они впоследствии усовершенствуют себя в знании сего языка в самой Академии".

Таким образом братья были приняты в Медико-хирургическую академию, которую и окончили успешно, со званием лекарей, в 1824 году.

Окончив курс, Александр Дмитриевич поступил сначала врачом в Поречье Смоленской губернии, но уже в 1825 году перевелся в Петербург врачом при полиции. На этой службе, как гласит формуляр, "ему неоднократно объявляемы были благодарности за расторопность и усердие к службе, оказанные при возвращении к жизни утопших и угоревших".

Служба при полиции была, очевидно, не очень по душе ему, и в 1832 году он увольняется "согласно его желания по расстроенному здоровью из штата петербургской полиции", а через год, в 1833 году, определяется сверхштатным ординатором в больницу Марии-Магдалины. На этом месте он служил без жалованья, очевидно, дожидаясь штатной вакансии, 8 лет, до 1841 года. За это время состояние его, указанное в формуляре от 1841 г., "продано и на службе прожито, — ныне же у меня ни движимого, ни недвижимого имения никакого нет".

28 октября 1841 года князь Голицын пишет графу Строганову о том же Ал.Бланке, говорит, что последний известен ему "еще со времени поступления своего в Медико-хирургическую академию"; что он "прослужил в медицинском звании более 15 лет, выдержал экзамен на звание инспектора врачебной управы, удостоился награждения" и т.п., — просит причислить Бланка к медицинскому

департаменту впредь до открытия вакансии инспектора врачебной управы. Строганов отвечает Голицыну, что на основании просьбы за Бланка ему предложено было место инспектора Пермской врачебной управы, но он по семейным обстоятельствам не решается принять такового, другого же места нет.

Бланк в прошении указывает, что не мог принять места "по тогдашним моим крайним обстоятельствам", просит назначить его на оное теперь "с переменою сих обстоятельств". В прошении от того же числа на имя графа Строганова Бланк прямо указывает, что не мог принять предложенное ему в ноябре место "по причине недавней кончины жены моей, болезни двух из семерых бывших у меня детей и по другим домашним обстоятельствам, воспрешавшим мне предпринять предполагавшийся скорый путь".

20 февраля 1841 года состоялось постановление о назначении доктора Бланка инспектором Пермской врачебной управы. Затем поступило в медицинский департамент прошение Бланка о выдаче ему "свидетельства для беспрепятственного вступления в брак со вдовою чиновника 12 класса фон-Эссен, Катериной Ивановной". Таковое свидетельство было выдано, при рапорте от 18 апреля Бланком возвращено "по несостоявшемуся браку". Приложено и перечеркнутое накрест разрешение.

Бланк прибыл и вступил в должность инспектора Пермской врачебной управы 26 мая 1841 года.

5 августа 1842 года Бланк, будучи в Петербурге, подает прошение о перемещении его из Пермской врачебной управы в "одну из внутренних или западных губерний, где мог бы иметь возможность воспитывать детей". Мотивирует невозможность этого в Перми: "в продолжение моего пребывания испытывал крайние невзгоды за неимением там способов в воспитании малолетних моих детей, одного сына и пятерых дочерей, особливо будучи вдовым, притом по суровости тамошнего климата они подвергаются часто разным болезням". 13 октября 1842 года состоялось постановление: уволить.

В деле Департамента Герольдии Правительственного Сената по Казани "о дворянстве рода Бланк" мы видим рапорт Казанского

дворянского собрания от 8 ноября 1858 года, в котором указывается на просьбу Бланка выдать свидетельство о дворянстве на его пять дочерей.

Александр Дмитриевич Бланк был женат на Анне Ивановне Грошопф, дочери Иоганна Грошопфа, губернского секретаря, состоявшего в 1816 году консулентом в Государственной юстиционной коллегии лифляндских и эстляндских дел. Слово "консулент" на языке того времени означало, очевидно, юрисконсульта.

В браке с Анной Ивановной Грошопф у А.Д.Бланка было шесть человек детей: один сын и 5 дочерей.

Как видим из прошения Александра Дмитриевича Бланка от 9 апреля 1841 года в медицинский департамент о неимении препятствий для вступления его в брак с вдовой фон-Эссен, он имел намерение жениться на ней перед отъездом на службу в Пермь. То, что Бланк не указывает девичьей фамилии своей невесты, дает основание предполагать, что он надеялся замаскировать родство с нею (родная сестра его первой жены). Но выданное ему разрешение от 18 апреля возвращает в медицинский департамент обратно "по несостоявшемуся браку". Очевидно, брак этот встретил препятствия со стороны родных или еще кого-либо.

Надо сказать, что Александр Дмитриевич был после смерти жены в крайне затруднительном положении с 6 малолетними детьми, особенно поставленный в необходимость отъезда в далекую Пермь. Конечно, кто мог лучше заменить мать его детям, чем родная сестра их матери, крестившая двух меньших дочерей его. И Бланк попытался сделать смелый шаг. Последнее указывает на отсутствие в нем предрассудков, на смелый и увлекающийся характер. Проекту не суждено было осуществиться, но Екатерина Ивановна фон-Эссен поехала все же в Пермь с ним и его детьми, которым она заменяла мать, отклонив предложение какого-то выгодного брака.

После увольнения от должности инспектора Пермской врачебной управы Бланк определился в 1843 году в Пермские заводы для заведования Юговским заводским госпиталем. В 1845 году он перемещается на службу в Златоустовские заводы и определяется на вакансию доктора по Златоустовской оружейной фабрике, а в 1846

году исправляющим должность медицинского инспектора златоустовских госпиталей.

На этой службе он получает также прекрасные отзывы и представляется, как медицинский чиновник, прослуживший беспорочно 20 лет, к пенсии в половине жалованья, причем указывается, что, оставаясь на службе, может получать и пенсию, и жалованье. Последнее составляло для Бланка 571 р. 80 к. серебром в год, а пенсия, следовательно, 285 р. 90 к. в год.

С этой пенсией Александр Дмитриевич увольняется в 1847 году, переезжает со всей семьей в Казань, очевидно, чтобы не расставаться с сыном, который поступает в университет. Здесь он подыскивает небольшое имение, которое и покупает, — кажется, в 1848 году, в 40 верстах от Казани, при деревне Кокушкино Лаишевского уезда Черемышевской волости. Имение это покупается в значительной степени на деньги сестры его жены, Екатерины Дмитриевны фон-Эссен, на остальную сумму закладывается, и Александр Дмитриевич берется за хозяйство, большую часть доходов с которого должен ежегодно уплачивать в виде процентов. Здесь же, уже через год, постигает его тяжелое несчастье — он теряет сына-студента 19 лет, покончившего жизнь самоубийством.

Медицинская карьера Александра Дмитриевича кончается. Вольно он продолжает, правда, лечение некоторых приезжающих к нему — началось это лечение на Юговском заводе — по своему способу, тогда не практиковавшемуся еще: водолечение, молочная диета, питание яйцами, но дело это не развивает, пользуя, очевидно, лишь прежних своих пациентов. В результате своей медицинской службы Александр Дмитриевич становится ярым врагом общепринятой системы лечения, особенно лекарств, которыми тогда злоупотребляли. Он придает значение лишь хирургии, а про остальную медицину говорит, что врачи сами не знают болезней, что, давая лекарства, они только пробуют и приносят этим больше вреда, чем пользы. Его девизом было: "Чем живешь, тем и лечись", он писал, по свидетельству дочери, сочинение на эту тему, рукопись которого не сохранилась.

В воспитании детей он стоял за закаливание, дети одевались легко: в ситцевые платья с короткими рукавами и открытой шеей

зимой в довольно холодном деревенском доме. Им давалась простая пища — больше молочного, за мясную пищу Александр Дмитриевич тоже не стоял. Даже взрослыми дочери его не получали ни кофе, ни чая.

Когда одна из дочерей Александра Дмитриевича, гостившая молодой девушкой в Самаре у старшей сестры, тяжело заболела — нервной горячкой по терминологии того времени, брюшным тифом, как сказали бы теперь, — он, извещенный депешей, отправился в Самару. Отправился, конечно, на лошадях, ибо железных дорог в то время не было. Стоял март, весенняя распутица, и Александр Дмитриевич трясся на перекладных, причем дороги были местами так ужасны, что нельзя было сидеть, и он стоял, держась руками за облучок брички. По приезде в Самару он побросал первым делом за окно все пузырьки и коробочки с лекарствами, которых набралось немалое количество, стал устраивать больной общие компрессы, завертывая ее в мокрые простыни и накрывая одеялами и шубами. Потом делал ей ванны. По рассказу Марии Александровны, она стала поправляться после этого лечения, а летом, в Кокушкине, была посажена на усиленное питание молоком, яйцами.

Александр Дмитриевич отличался живой, деятельной натурой, общительным, очень располагающим к себе характером. В свою очередь, и он доверчиво относился к людям и легко увлекался ими. Мария Александровна рассказывала про один случай, когда какие-то приезжие были радушно приняты им в Кокушкине, предложили игру в карты и в результате обыграли гостеприимного хозяина на 80 рублей. Цифра эта по тогдашнему времени и по бюджету Александра Дмитриевича была громадной. Он был в отчаянии, но потом сказал: я это наверстаю. И принялся усиленно за работу. Приезжие были, очевидно, из породы шулеров.

Он любил музыку и отличался хорошим слухом. Эту способность его унаследовали две дочери, главным образом Мария Александровна, походившая на него лицом и характером больше всех других детей. Его независимость и отсутствие практичности, умения наживать деньги, устраиваться в жизни видны из всего его прослеженного нами образа жизни. Способный и отличный по отзывам всего его начальства работник, он не сумел выслужиться,

не сделал карьеры, три года безуспешно добивался места инспектора врачебной управы, которое дало бы ему возможность прокормить семью, и получил его наконец на далеком северо-востоке, почти в ссылке: беспорочный служака, как характеризует его также целый ряд документов, он был выкинут со службы за три года до выслуги пенсии. Хороший врач, получавший неоднократно благодарности, он не только не нажил чего-нибудь на службе, а прожил два дома — свой и жены. Он служил бесплатно 8 лет, все время идя вперед в науке — он добился звания сначала акушера, потом медико-хирурга, он изобрел свой метод лечения, во многом предвосхищавший позднейшие, более естественные методы, слава его в этом смысле одно время росла. Но он не сумел извлечь практической пользы и из этого, если бы не деньги его жены, давшие ему возможность поселиться относительно независимо, в глухой деревне, ему негде было бы склонить на старость голову, ибо жить с семьей на пенсию в 285 рублей он бы, конечно, не мог. И это несмотря на его связи — мы видим, что за него просит князь Голицын, указывая, что знает его со времени поступления в Медико-хирургическую академию, — несмотря на родство с Грошопф, людьми очень состоятельными и дослужившимися до ступеней известных. С этими родными, очевидно, у Александра Дмитриевича и Екатерины Ивановны фон-Эссен связи не прерываются.

Вероятно, Александру Дмитриевичу вредило его происхождение, а затем независимый характер, чуждый способности выслуживаться, идеалистический уклон, вера в то, что знание, безукоризненное исполнение и честность будут оценены и дадут возможность добиться уважаемого положения и воспитать детей. Даже дело о зачислении детей его в дворянское сословие, на что по своим чинам он имел несомненное право, тянется целых 12 лет — с 1847 по 1859. Очевидно, подняв известное ходатайство, на которое уполномочивал его закон, Александр Дмитриевич дожидался спокойно результата, игнорируя, что в то время всякое дело требовало известной смазки, если не деньгами, то визитом, исканием протекции... И дело стояло.

Вследствие той же гордости Александр Дмитриевич жил очень уединенно, почти не имея знакомых среди окрестных помещиков.

Он отдавал много времени сельскому хозяйству, все улучшая свое маленькое имение, в свободное время увлекался охотой, по вечерам сидел и писал свое медицинское сочинение, которое так и не увидело света. Любил игру в шахматы.

Александр Дмитриевич любил детей, охотно шутил с ними. По летам к нему съезжались все его замужние дочери со своими детьми и наполняли шумом тихий деревенский дом и стоящий напротив его флигель. Детей усаживали за особым большим столом к обеду, и дед любил крикнуть перед сладким: "Дети, кто сладкого не хочет?" — наслаждаясь громогласным "Хочу, хочу!" Он пользовался большим уважением и любовью со стороны своих дочерей и внуков.

Один из зятьев, И.Н.Ульянов, рассказывал своим детям, как был взволнован Александр Дмитриевич в день освобождения крестьян, в 1861 году, когда крестьяне его деревеньки решили идти на дарственный надел, как убеждал он их не делать этого шага. Несколько раз, натываясь на глухую стену недоверия крестьян к помещикам, махал он сердито рукой и уходил. Потом, успокоившись, выходил к ним снова и снова принимался доказывать все преимущества освобождения...

Несмотря на то что отношения с крестьянами у Александра Дмитриевича были хорошие, ему не удалось убедить их. Уже позднее, после смерти Александра Дмитриевича, по рассказу того же Ильи Николаевича, кокушкинские крестьяне поняли, что не личная выгода, а искреннее желание им блага руководило Александром Дмитриевичем, и они горько жалели, что не послушали тогда его совета.

Александр Дмитриевич умер в июле 1870 года, 68 лет от роду. Он чувствовал себя несколько плохо последние дни, дал пустить себе кровь, но был все время на ногах, простился вечером с дочерьми, а наутро его нашли уже мертвым.

¹ А.И.Елизарова ошибается. Из рапорта о крещении священника следует, что при крещении братья получили имена: Абель — Дмитрий, Израиль — Александр.

Д.И.Ульянов

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА "КРАСНАЯ НОВЬ"

(По поводу 1-й части романа М.Шагинян "Билет по истории")

Прежде всего я должен сугубо извиниться, что так долго задержал свой ответ на Ваше обращение от 16/X. Главной причиной этого является осложнение в моей болезни.

Рукопись в общем мне понравилась и, что очень важно, серьезный подход товарища Шагинян к теме.

Но вообще меня немного коробит сама форма романа как таковая¹.

Основная задача, по моему мнению, состоит в том, чтобы дать вполне правдивый образ Владимира Ильича и той семейной обстановки, которая окружала его с раннего детства. Насколько подходит для этой цели форма романа? По-моему, такая форма наименее подходяща, если сам автор не был ни действующим лицом в ней, ни даже непосредственным наблюдателем ее.

Отец и мать Владимира Ильича — живые исторические лица. Нельзя поэтому, не греша против истины, вкладывать им в уста слова, которые они не произносили. Нельзя поэтому говорить в категорической форме о тех или иных душевных их переживаниях — если это фактически неизвестно — на основании только допущений, предположений и т.д.

Как бы строго и чутко ни подходил автор к своей теме, форма романа в данном случае а priori не может не вести к искажению действительности. Едва ли кто-нибудь будет отрицать это. Поэтому следовало бы предпочесть описательную форму изложения и вместе с тем менее категорическую. Что-нибудь вроде семейной хроники, где не обязательно нужно ставить точки над всеми "i", где автор может более строго придерживаться фактов и меньше прибегать к своей фантазии.

Может ли форма романа сколько-нибудь искупить неизбежные при ней фактические неточности и элементы фантазии? Думается, что нет.

Семейная хроника, я бы сказал, не требует той категоричности утверждений, как роман. Там можно допустить условные, предположительные утверждения, благодаря чему, при недостатке фактов, истина только выигрывает.

Например, на стр. 46—47 автор очень категоричен в вопросе о происхождении Ильи Николаевича: "Потомок степных калмыков", "древняя азиатская кровь монгола" — и готовит из этого уже вывод: "дикий лаской" (стр. 54). Думаю, что так безоговорочно утверждать нельзя; автор берет на себя слишком большую смелость. Конечно, мы живем не в III империи, а расовые вопросы не имеют для нас значения; нам неважно, был ли отец Ильича "чистокровным" калмыком или калмыком такой-то пробы, но справедливость требует сказать, что автор романа, несмотря на свои изыскания в Астрахани, имеет не больше права, чем всякий другой из нас, делать такие категорические выводы. Да и с какой целью он это делает? Что это по существу должно или может характеризовать?

В какую семью на Руси не попала монгольская кровь — если не в период татарского ига, то в последующие века, когда русские жили бок о бок с монгольскими племенами. Особенно в таком полутатарском городе, каким является Астрахань. Нет надобности особенно разбираться в семейных летописях, чтобы объяснить раскосые глаза или выдающиеся больше обычного скулы. Если бы характеристика предков касалась существа дела, например, особого склада ума, каких-либо талантов или особых способностей и пристрастий, тогда бы это было важно. Но вопросы о чистокровности и кровности сами по себе не стоят ломаного гроша.

Или (стр. 49): "Он не был политиком", т.е. отец Ильича. Так категорично и общо сказать нельзя, тем более что через десять страниц автор вкладывает в его уста фразу: "И подумай, ведь этот народ был насильственно скован самодержавием... Сколько же талантов он даст освобожденный!" Что Ильи Николаевич не был революционером — сказать можно, но не больше.

Стр. 74—75. "Тут вышла у нее с Ильей Николаевичем первая разминка" — вызвать ли из Астрахани мать Ильи Николаевича или из Кокушкина отца Марии Александровны. "Она сама не знала,

почему в эту минуту в ней вдруг неразумно и несправедливо вспыхнула к астраханцам чуть не вражда, словно она заранее приревновала ребенка к той его половине, что идет не от крови и плоти Бланков, а от другой, чужой и неведомой ей плоти и крови". Откуда автору это известно? Это голое предположение, ни на чем не основанное. Если бы даже такой разговор был, то Мария Александровна могла бы совершенно сознательно отстаивать своего отца, так как он был в акушерстве специалистом (раньше на Урале он служил врачом-акушером). И непонятно, зачем автору предполагать и выдумывать такую штуку, как "чужая, неведомая ей плоть и кровь". Если "неразумные" мысли такого порядка бывают вообще, у кого-то, из этого вовсе не следует, что они обязательно появляются у всех и всяких родителей и теперь имели место у матери и отца Ильича.

Стр. 46. "Она забирала над ним постепенно власть". Опять ничем не обоснованное предположение и, главное, совсем ненужное для характеристики данной семейной обстановки.

Таких предположений в романе много — и в романе вообще без них не обойтись, — но на основании таких предположений у читателя составляется представление в большей или меньшей степени ложное.

Зачем нужны такие предположения, если неясно, что они должны собой характеризовать в данной семейной обстановке?

Описание отца Марии Александровны, нашего деда, доктора Александра Дмитриевича Бланка, меня совсем не удовлетворяет. Очевидно, здесь автор слишком доверился рассказам некоторых двоюродных родственников.

Доктор Бланк изображен в романе (стр. 21—22) каким-то чудачком и самодуром, гоняющим зимой своих девочек купаться в прорубь. Кроме того, убежденным вегетарианцем, который "никого не ест" и "девочки его тоже никого не едят". И далее рассказывается совсем несуразный анекдот с жареной собакой.

Между тем правильное описание деда я считал бы особенно важным в романе, потому что Мария Александровна была действительно "дочкой своего отца" и в последствии оказала огромное влияние на своих детей и, в частности, на Владимира Ильича.

Мать очень много рассказывала своим детям про "дедушку", как она его обычно называла. Лично я, будучи уже врачом, не раз спрашивал мать о жизни дедушки, не удовлетворяясь только тем, что она сама говорила нам, и составил себе представление о нем, совершенно обратное описанному в романе.

Он был очень образованным врачом и пионером в области физиотерапии, в частности, бальнеологии. Здесь он был поклонником, конечно, не знахаря Кнейппа, не доктора, как известно, а просто католического пастора, нашумевшего в свое время своими нелепыми советами, например, бегать босиком по сырым лугам, что, мол, особенно полезно в Вальпургиеву ночь (на 1 мая), по снегу и т.п.

Бланк был последователем видных немецких профессоров, применявших водолечение (обертывание в мокрые простыни, теплые ванны) при многих болезнях, в частности, даже при брюшном тифе. Бланк был известен далеко за пределами Кокушкина своими новыми методами лечения, и к нему приезжали за советом больные из Казани и даже из других мест.

Мария Ильинична в своих воспоминаниях о матери (работа еще не напечатана) также характеризует дедушку как передового врача своего времени.

Мать рассказывала нам, что она в Пензе еще девушкой заболела брюшным тифом, дедушка примчался на почтовых, все время погоняя ямщиков. Он первым делом велел убрать все лекарства и стал лечить Марию Александровну своим способом, применяя и теплые ванны, и обертывание в мокрые простыни. "Так он вылечил меня от тифа, почти не употребляя лекарств", — говорила мать.

По рассказам матери, он воспитывал своих детей поспартански, не позволял нежить их. Они должны были рано ложиться спать и рано вставать. В летнее время по утрам идти купаться или умываться к роднику. Им не давали в детстве ни чаю, ни кофе, а только молоко. Пища была простая, но мясо не было изъято. К столу обычно давали кашу, творог, молоко, но также котлеты и птицу. Вообще он вовсе не был вегетарианцем. Дедушка любил охоту, и, говорила мать, "нашей обязанностью было шить чучела тетеревов".

В спартанском режиме для детей преследовалась не только цель закалить и не изнежить организм, но также — и это очень важно — задача самообслуживания. "Мы должны были сами, — рассказывала мать, — делать все, что нам под силу, обходясь по возможности без посторонней помощи. Мы сами должны были прибирать за собой, мыть посуду и т.д." Конечно, некоторым молоденьким барышням именно это-то и не нравилось, так как они знали, что у других на это существуют горничные, что убирать самим за собой как-то зазорно и даже, может быть, неприлично. Вероятно, что, в частности, так именно рассуждала и Аннушка, или, по-нашему детскому, тетя Аня, у которой ее дети воспитывались совсем в другом духе и им разрешалось спать до 12 часов.

Вот здесь-то и надо искать разгадки того, что дедушку считали чудачком, а крестьяне даже "тронутым" (стр. 21).

Дедушка — по словам матери — объяснял своим дочерям основы гигиены, говорил о значении чистого воздуха, влиянии солнца, значении моциона, купания, обливаний и т.п.

По-моему, пензенский период очерчен значительно лучше нижегородского, в особенности в смысле характеристики внешней обстановки, и в том числе политической. Это и понятно, потому что о нижегородском периоде гораздо меньше фактического материала.

В частности, не согласен с автором о нижегородском периоде, где она говорит о разнице: учитель и воспитатель (стр. 62). "Почему — он сам не понимал, но это его раздражало и мучило, и к жене он приходил пасмурный, жалуясь на переутомление, а ей казалось, что ему скучно дома". Думаю, что отец не мог не понимать этого, и это понимание тем более его мучило и раздражало. Но мучило его в Нижнем и другое: то, что он не служит непосредственно народу, что он считал своей главной обязанностью, своим долгом². Поэтому-то он и рвался из Нижнего и воспользовался первой возможностью, чтобы подойти вплотную к крестьянам, хотя бы в виде правительственного чиновника — инспектора народных училищ.

Анна Ильинична как-то говорила мне, что мать, пустившая больше корни в Нижнем, сначала не могла понять, почему Илья

Николаевич так рвется в Симбирск, и указывала ему, что там работа будет значительно труднее и беспокойнее. И насчет этого она была, конечно, права.

Что касается симбирского периода, который в рукописи только еще начинается весной 1870 года, то есть все основания предполагать, что последует улучшение в работе, поскольку автор несомненно использует полностью книгу Марии Ильиничны об отце, приводимые там материалы, а также и тот материал, который самостоятельно подготовила товарищ Шагинян во время своего пребывания в Ульяновске...

28 ноября 1937 г., Горки

¹ Надежда Константиновна смотрит так же. — Прим. Д.И.Ульянова.

² Особенно в ту пору "раскрепощения крестьян", частичного освобождения их, как он действительно тогда верил. — Прим. Д.И.Ульянова.

Печатается по кн.: Ульянов Д.И. Очерки разных лет. Воспоминания. Переписка. Статьи. Изд. 2-е. М., 1984. С. 143—148.

Н.В. Первушин
КЕМ БЫЛ АЛЕКСАНДР БЛАНК?

Я всегда интересовался своими корнями. Со времени рождения моего правнука Адриана-Николая образ собственного прадеда стал интересоваться меня более, чем когда-либо. Я уверен, что Адриан будет знать, кем был его прадед, даже если нам не удастся провести вместе много времени. Его бабушка и отец расскажут ему истории из моей жизни, и если ему будет любопытно, он прочтет некоторые мои писания, по крайней мере те из них, которые напечатаны на французском или английском.

Что касается моего прадеда Александра Бланка, я никогда не смогу прочитать его книгу по медицине, опубликованную во второй половине прошлого столетия. Что я знаю о нем? Когда я был ребенком, моя мать и тетя говорили мне, что он был врачом в России и что у него был сын и пятеро дочерей. Одна из них, Екатерина, была моей бабушкой. У меня есть ее фото. Мой прадед стал землевладельцем и владел небольшой деревушкой недалеко от Казани. Даже после его смерти его дочери, и среди них моя бабушка, приезжали в это очаровательное место, чтобы провести лето. Иностранная фамилия моего прадеда, по их объяснению, была немецкого происхождения, сам же он был русским.

Мне бы хотелось больше узнать о нем. Где он родился? Кто были его родители? Как он выглядел? Каким человеком была его жена (моя прабабушка)? Кто были его друзья? Что он делал в своем поместье "Кокушкино"? Занимался ли он там медицинской практикой или просто жил как землевладелец? Владел ли он крепостными, когда купил собственность?

Я написал письмо в советскую Академию Наук с запросом о том, где я могу найти материалы о моем прадеде. Ответа я не получил. О нем почти ничего не было написано или опубликовано. Очевидно, советское руководство считает его "секретной персоной" и, как результат, запрещает изучать архивные документы,

связанные с ним. Я не могу поехать в Советский Союз и попытаться найти что-либо, что проливало бы свет на его жизнь, т.к. отказавшись вернуться домой в 1930 году, я стал персоной *non grata*. Означает ли это, что никто не в состоянии выяснить что-либо о моем прадеде, человеке, умершем в 1873 году, враче, известном своими эксцентричными манерами и оригинальными методами лечения больных, отце пятерых дочерей (его сын умер в детстве). Можно ли представить подобную нелепость? И в чем тут дело? Секрет заключается в его дочери Марии. Она выросла, вышла замуж в Пензе за учителя по фамилии Ульянов. Они жили счастливо, главным образом в Симбирске, и вырастили трех дочерей и трех сыновей. Так в чем же дело? А дело в их сыне Володе, который позже станет известен как Владимир Ильич Ленин.

Что же было столь непривлекательного в прадеде, чего не могут знать его потомки? Почему он оказался недостойным состоять в родстве с лидером мирового коммунизма и основателем коммунистического государства в России? Может быть, его иностранное имя? Но Карл Маркс и Фридрих Энгельс почитаются в Советском Союзе и в коммунистическом мире. Почему же забыт дед Ленина и информация о нем находится под запретом? Это тем более любопытно, что мы знаем так много о деде Ленина по отцовской линии и о его происхождении и совсем ничего — об Александре Бланке? Разве после этого я не имею права знать больше о своем прадеде? Я пишу эту книгу в надежде склонить Советское руководство к разрешению исследований о нем или рассекречиванию информации, необходимой для этих исследований.

В 50-х—60-х годах в русских эмигрантских кругах циркулировали слухи о том, что доктор А.Бланк был евреем и что именно это и является причиной молчания о нем официальных кругов. Согласно слухам, он был крещеным евреем из Одессы, где работал фельдшером и писал доносы на своих бывших единоверцев в Священный Синод в Петербурге. Были даже подробности о том, как после Октябрьской революции в архивах Священного Синода было обнаружено его дело, которое, однако, исчезло из архива, после того как некто Гринберг пытался сделать с него копию. Служитель архива прозрачно намекнул, что кто-то забрал «дело» в

Москву, поскольку оно содержало документы о деде Ильича (партийная кличка Ленина). Русский историк Шуб поверил слухам о том, что Бланк был евреем, и опубликовал статью в газете. По его мнению, в России не было других Бланков, кроме еврейского происхождения. Он не нашел ни одного нееврея Бланка в Еврейской Энциклопедии.

Еще до того, как я услышал слухи о еврейском происхождении Бланков, я произвел свои собственные изыскания в различных энциклопедиях с целью отыскать сведения о происхождении моего предка. Я нашел, что первым человеком в России, известным под этой фамилией, был Василий Бланк, прибывший сюда из Германии в XVII веке. Он был лейтенант-полковник от кавалерии, служил в 1663 году в Тобольске, сибирском городе, куда был послан, чтобы отражать атаки башкир и татар.

Во время царствования Петра I Яков Бланк работал молотовым мастером на Олонецких заводах, на Севере России. Его сын, Иван, был архитектором в Санкт-Петербурге, а внук Яков Иванович Бланк стал известным русским архитектором (1728—1793), проектировавшим многие церкви и частные резиденции в Москве, реконструировавший монастырь около Нового Иерусалима. Сын Якова Ивановича Бланка, Борис (1764—1826), стал поэтом, переводчиком и журналистом, был другом поэта Вяземского. У него было двое сыновей. Борис и его кузен, Петр Бланк, были широко известными журналистами. Петр, землевладелец в Тамбовской губернии, известен как сторонник крепостного права; он выступал против реформ Александра II и стал мишенью для А. Герцена в либеральной полемике (Герцен был известным публицистом и писателем, издававшим в Лондоне известную эмигрантскую газету "Колокол").

Бланк по имени Павел работал переводчиком и писателем в периодическом издании "Русский архив" в 1790-х годах. Другой Бланк, Николай, был драматургом. В 1800-х годах в России было много других Бланков православного вероисповедания. Их прародители вышли из Германии и осели в различных частях России; многие из них поступили на государственную службу по приглашению Екатерины II и поселились на Украине и в Волжском регионе.

В ходе поисков я также нашел Дмитрия Бланка, который был врачом (возможно, он был отцом Александра Бланка, моего предка), другой Дмитрий Бланк был студентом-медиком. И Дмитрий Бланк, работавший врачом, и Николай и Павел Бланки, состоявшие на государственной службе, были русские. Просматривая Еврейскую Энциклопедию, я также натолкнулся на Бланков еврейского происхождения, проживавших в России.

Анна Бургина, русский историк, работающая в США, в Стэнфордском университете, специалист по политическим партиям в России, опубликовала в 1961 году в русской эмигрантской газете "Новое русское слово" статью "К вопросу о происхождении деда Ленина". В заключении статьи она писала: "Кто знает, сколько русских Бланков жили в России и живут сейчас? Не мог ли А.Д.Бланк, дед Ленина, происходить от одного из русских Бланков? Неужели он должен быть тем фельдшером из Одессы, крещеным евреем, Александром Давидовичем Бланком, чье имя случайно обнаружено в Архивах Синода?". Мне кажется, что соображения Бургиной правильны и соответствуют тому, что мне говорили родные в моей юности.

Можно предположить, что мой прадед родился в семье ранее упоминавшегося врача Дмитрия Бланка (мы точно знаем, что А.Бланк родился в 1802 году), где-то на современной Украине. В книге о сыне Владимире Мария Ульянова писала, что ее отец, Александр Бланк, родился на Украине. Мы знаем также, что в 1818 г. в возрасте 16 лет он поступил в Петербургскую Медицинскую Академию, чтобы стать лекарем. Ничего не известно о том, когда и как он переехал в столицу России.

Трудно ответить и на другие вопросы, касающиеся его самого и его семьи. Что случилось с ними во время войны с Наполеоном (1805, 1807 и 1812 гг.)? Кем стал его отец, который мог быть мобилизован и приписан к военному госпиталю? Был ли он убит во время войн? Известно, что после наполеоновских войн Россия испытывала крайний недостаток во врачах. Можно предположить, что единственной очевидной причиной выбора Александром медицинской карьеры было желание следовать по стопам отца. Как сын военного врача, погибшего при исполнении своих обя-

занностей, Александр мог быть принят в Академию без платы за обучение.

Будучи студентом Медицинской Академии в Санкт-Петербурге, Александр мог познакомиться с богатой, благородной и влиятельной семьей Грошопфов. Глава семьи был немецкого происхождения, а его жена была урожденной Остедт, шведского происхождения. Остальное, что мы знаем об этом сыне Дмитрия Бланка: о его женитьбе на одной из дочерей Грошопфа, его возвращении из Смоленска, где он работал врачом, в Санкт-Петербург и его семилетней службе врачом в Полицейском департаменте — очень хорошо согласуется с другими известными деталями жизни доктора Бланка, известными из скупых свидетельств, которыми мы располагаем.

Можно ли верить, что Бланк, родившийся в Одессе в семье еврейского банкира, был дедом Ленина? Каким образом этот человек, учившийся на фельдшера в медицинской школе в Одессе и писавший оттуда доносы на других евреев и рабз в Русский Синод в Санкт-Петербурге, мог появиться здесь в 1818 г. и быть принятым в Медицинскую Академию, чтобы обучаться в ней шесть лет?

Разумеется, много вопросов, касающихся этой версии происхождения Александра Бланка, остаются без ответа. Как ему удалось стать фельдшером? Как он стал крещеным евреем? Как он мог работать в Одессе и писать доносы на своих бывших единоверцев в Санкт-Петербург, если он был принят в Медицинскую Академию и начал заниматься там в 16 лет?

Можно представить другой, более романтический сценарий еврейского происхождения Александра Бланка. Он был сын не одесского банкира, как утверждает Шуб, а бедного еврея, у которого могли забрать сына в восемь или десять лет и превратить его в кантониста. Существовала практика, когда еврейских мальчиков забирали у родителей, обучали военному делу для армейской службы. В этом случае он мог быть крещен и позже принят в Медицинскую Академию в Санкт-Петербурге. Эта версия, однако, противоречит тому, что пишет Шуб об Александре Бланке — его происхождении и доносах.

Убедительное заключение, которое можно сделать о происхождении Александра Дмитриевича Бланка, то же, что выдвинула Ан-

на Бургина в 1961 году, — наш Бланк был русским, чьи предки были родом из Германии.

По какой причине правительство Сталина запретило все сведения о деде Ленина по материнской линии? Может быть, не хотелось, чтобы люди знали, что в венах Ленина была не только русская кровь, но и немецкая, шведская, как и калмыцкая. Были ли нежелательны для властей и калмыцкие предки с отцовской стороны?

Другая причина запрещения информации о нем более вероятна. Доктор Бланк стал землевладельцем в 1840-х годах и имел собственных крепостных. Он принадлежал к помещикам. Другими словами, Ленин зависел от денег и комфорта, получаемых в результате тяжелого труда и страданий крестьян. Его семья владела крестьянами, работавшими на нее, и, следовательно, принадлежала к классу эксплуататоров. Это было несовместимо с образом великого освободителя. Это объяснение предпочтительнее.

После поисков в различных энциклопедиях и биографических словарях я нашел интересные детали о дальних родственниках со стороны моей прабабушки Грошопф. Ее девичья фамилия была Остедт. Ее отец был ювелир, К.Ф.Остедт, родился в Упсале, Швеции, в 1741 году. Он приехал в Россию и работал в Санкт-Петербурге, где и умер в 1826 году. Одним из его родственников был Новелиус Младший, священник XVIII века, утверждавший, что он сын известного шведского короля Карла XII.

Грошопфы прибыли в Россию из Северной Германии, возможно, из Мекленбурга. Мой прапрадедушка (прадед Ленина), Дж.Грошопф, родился в 1766 и умер в 1845 году. Он представлял в Петербурге немецкий торговый дом Шнайдер. Известный лютеранский богослов XVII в. Иоанн Хоффер был родственником Грошопфа, так же как археолог XIX в. Эрнст Курцис и гитлеровский маршал В.Модель.

Все эти личности также родственники Ленину.

Почему Бланк покинул Смоленск и вернулся в Санкт-Петербург служить врачом в Полицейском департаменте? Возможно, причиной была женитьба. Кем была его жена Анна? Как я уже говорил, ее отец принадлежал к состоятельной семье государственных служащих немецкого происхождения. Можно предполо-

жить, что Александр, будучи еще студентом, был принят в этой семье благодаря семейным связям или с помощью друзей по медицинской академии. Двадцатидвухлетний студент, по всей вероятности, произвел благоприятное впечатление на семью, особенно на девушек Анну и Екатерину.

Один из их братьев, Карл, позже занял очень доходное место вице-президента экспортной компании. Он играл на фортепиано и был хорошим музыкантом. Другой брат, Густав, был начальником таможенных инспекторов в Риге, играл на флейте. Анна, Екатерина, Карл и Густав говорили на русском, немецком и шведском языках.

Условия жизни в медицинской академии того времени были нелегкими. Зимой в комнатах было холодно (не больше восьми градусов по Цельсию), питание было скудным: щи, черный хлеб, каша; освещение плохое (масляные лампы). Учеба была напряженной: каждую неделю студенты сдавали письменные или устные тесты, каждые три месяца — устные или письменные экзамены.

На втором году обучения Александр должен был выполнять обязанности помощника лекаря, делая всю грязную работу с больными. На третьем году он нес ответственность за лекарства, делая также кровопускания, очень популярные в то время. На четвертом году выполнял несложные хирургические операции под наблюдением врача. На пятом году должен был писать истории болезни и выписывать рецепты, а на шестом ему было разрешено выполнять серьезные хирургические операции и быть ассистентом в академическом госпитале под руководством главного врача.

По окончании академии Александр получил в качестве подарка набор хирургических инструментов и медицинские книги. Он был одним из лучших выпускников, однако не был послан за границу для усовершенствования, как это было принято до 1812 года. Так как в это время был большой недостаток врачей, он вынужден был сразу же приступить к врачебной практике. Он уехал работать в Смоленск, который был сильно разрушен во время войны 1812 года, и проработал там не меньше года.

Он закончил медицинскую Академию в 1824 году, за год до известного восстания декабристов, вспыхнувшего после смерти им-

ператора Александра I, в момент, когда не было ясно, кто станет наследником престола. Революционно настроенные офицеры Императорской Гвардии ввели несколько полков в столицу, повергнув в огромное замешательство Николая I, занявшего престол вместо своего старшего брата Константина. Александр Бланк, возможно, к этому времени покинул столицу, заняв пост врача в Смоленске.

Должно быть, он женился на Анне Грошофф по возвращению в Санкт-Петербург между 1826 и 1833 годами. Они отправились в путешествие в Европу, останавливались в Карлсбаде и других городах. А.Бланк стал энтузиастом гидротерапии, почти неизвестной в то время в России.

Спустя время у них появились дети. Первый сын, Дмитрий, умер в детстве. После 1833 года они поселились на некоторое время в Москве, где Александр Бланк работал в госпитале Императрицы Марии. Затем приехали в Пермскую губернию. Здесь доктор Бланк работал на различных уральских заводах, а также на оружейном заводе в Златоусте. Дочь, которую называли Марией, родилась в 1837 году. Годом позже, когда умерла его жена, доктор Бланк решил посвятить себя детям и вышел в отставку. Где-то в это время он получил титул дворянина в награду за свою службу лекарем в больницах, в администрации и на заводах.

В середине 1840-х годов он приобрел имение в Казанской губернии, купив его у прежнего собственника по фамилии Кокушкин. Имение было названо Кокушкино и состояло из большого дома, земли с деревней, дворовыми и крепостными крестьянами. Она находилась в тридцати милях от Казани. Дом был большой, позже Бланк сделал к нему большую пристройку для дочерей и их семей.

Став вдовцом, он попросил свояченицу Екатерину Эссен, тоже овдовевшую, помочь ему в воспитании детей. Она заменила им мать. Она была лютеранкой, получила блестящее образование, говорила на многих языках. Она играла на пианино и обучала игре девочек. Екатерина полностью была предана детям, заботилась об их здоровье, запрещая им пить кофе и чай. Она значила для девочек очень много.

Мы не знаем о ее отношении к своему зятю, доктору Бланку, но, по-видимому, они жили дружно. Она не протестовала против его эксцентричностей, в частности, его увлечения в использовании воды вовнутрь и вовне для лечения многих болезней, а также обтирания детей холодной водой как зимой, так и летом для укрепления их здоровья. Ели дома здоровую пищу и были непритязательны как в еде, так и в одежде.

Однако дочери Бланка, включая мою бабушку, негодовали по поводу отцовских методов спартанского воспитания и жаловались на них своим двоюродным братьям и сестрам. Тем не менее, результат подобного воспитания оказался отличным: все дети росли здоровыми, никогда не страдали от депрессии или нервных расстройств, имели здоровые привычки, получили хорошее образование, все вышли замуж. Чего большего можно желать от жизни?

Мария Бланк стала знаменитой благодаря второму сыну. Моя бабушка, Екатерина, была счастлива в замужестве и имела много детей и внуков, хотя и не прожила долго, чтобы их увидеть, включая и меня.

Кокушкино было расположено на высоком берегу речки Утна, большой дом стоял около реки. В доме был мезонин и два балкона с деревянными колоннами, здесь был кабинет деда, служивший и для приема больных. В угловой комнате была спальня хозяина. Были также гостевые и детские комнаты.

Через имение протекал ручей, впадавший в пруд, где была построена водяная мельница. Рядом были огороды и цветники. Из дома открывался широкий вид на окружающие холмы, леса, поля и озера. Дети прозвали ручей "ручьем зеленых роз" и любили ходить к нему и плескаться в нем летом.

Доктор Бланк любил шутки, иногда довольно грубые. Один из его гостей развивал теорию, что собачье мясо так же питательно, как говядина. В следующий раз, когда этот гость (если я не ошибаюсь, это был друг Бланков, Веретенников) пришел на обед, ему подали стейк из собаки, о чем он не знал. Он нашел его слишком жестким. Этот случай стал легендой в семье Бланков.

Бланки жили в Кокушкине до смерти Александра Дмитриевича в 1873 году. К тому времени все дочери вышли замуж. Первая,

Анна, вышла замуж за Веретенникова и жила в Пензе (Мария провела год в Пензе перед тем, как выйти замуж за Илью Ульянова в 1863 году). Екатерина Эссен жила в Кокушкине до смерти зятя. Анна Веретенникова стала управлять имением, куда приезжали ее сестры на лето.

Известный хирург (по словам его внучки), новатор в практике русской медицины (гидротерапия), автор книг по медицине, доктор А.Бланк имел прекрасную репутацию, безотносительно будущему забвению, которому была предана его жизнь. Так почему же ее замалчивают?

Перевод с английского Т.Г.Колосковой из книги:

Nicholas V.Pervushin. *Between Lenin and Gorbachev.*

Memoirs of Lenin's Relative and Critic. New York, 1989.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. РОДНЫЕ В.И. ЛЕНИНА О РОДОСЛОВНОЙ

Веретенникова А.А. "Жизнь моя... интереса для постороннего представлять не может..." // Кто и как? (М.). 1991. №1.

Крупская Н.К. Детство и ранняя юность Ильича // Большевик. 1938. № 12.

Ульянова А.И. Ответ т.Шидловскому // Пролетарская революция. 1921. № 3.

Ульянова А.И. Примечания к статье А.Табейко "Из прошлого товар. Ленина (по воспоминаниям крестьян)" // Пути революции. Исторический журнал Татбюро Истпарта (Казань). 1923. №3.

Ульянова-Елизарова А.И. Родители Владимира Ильича Ульянова-Ленина и их время // Молодой большевик. 1924. №1.

Ульянова-Елизарова А.И. Краткая биография Ильи Николаевича Ульянова // Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова (1855—1925 гг.). Пенза, 1925.

Ульянова-Елизарова А.И. В.И.Ульянов (Н.Ленин). Детские и школьные годы. М., 1925.

Ульянова-Елизарова А.И. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.: Сборник, составленный А.И.Ульяновой-Елизаровой. М., 1927.

Ульянова-Елизарова А.И. Воспоминания об Ильиче. М., 1931.

Ульянова-Елизарова А.И. В.И.Ульянов (Н.Ленин). Краткий очерк жизни и деятельности. Партиздат, 1931.

Ульянова-Елизарова А.И. Александр Дмитриевич Бланк // Моя Москва. 1992. №4.

Ульянов Д.И. В редакцию журнала "Красная новь" (По поводу 1-й части романа М.Шагинян "Билет по истории"). // *Ульянов Д.И.* Очерки разных лет: Воспоминания, переписка, статьи. 2-е изд. М., 1984.

Ульянов Д.И. Роман о семье Ульяновых // Известия. 24 марта 1938.

Ульянова М.И. Предисловие и примечания. // В.И. Ленин. Письма к родным (1894—1917). М., 1930.

Ульянова М.И. Отец Владимира Ильича — Илья Николаевич Ульянов. (1831—1886). Соцэкгиз, 1931.

Ульянова М.И. Мать Владимира Ильича — Мария Александровна Ульянова // Вопросы истории КПСС. 1964. №4.

Ульянова О.Д. И вновь о Ленине // Аргументы и факты. 22 апреля 1990.

Ульянова О.Д. О родословной Владимира Ильича Ленина // Гласность. 1995. №20.

Ульянова О.Д. Родословная Ленина // Комсомольская правда. 21 апреля 1995.

Ульянова О.Д. Был ли дед вождя евреем? // Комсомольская правда. 1995. № 72.

Ульянова О.Д. Родословная вождя // Правда. 21—23 января 1998. (№4)

2. ОФИЦИАЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ В.И. ЛЕНИНА

Керженцев П. Жизнь Ленина. Партиздат ЦК ВКП(б). 1934.

Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 1-е. М., 1960.

Владимир Ильич Ленин. Краткий биографический очерк. Изд. 6-е. М., 1969.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1970. Т. I.

Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 4-е. М., 1970.

3. ДРУГИЕ АВТОРЫ

Абрамова О.А. Кто Вы, Владимир Ильич? // Терра инкогнита (Москва). 1998. №1.

Адоратский В.В. К вопросу о научной биографии В.И. Ленина // Пролетарская революция. 1930. №1.

Алексеев В., Швер А. Семья Ульяновых в Симбирске. 1869–1878 / Под ред. А.И.Ульяновой-Елизаровой. М.;Л., 1925.

Алексеева В. Родственники В.И.Ленина в Прикамье // Звезда (Пермь). 11 июля 1968.

Алексеева В. Врач А.Д.Бланк // Звезда (Пермь). 7 февраля 1969.

Аросев А. Из новых материалов к биографии В.И.Ленина // Московский пролетарий. 1925. №3.

Аросев А. Материалы к биографии В.И.Ленина. М., 1925.

Арутюнов А.А. Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992.

Арутюнов А.А. Мещанин во дворянстве или мифы новейшего времени // Фаворит. 1993. №1.

Бакман К. Новое о шведских предках В.И.Ленина // Новая и новейшая история. 1997. №3.

Бычкова М.Е. История страны – это история семей, ее населяющих // Поиск. 1993. №37.

Богданов И.А. Нижегородской губернии крестьянин // Журналист. 1969. №6.

Валентинов Н. Ленин в Симбирске // Новый журнал. 1954. №37.

Валентинов Н. О предках Ленина и его биографиях // Новый журнал. 1960. №61.

Васильева Л. Тайны детей Марии Бланк //Огонек. 1996. №17.

Вечтомова Е. Повесть о матери. М., 1970.

Власов В. Документы об А.Д.Бланке // Красная Татария (Казань). 15 июля 1939.

В.И.Ленин и Астраханский край. Астрахань, 1963.

В.И.Ленин и Астраханский край: Сборник документов и материалов. Волгоград, 1970.

Виллерс У. Ленин в Стокгольме. Стокгольм, 1970.

Волынский Н. Осквернители. Честь семьи Ульяновых защищает школьный учитель Михаил Штейн // Правда пять. 23 июня 1998.

Волкогонов Д. Ленин. М., 1994. Кн. I.

Водолагин М.А. Ульяновы в Поволжье // Писатель и жизнь. М., 1972. Вып. VII.

"Вы... распорядились молчать... абсолютно": (Неизвестные письма М.И.Ульяновой о выявленных документах по их родослов-

ной) / Публ. Е.Е.Кирилловой и В.Н.Шепелева //Отечественные архивы. 1992. №4.

Галкина М.Я. Дед В.И.Ленина — врач А.Д.Бланк на Урале // Прикамье. Альманах (Пермь). 1958. №24.

Гаврилов Ю. Трагедия ухода от Родины //Огонек. 1991. № 25.

Говорухин С.С. Россия, которую мы потеряли // Киносценарии. М., 1993. Вып. 3.

Говорят документы (о жизни и деятельности Ильи Николаевича Ульянова). В 3-х т. Ульяновск, 1995. Т. I.

Голов И. Отсюда пошел род Ульяновых: Новые документы Горьковского областного архива // Горьковский рабочий. 25 декабря 1970.

Гольдина Р.С. Ленинская тема в творчестве Мариэтты Шагинян. Ереван, 1969.

Давыдова Н. Разговор со Сталиным о дедушке Ленина // Московские новости. 23 февраля 1992.

Дейч Г.М. Еврейские предки Ленина: Неизвестные документы о Бланках. Нью-Йорк, 1991.

Дейч Г.М. Родословная Ленина // Кубань. 1993. №5—6.

Дейч Г.М. Бланк особого учета и еврейские предки Ленина // Час пик (СПб.). 27 июля 1991.

Евдокимов П. Талантливый врач // Ульяновская правда. 23 июля 1966.

Елфимов Г. Находки в Астраханском архиве // Кировская правда. 31 мая 1968.

Елфимов Г., Трофимов Ж. Помещика Брехова крестьянин // Лениниана: поиски и находки. М., 1970.

Ермолаев А. О происхождении Ленина // Посев. 1984. №1.

Жакова-Басова Т.П. За достоверное освещение истории семьи Ульяновых // Вопросы истории. 1973. №10.

Жариков С. Кто вы, Ульянов-Ленин? // Хозяин (Москва). 27 ноября 1991.

Житова Т.А. К истории семьи Ульяновых // Из истории рабочего класса СССР. Киров, 1972.

Зильберштейн И.С. Молодой Ленин в жизни и за работой. По воспоминаниям современников и документам эпохи. М., 1929.

Зиновьев Г. Н. Ленин — Владимир Ильич Ульянов (очерки жизни и деятельности). Пг., 1918.

Иванова И.И., Штейн М.Г. К родословной Ленина: История одной находки. Архивные материалы // Из глубины времен. Альманах (СПб.). 1992. №1.

Иванский А.И. Илья Николаевич Ульянов по воспоминаниям современников и документам. М., 1963.

Иванский А.И. Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах. М., 1964.

Из крестьян нижегородских... Новые документы о семье Ульяновых // Сельская жизнь. 13 марта 1969.

"Изъятие... произвести без оставления... копий" (Где хранились и куда были переданы документы о предках Ленина) / Публ. Т.И.Бондаревой и Ю.Б.Живцова // Отечественные архивы. 1992. №4.

Ильин В. "Кто же по происхождению тов. Ленин?" // Российская правда. 1993. №12.

Историк. О предках Ленина. Письмо в редакцию // Новый журнал. 1961. №63.

Канивец В.В. Ульяновы. М., 1970.

Карпинский В. Что заповедал нам Ленин своей жизнью, работой и учением. Изд. 2-е. Л., 1924.

Ковнатор Р.А. Мать Ленина. Куйбышев, 1943.

"Крестный отец" Бланк. Неизвестное письмо прадеда Ленина на высочайшее имя / Публ. М.Г.Штейна // Петербургский литератор. 1992. №5.

Кумин Е. Дед и мать // Агитатор. 1969. №10.

Кутенев А.П. О чем молчала Мариэтта Шагинян? Сенсационные документы о семье Ульяновых // Новый Петербург. 27 октября 1995.

Лазьян. Личное дело члена ВКП(б) В.И.Ульянова (Ленина). М., 1926.

Ланцев Ю. А.Д. Бланк — врач-гуманист // Ленинское знамя (Пермский р-н Пермской обл.). 28 апреля 1989.

Лепешинский П. Жизненный путь Ильича. 2-е изд. Л., 1924.

Марков А.С. Ульяновы в Астрахани // Волга. 1969. № 4.

- Марков А.С.* Дед и отец // Агитатор. 1969. № 5.
- Марков А.С.* Ульяновы в Астрахани. Волгоград, 1970.
- Марков А.С.* Ульяновы в Астрахани. Волгоград, 1983.
- Материалы, отправленные в Институт Ленина // Записки Центрального архива Татарской АССР. 1925. №1.
- Могильников В.А.* Предки В.И.Ульянова-Ленина. Пермь, 1995.
- Невский В.И.* В.И.Ульянов (Н.Ленин). М. 1920.
- Обухов В.* Ленин и еврейский вопрос // Аль-Кодс (Москва). 1994. №11.
- О порядке издания произведений о В.И.Ленине. Постановление ЦК КПСС от 11 октября 1956 г. // Справочник партийного работника. М., 1957. Вып. 1.
- Оников Л.* КПСС: анатомия распада. М., 1996.
- Первушин Н.В.* Кто был Александр Бланк? // Грани. 1987. №146.
- Петров А.* О родословной В.И.Ленина // Аргументы и факты. 1990. №23.
- Пиккиев И.* Дед В.И.Ленина // Нева. 1957. №12.
- Плотников И.* Родня // Родина. 1998. №4.
- Попов Г.Х.* Родословная Ленина // Известия. 18 апреля 1998.
- Пугачев В.В., Динес В.А.* Историки, избравшие путь Галилея. Саратов, 1995.
- Родословная семьи Ульяновых. Ульяновск, 1991.
- Самошин С.* Ленин по-говорухински: чуваш, еврей, калмык, немец и швед // Коммерсант. 1992. №16.
- Симакова А.* Из податного сословия: Родословная семьи Ульяновых // Истоки: Вестник Ульяновского филиала Центрального музея В.И.Ленина. 1990. №2.
- Солоухин В.* При свете дня. М., 1992.
- Сумский С.* Легенда о Ленине // Социалистический вестник (Берлин). 1924. №4.
- Табейко А.* Из прошлого товар. Ле́нина (по воспоминаниям крестьян) / Примеч. А.И.Елизаровой // Пути революции. Исторический журнал Татбюро Истпарта (Казань). 1923. №3.
- Томуль Е.* За строкой архивных документов //Истоки: Вестник Ульяновского филиала Центрального музея В.И.Ленина. 1990. №1.

Торбин Е. Кому служил адвокат Бланк? // Наше время. 1991. №6.

Третьякова М. Новые документы о семье Ульяновых // Горьковская правда. 14 января 1969.

Трофимов Ж. Дух революции витал в доме Ульяновых. М., 1985.

Трофимов Ж., Миндубаев Ж. Илья Николаевич Ульянов. М., 1988.

Трофимов Ж. Мать Ильича. М., 1985.

Фишер Л. Жизнь Ленина. В 2-х т. М., 1997. Т. 1.

Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1959.

Хаит Г. Родные Владимира Ильича Ленина на Урале // Уральский следопыт. 1966. №10.

Хамов К. О дедушке Ильича // Горьковский рабочий. 19 декабря 1968.

Харитонов Е. Родственники В.И.Ленина в нашем крае // На Западном Урале. Пермь, 1964. Вып. VI.

Цаплин В.В. О жизни семьи Бланков в городах Старокопстантинове и Житомире // Отечественные архивы. 1992. №2.

Чикин С.Я. Д.И.Ульянов. М., 1970.

Чуковский К. Дневник. 1930—1969. М., 1995.

Шагинян М. Предки Ленина // Новый мир. 1937. №11.

Шагинян М. Билет по истории // Красная новь. 1938. Кн.1.

Шагинян М. Семья Ульяновых // Нева. 1957. №8.

Шагинян М. Предки Ленина (Наброски к биографии) // Астрахань: Литературно-художественный сборник. Астрахань, 1958.

Шагинян М. Предки Ленина с отцовской стороны (Наброски к биографии) // *Шагинян М.* Семья Ульяновых. Очерки. Статьи. Воспоминания. М., 1959.

Шагинян М. Воспоминания о Н.К.Крупской. *Шагинян М.* Лениниана: Семья Ульяновых. Тетралогия. Очерки и статьи. М., 1977.

Шагинян М. Предки Ленина (Наброски к биографии). // *Шагинян М.С.* Лениниана: Семья Ульяновых. Тетралогия. Очерки и статьи. М., 1977.

Шагинян М. Как я работала над "Семьей Ульяновых" // *Шагинян М.* Лениниана: Семья Ульяновых. Тетралогия. Очерки и статьи. М., 1977.

Шагинян М. Книга о детстве и юности Владимира Ильича // Книга и пролетарская революция. 1938. №5—6.

Шидловский Г. Ленин — миф // Книга и революция. 1921. №12.

Шнайдштейн Е. Ильичу было чему поучиться у отца // Волга. 1966. №8.

Шнайдштейн Е.В. Астрахань — родина Ульяновых // Волга (Астрахань). 22 апреля 1966.

Шнайдштейн Е.В. Ульяновы в Астрахани // Блокнот агитатора (Астрахань). 1967. №9—10.

Шепелев В.Н., Кириллова Е.Е. Новые документы по родословной В.И.Ульянова (Ленина) // Музейный сборник. Государственный исторический заповедник "Горки Ленинские". М., 1997. №2.

Штейн М.Г. Генеалогия рода Ульяновых // Литератор (Ленинград). 1990. №38.

Штейн М.Г. Род вождя // Слово. 1991. №2.

Штейн М.Г. О немецких родственниках В.И.Ульянова // Из глубины времен (СПб.). 1994. №3.

Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997.

Штейн М.Г. Историческая правда — основа информации // Санкт-Петербургский университет. 25 января 1996.

Шуб Д. По поводу статьи Н.Валентинова и письма в редакцию "Историка" // Новый журнал. 1961. №63.

Шуб Д. Три биографии Ленина // Новый журнал. 1964. №77.

Шуртаков С. Село Андросово: пошел отсюда род Ульяновых. М., 1970.

Шуртаков С. Об Ульянове из села Андросово // Литературная газета. 14 января 1970.

Яролавский Ем. Жизнь и работа В.И.Ленина. Л., 1924.

Яролавский Ем. Биография Ленина. М., 1938.

Backman Ch. Lenins svenska anor // Slakt och havd. 1995. №1.

Brauer A. Lenins deutsche und schwedische Ahnen // Genealogisches Jahrbuch. Neustadt an der Aisch, 1972. Bd.12.

Brauer A. Lenins Vorfahren im Lübecker und mecklenburgischen Raum und ihre Anverwandten // Genealogie. Hf. 5. 1970.

Loeber D. Neues über die Vorfahren Lenins. Izrael (Strul') Blańk — der Großvater Lenins mütterlicherseits // Osteuropa. Zeitschrift für Gevenwartsfragen des Ostens. Sonderdruck. Stuttgart, 1992.

Pervuschin N. Between Lenin and Gorbachev. Memoirs of Lenin's Relative and Critic. New York, 1989.

Rauch G., von. Lenins Lübecker Ahnen // Z. des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Lübeck. 1960. Bd. 40.

Shub D. Lenin — a Biography. New York, 1948.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Александр Дмитриевич Бланк

Екатерина Ивановна Эссен

Мария Александровна Ульянова. 1863 г., Пенза

Илья Николаевич Ульянов. 1863 г., Пенза

Василий Николаевич Ульянов

*М.А. Бланк среди членов семьи своей старшей сестры А.А. Веретенниковой. 1863 г., Пенза
Слева направо: Анна Александровна с дочерью Екатериной, Дмитрий,
Иван Дмитриевич Веретенников, Александр, Мария Александровна Бланк, Любовь Веретенникова*

Мария Александровна Ульянова. 1910–1912 гг., Саратов

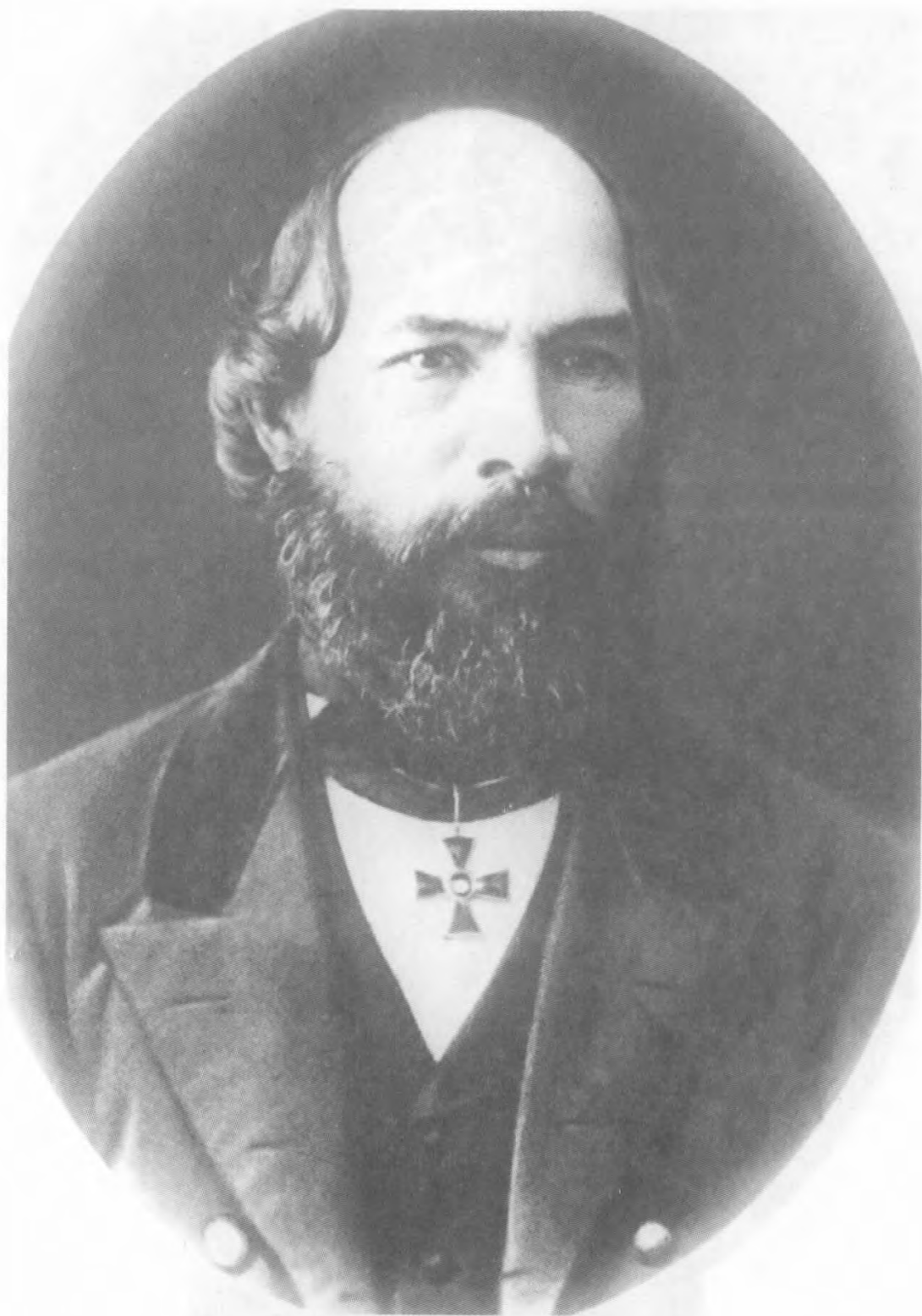
Любовь Александровна Ардашева

Екатерина Александровна Залезская

*Лавровы Осип Кондратьевич и Софья Александровна (урожд. Бланк)
Конец 90-х гг. XIX в.*

Илья Николаевич Ульянов. Ранее 15 июля 1875 г., Симбирск

Мария Александровна Ульянова. 1887—1888 гг., Симбирск

*Анна Ильинична Ульянова
1892 г., Самара*

Александр Ильич Ульянов. 1887 г.

Владимир Ильич Ульянов

Ольга Ильинична Ульянова. 1887 г.

*Дмитрий Ильич Ульянов
Около 1901 г.*

Мария Ильинична Ульянова. 1893 г.

Дмитрий Ильич Ульянов. 1901 г.

Д.И. Ульянов. М.И. Ульянова, А.И. Ульянова-Елизарова. 1931 г., Москва

Д.И. Ульянов с сыном Виктором

Виктор и Ольга Ульяновы

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. "Нет лжи безжалостней, чем умолчание"	5
Глава II. Кто вы, доктор Бланк?	51
Глава III. Версия калмыцкого происхождения Ульяновых	70
Глава IV. О немецких и шведских предках	91
Глава V. Новая книга о "тайнах" родословной Ленина. Вместо послесловия	113
<i>Приложения</i>	
А.А.Веретенникова. Неоконченные воспоминания	135
А.И.Ульянова-Елизарова. Александр Дмитриевич Бланк.....	140
Д.И.Ульянов. В редакцию журнала "Красная новь" (По поводу 1-й части романа Шагинян "Билет истории")	148
Н.В. Первушин. Кем был Александр Бланк?.....	154
Библиография	164
Иллюстрации	173

Государственный Исторический музей

Научное издание

О.Абрамова, Г.Бородулина, Т.Колоскова

МЕЖДУ ПРАВДОЙ И ИСТИНОЙ

(Об истории спекуляций вокруг родословия В.И.Ленина)

Редакционно-издательский центр ГИМ

Заведующая *Т.А.Кравченко*

Редактор *М.А.Наумова*

Художник *Н.А.Крюкова*

Художественный редактор *И.К.Борисова*

Технический редактор *Л.В.Жигульская*

Корректор *Н.А.Трайнина*

Компьютерный набор *Е.А.Говорова,*

О.В.Графутина, О.В.Киташова

Компьютерная верстка — *"ДА Стиль"*

Выпускающий *М.Н.Ватиашвили*

Формат 60х90/16. Гарнитура Таймс.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 12,0.

Тираж 3000 (1-й завод — 1000 экз).

Типография ГЦ МПП

Государственный Исторический музей
103012, Москва, Красная площадь, 1/2

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО В. И. УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА)

